

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

На правах рукописи

Четвериков Сергей Алексеевич

**ОРЕНБУРГСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА
В 1820-х – 1870-х ГОДАХ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Амелин Веналий Владимирович

Оренбург – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	28
§ 1.1. Развитие системы политической ссылки в Российской империи в начале XVIII – 70-х годах XIX века.....	28
§ 1.2. Деятельность Особой комиссии по пересмотру правил об административной высылке и полицейском надзоре.....	52
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-х – 1850-х ГОДАХ.....	69
§ 2.1. Утверждение Оренбургской губернии в качестве местности размещения политических ссыльных.....	69
§ 2.2. Политические ссыльные в Оренбургском крае в начале 1830-х – 1850-х годах.....	87
ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-х – 1870-х ГОДАХ.....	115
§ 3.1 Высылка на территорию Оренбургского края польских политических преступников в первой половине 1860-х годов.....	115
§ 3.2. Утрата Оренбургской губернией статуса места размещения большого числа политических ссыльных.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	181
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	209

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политическое устройство любого суверенного государства предполагает наличие системы подавления существующих в обществе антиправительственных настроений, опирающейся при расследовании государственных преступлений на специально созданный орган исполнительной власти. Во второй четверти XIX века в Российской империи таким органом власти стало Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии (далее – Третье Отделение). Выделяется новый вид преступлений – неблагонадежность в политическом отношении, под которой понимается оскорбление членов правящей династии и высших государственных сановников, неодобрение внутренней и внешней политики правительства, а также призывы к национальной независимости для окраин империи. Основным видом наказания для лиц, считавшихся «политическими преступниками», становится их принудительное удаление из мест постоянного пребывания в отдаленные регионы империи. Принудительное удаление под надзор полиции являлось смягчающим наказанием, заменявшим собой смертную казнь, а также наказанием, призванным обеспечить «исправление» преступников. Оно осуществлялось как по решению суда, так и в административном порядке – по решению начальника губернии или министра внутренних дел. Основными регионами, назначенными правительством для размещения политических ссыльных, были Сибирь, Архангельская, Пермская, Вологодская и Оренбургская губернии.

Таким образом, под термином «оренбургская политическая ссылка» автор понимает принудительное удаление в Оренбургскую губернию лиц, виновных в действиях, затрагивавших интересы Верховной власти, государственный строй или общественное устройство. Под термином «политические ссыльные» – всех лиц, принудительно удаленных из мест их постоянного проживания под надзор полиции, за действия, затрагивавшие интересы Верховной власти, общественное

и государственное устройство, которые находились в ведении Третьего отделения.

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием в исторической науке комплексной, свободной от идеологических влияний концепции развития оренбургской политической ссылки в период существования Третьего отделения. Большинство научных исследований рассматривают отдельные аспекты политической ссылки в рамках изучения истории развития революционного движения в Российской империи или национально-освободительного движения в Польше. Поэтому открытым остается вопрос о динамике изменения численности политических ссыльных, присланных на жительство в Оренбургскую губернию в 1820-х – 1870-х годах. Решение данного вопроса позволит восполнить существующий в науке пробел.

Политическая ссылка является многоаспектной темой, интерес к которой в современных условиях обусловлен введением в научный оборот новых данных и изменением оценок ряда исторических событий. Важнейшее из них – учреждение специального органа исполнительной власти (Третьего отделения), в целях сохранения политической стабильности государства. Его деятельность основывалась на идее «исправления» преступников путем их принудительного удаления на жительство в отдаленные регионы империи. В результате Оренбургская губерния, имевшая тесные контакты с враждебно настроенными государствами Средней Азии, становится одним из заметных мест ссылки.

Необходимость изучения политической ссылки связана с формированием в настоящее время особой социально-политической и информационной обстановки, способствующей переосмыслению отдельных процессов и явлений. Появление в первой четверти XIX века антиправительственных настроений свидетельствовало о наличии в Российской империи серьезных внутривнутриполитических проблем, борьба с которыми потребовала изменения законодательства. Анализ мер, предпринятых правительством для сохранения политической стабильности общества, требует комплексного научно-теоретического осмысления.

Недостаточно изучена степень влияния политических ссыльных на местное общество и роль Оренбургской губернии в пенитенциарной системе Российской империи. Тщательного рассмотрения и анализа требуют законодательные нормы, регламентировавшие деятельность системы политической ссылки.

Актуальность диссертационной работы возрастает в связи с недостаточной изученностью локальных особенностей политической ссылки в различных частях Российской империи.

Объектом исследования выступает ссылка как специальный вид наказания для политических противников Верховной власти.

Предмет исследования – реализация правительством правового механизма наказания «политических преступников», правовое и социально-экономическое положение политических ссыльных в 1820-х – 1870-х годах.

Хронологические рамки работы охватывают период с середины 1820-х до конца 1870-х годов. Отправная точка исследования связана с разгромом первых тайных обществ и декабристских организаций, приведшим к усилению контроля над политическими настроениями в обществе посредством Третьего отделения. Конечная дата связана с передачей функций политической полиции Министерству внутренних дел вследствие непрекращающихся террористических актов против представителей власти и распространения среди рабочих и крестьянства антиправительственной агитации. Выбор хронологических рамок обусловлен необходимостью показать роль и масштабы оренбургской политической ссылки в период существования Третьего отделения.

Территориальные рамки исследования охватывают пространство большой Оренбургской губернии, в состав которой с 1796 года входили 12 уездов: Оренбургский, Уфимский, Верхнеуральский, Челябинский, Троицкий, Бирский, Белебеевский, Стерлитамакский, Мензелинский, Бугульминский, Бузулукский и Бугурусланский (последние три были переданы в 1850 году Самарской губернии). После деления Оренбургской губернии в середине 1865 года, территориальные рамки ограничились Оренбургским, Челябинским, Орским, Верхнеуральским и Троицким уездами.

Степень научной разработанности проблемы. Оренбургская политическая ссылка является многогранной проблемой, изучение которой началось во второй половине XIX века в связи с возникновением научного интереса к особенностям функционирования пенитенциарной системы Российской империи. Поэтому все имеющиеся по данной теме исследования будет уместно условно разделить на две основные тематические группы:

- 1) труды историко-юридического характера;
- 2) работы биографического характера.

Первую группу составляют труды, посвященные проблеме возникновения и развития системы политического сыска в Российской империи, рассматривающие права и материальное положение ссыльных. Разнообразие историко-юридических аспектов политической ссылки позволяет разделить все научные работы данной группы на две категории: а) сочинения, рассматривающие происхождение, этапы развития и особенности системы политической ссылки в Российской империи; б) исследования, указывающие на значение политической ссылки в пенитенциарной системе Российской империи.

К первой категории относятся исследования М. Ф. Владимирского-Буданова, Н. М. Ядринцева, И. Я. Фойницкого, Д. А. Дриля и С. В. Максимова.

В работах «Обзор истории русского права»¹ М. Ф. Владимирского-Буданова и «Исторические очерки русской ссылки» Н. М. Ядринцева рассматривается проблема возникновения в пенитенциарной системе Российской империи ссылки в качестве специального вида наказания, заменявшего собой смертную казнь. По мнению последнего, ссылка до XIX столетия подвергалась многим случайностям. Для нее не существовало «ни определенных правил, ни точных законодательных узаконений...»².

В исследовании И. Я. Фойницкого «Управление ссылки» отмечается, что ссылка применялась как мера общей политики заселения окраин или как мера для временного удовлетворения местной нужды в рабочих руках. Главной проблемой

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915.

² Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872, С. 524.

ссылочной системы в России автор считал то, что ею «руководили органы общего управления, обремененные другими заботами, действовавшие каждый в своей местности независимо друг от друга, и ... лишенные единого компетентного руководителя»³.

В работе Д. А. Дриля «Ссылка во Франции и России» указывается, что ссылка в России изначально носила колониционный характер, а «под влиянием постепенных изменений экономических условий приобрела значение средства перемещения вредных и опасных общественных элементов из центра и более культурных и населенных местностей, на отдаленные окраины»⁴.

Отдельно стоит отметить сочинение С. В. Максимова «Сибирь и каторга»⁵, в котором тщательно исследуется проблема возникновения политической ссылки как специального вида наказания.

Ко второй категории относятся работы Н. М. Ядринцева, Н. Д. Рычкова и Е. Н. Анучина.

Н. М. Ядринцев⁶ в сочинении «История этапного странствия обыкновенного смертного» главной особенностью пенитенциарной системы Российской империи называет небрежность при заполнении официальных бумаг при записи личности и вещей, содержащихся при ссылках, что приводило к искажению фамилий и отправке преступников в местности, определенные судом для ссылки других лиц.

Н. Д. Рычков в исследовании «О полицейском надзоре по законодательствам русскому и некоторых иностранных государств» отмечает, что в Российской империи ссылка применялась в качестве меры политической, административной, судебной-карательной и меры ограничения прав сословных⁷.

³ Сборник государственных знаний под редакцией В.П. Безобразова. СПб., 1880, С. 162.

⁴ Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899, С. 5.

⁵ Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 3: Политические и государственные преступники. СПб., 1871.

⁶ Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

⁷ История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. СПб., 1873, С. 2.

Е. Н. Анучин в работе «Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов»⁸ закладывает основы изучения различных категорий ссыльных в зависимости от их пола, возраста, вероисповедания, происхождения, сословного положения, экономического благосостояния и тяжести совершенных ими преступлений.

Установлению роли ссылки в пенитенциарной системе Российской империи посвящены работы М. К. Цебриковой⁹, С. В. Кодан¹⁰ и А. Д. Марголиса¹¹.

Таким образом, историко-юридические исследования внесли большой вклад в изучение проблемы появления в законодательстве специального вида наказания для политических преступников, а также в определение ключевых особенностей системы политической ссылки Российской империи.

Вторая группа исследований, делающих акцент на биографических данных политических ссыльных, их влиянии на экономическое, социальное и культурное развитие Оренбургской губернии, более многочисленна. Поэтому ее необходимо хронологически разделить на работы, опубликованные в досоветский, советский и постсоветский периоды.

Характерной особенностью исследований, касавшихся различных аспектов оренбургской политической ссылки в досоветский период, был их описательный характер, вызванный тем, что большинство из них являлись статьями в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии», а также журналах: «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русский архив», «Былое» и «Русская старина». Целью их написания было стремление рассказать широкому кругу читателей об интересных случаях из жизни политических ссыльных. Но, несмотря на это, они представляют собой не только историографическую, но и научную ценность, так

⁸ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов. Материалы для уголовной статистике России. СПб, 1873.

⁹ Цебрикова М.К. Каторга и ссылка. СПб., 1907.

¹⁰ Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826 – 1856). Иркутск, 1980; Его же. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX века. Иркутск, 1980.

¹¹ Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. М., 1995.

как содержат богатый фактический материал и нередко опираются на источники, недоступные для современных исследователей.

Во второй половине XIX – начале XX века издается большое количество статей и научных исследований, нацеленных на освещение биографии известных исторических личностей, сосланных в Оренбургскую губернию по политическим причинам: Ф. Е. Секретарева¹², Г. С. Карелина¹³, А. Н. Плещеева¹⁴, К. Зеленко¹⁵ и Т. Зана¹⁶. Публикуются статьи, рассказывающие о нахождении в оренбургской ссылке членов различных тайных обществ. Например, ссылке в Оренбургскую губернию членов тайного общества «Филоматы» были посвящены исследования Ф. Вержбовского¹⁷, П. Кукольника¹⁸, С. Бархатцева¹⁹.

Нахождение в Оренбургской губернии петрашевцев рассматривалось М. Л. Юдиным²⁰, членов тайного общества братьев Критских – М. К. Лемке²¹. Большой вклад в изучение проблемы нахождения Т. Г. Шевченко в оренбургской ссылке внесла статья Е. М. Гаршина «Шевченко в ссылке»²², ставшая основой для всех последующих исследований биографии поэта.

В. Н. Никитиным рассматривается проблема принудительного зачисления на военную службу преступников различных категорий без выслуги лет. К столетию Военного министерства издается сборник, содержащий сведения о

¹² Корсаков А. Федор Ермолаевич Секретарев // Русский архив. 1882. Книга 1, № 1. С. 160 – 166.

¹³ Липский В.И. Григорий Силич Карелин (1801 – 1872). Его жизнь и путешествия. СПб., 1905.

¹⁴ Юдин П.Л. А.Н. Плещеев в ссылке // Исторический вестник. 1897, Т. LXVIII. С. 402 – 422.

¹⁵ Модестов Н.Н. Кандид Зеленко в Оренбурге // Труды ОУАК. Выпуск XXVIII. 1913.

¹⁶ Модестов Н.Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды ОУАК. Выпуск XXXV. 1917, С. 7 – 56.

¹⁷ Вержбовский Ф. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819 – 1823 годах. Варшава, 1898.

¹⁸ Кукольник П. Анти-Ципринус. Воспоминания о Н.Н. Новосильцеве // Русский архив. 1873, № 2. С. 203 – 218.

¹⁹ Бархатцев С. Из истории Виленского учебного округа // Русский архив. 1874, № 5. С. 1149 – 1262.

²⁰ Юдин М.Л. К биографии А.Н. Плещеева // Исторический вестник. 1905, Т. СП. С. 151 – 169.

²¹ Лемке М.К. Тайное общество братьев Критских // Былое. СПб. Июнь 1906, № 6. С. 41 – 58.

²² Гаршин Е.М. Шевченко в ссылке // Исторический Вестник. 1886, Т. XXIII. С. 154 – 179.

политических ссыльных, зачисленных на военную службу в период правления Николая I²³.

Н. В. Бергом²⁴ и В. Студницким²⁵ издаются работы, призванные оправдать действия правительства при подавлении Польских восстаний, приуменьшавшие общее число лиц, принудительно удаленных из Царства Польского и Западных губерний в 1831 и 1863–1865 годах.

Следовательно, дореволюционными авторами были всесторонне изучены правовые и организационные аспекты системы политической ссылки Российской империи. Уделено пристальное внимание проблеме неэффективности ссылки в деле предотвращения правонарушений. Исследователей интересовали биографии политических ссыльных, их социальное и сословное происхождение.

Оренбургская политическая ссылка рассматривалась дореволюционными авторами в рамках декабристского и народнического движений и истории борьбы с тайными обществами и волнениями в Западном крае и в Царстве Польском. При этом за исключением сочинения В. М. Гессена²⁶, в данный период отсутствовали исследования, посвященные административной ссылке.

Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменила структуру исторического познания. Формируется единая парадигма, требовавшая широкого освещения «преступлений царизма», в числе которых была названа политическая ссылка. Поэтому многие советские исследователи сознательно завышали данные о числе политических ссыльных, относя к ним всех лиц, осужденных на каторгу и ссылку за действия, направленные против правительства. Исходя из принципов марксистско-ленинской концепции истории, они в первую очередь обращали внимание на революционный аспект политической ссылки, участия политических ссыльных в подготовке революции. Уроженцы Царства Польского, высланные во

²³ Никитин В.Н. Быт военных арестантов в крепостях. СПб., 1873; Столетие военного министерства 1802 – 1902. Военно-тюремные учреждения. Т. XII. Ч. III. СПб., 1911.

²⁴ Берг Н.В. Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831 – 1862. М., 1873.

²⁵ Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1908.

²⁶ Гессен В.М. Исключительное положение. СПб., 1908.

внутренние губернии империи, рассматривались ими как участники национально-освободительного движения.

Изучение политической ссылки в советской историографии было начато с публикации списков «жертв карательной политики царизма». Ведущую роль при этом сыграли исследования, издаваемые Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев, посвященные как биографии отдельных ссыльных, так и различным тайным обществам в Российской империи. Биографические сведения о политических преступниках, высланных в Оренбургскую губернию, содержатся в историко-революционном вестнике «Каторга и ссылка», первом и втором томах Био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России»²⁷, составленных А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой.

В 1931 году Р. М. Кантором был опубликован систематически-предметный указатель «Каторга и ссылка за 10 лет (1921–1930)»²⁸, содержащий перечисление всех исследований, статей и воспоминаний, посвященных проблеме развития революционного движения в России и контрреволюционных действий царского правительства. К числу таких действий были отнесены суд над революционерами, отправка их в тюрьмы и высылка на поселение, ссылка на каторгу или под надзор начальства и полиции в отдаленные регионы империи. Данный сборник является первой попыткой дать подробный перечень всех работ, затрагивавших различные аспекты политической ссылки в Российской империи.

Слабой стороной сборников 1920-х – 1930-х годов, несмотря на наличие обширных сведений о биографиях ссыльных, было недостаточное использование составителями архивных материалов и опора на исследования дореволюционных авторов.

В начале 1930-х годов был установлен негласный запрет на обсуждение тем, связанных с осуществлением государством своих карательных функций. Поэтому следующие работы, посвященные оренбургской политической ссылке, выходят в

²⁷ Деятели революционного движения в России: Био-библиогр. словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1927 – 1934.

²⁸ Кантор Р.М. «Каторга и ссылка» за 10 лет (1921-1930): Систематически-предметный указатель. М., 1931.

свет лишь в начале 1960-х годов. Основное внимание исследователей переносится на изучение ссылки членов различных тайных обществ и участников польского национально-освободительного движения.

В. Г. Вержбицкий²⁹, В. А. Федоров³⁰ и В. А. Дьяков³¹, опираясь на сведения из неопубликованных ранее источников, рассматривают принудительное зачисление на военную службу лиц, обвинявшихся в политических преступлениях.

В. З. Галиев³² и И. М. Гвоздикова³³ выявляют участников событий 14 декабря 1825 года, зачисленных в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса.

Большое значение для изучения проблемы польской политической ссылки в Оренбургскую губернию имеет исследование Г. С. Сапаргалиева и В. А. Дьякова³⁴. В нем впервые приводятся данные об общем количестве уроженцев Царства Польского, принудительно зачисленных в оренбургские батальоны в 1830-х – 1850-х годах. Явным недостатком данной работы является идеализация общественного мнения о польских ссыльных. По мнению авторов «большинство русского населения относилось к ним с сочувствием и оказывало поддержку. Оно видело в них не только мучеников, но и передовых людей, поэтому старалось всячески облегчить их тяжелую участь»³⁵.

²⁹ Вержбицкий В.Г. Революционное движение в Русской армии (с 1826 по 1859 гг.) // Труды Государственного исторического музея. Т. 39. М., 1964.

³⁰ Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов (1816 – 1825 гг.). М., 1963.

³¹ Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 – 1865 годов (Биобиблиографический словарь). М., 1967; Его же. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.

³² Галиев В.З. Декабристы и Казахстан. Алма-Ата, 1990.

³³ Гвоздикова И.М. Против крепостничества и самодержавия (Ссыльные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988, С.150 – 164.

³⁴ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971.

³⁵ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971, С. 17.

Выходит статья Л. П. Рощевской³⁶, посвященная проблемам историографии политической ссылки; исследование И. В. Оржеховского³⁷ об истории становления политической полиции в России.

Доказательству многонационального характера оренбургской политической ссылки посвящены исследования В. А. Дьякова³⁸, содержащие биографические справки и личные дела политических ссыльных, принудительно зачисленных на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса в 1830-х – 1850-х годах.

В 1991 году И. М. Гвоздиковой были определены четыре основных потока политических ссыльных, прибывавших на территорию Оренбургской губернии в 1817–1860-х годах:

- 1) «Ссыльные офицеры, зачинщики восстаний военных поселян, солдаты Семеновского полка, а также декабристы;
- 2) Члены кружков конца 20-х – начала 30-х годов XIX века;
- 3) Участники польского восстания 1830–1831 годов;
- 4) Ссыльные участники тайных обществ и кружков 40-х – 50-х годов XIX века»³⁹.

Особенностью советского периода изучения истории политической ссылки стало выделение «государственных» (декабристы, петрашевцы) и «политических» ссыльных (лица, наказанные за преступления и проступки против общественного или государственного порядка и Верховной власти). На наш взгляд эта трактовка ошибочна. Все лица, высланные в отдаленные регионы империи по политическим причинам, являлись «политическими ссыльными», потому что выступали против

³⁶ Рощевская Л.П. Политическая ссылка второй половины XIX в. в системе карательных мер царизма (к историографии вопроса) // Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974, С. 35 – 39.

³⁷ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России: (1826 – 1880 годы). М., 1982.

³⁸ Дьяков В.А. Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847 – 1850 годах // Славянская историография и археография. М., 1969, С. 231 – 253; Его же. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964.

³⁹ Гвоздикова И.М. Особенности складывания оренбургской политической ссылки в первой половине XIX века и задачи по ее изучению // II-е Рычковские чтения. Социальное, экономическое и экологическое развитие Южного Урала в XIX – XX веках. Тезисы и материалы. 1991, С. 11 – 12.

существующего порядка. Неслучайно в делопроизводственных документах они назывались то государственными, то политическими преступниками.

В целом, советскими авторами был введен в научный оборот широкий круг материалов центральных и местных архивов, посвященных функционированию системы политической ссылки в Российской империи. Высылка в Оренбургскую губернию лиц, неблагонадежных в политическом отношении, рассматривалась ими в рамках развития польского национально-освободительного движения или революционного движения в России.

Слабой стороной большинства исследований данного периода является их идеологическая направленность, что приводило к идеализации лиц, высланных по политическим причинам, а также завышению их общего числа с целью показать размах «карательной политики царизма». Кроме того, несмотря на тщательную разработку отдельных тем (польской политической ссылки, высылки декабристов, петрашевцев, участников народнического движения), отсутствовало комплексное научное исследование оренбургской политической ссылки.

В постсоветский период усиливается интерес к роли карательных органов в истории российского государства. Появляются исследования Е. В. Анисимова⁴⁰, И. Симбирцева⁴¹, посвященные образованию и деятельности политической полиции в Российской империи. Под редакцией В. С. Измолика⁴² издается сборник по истории возникновения и деятельности жандармерии в России.

Упрощение доступа к архивным документам дало возможность историкам тщательно изучить систему политической ссылки в Российской империи, выявить круг преступлений, считавшихся в XIX веке политическими, исследовать центры размещения политических ссыльных. Среди исследователей, изучающих данные проблемы, следует назвать П. Л. Казаряна⁴³, О. Н. Шульбаева⁴⁴, А. А. Терехина⁴⁵ и С. Ю. Овечкину⁴⁶.

⁴⁰ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

⁴¹ Симбирцев И. Третье Отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской. М., 2006.

⁴² Жандармы России. СПб.; М., 2002.

⁴³ Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка в системе карательной политики царизма. Дис. ... д-ра. ист. наук. Владивосток, 1998.

Особо следует отметить группу исследователей, занимающихся изучением проблемы польской политической ссылки. К их числу относятся Ф. Новински⁴⁷, В. В. Латыпова⁴⁸, В. А. Павлов⁴⁹, Л. Г. Подлевских⁵⁰, С. Г. Пяткова⁵¹, Л. П. Кононова⁵², С. А. Мулина⁵³ и Е. П. Береговая⁵⁴.

Повседневная жизнь политических ссыльных стала предметом изучения для Д. А. Калининой⁵⁵.

Большой вклад в изучение различных аспектов оренбургской политической ссылки внес Д. А. Сафонов, определивший основные проблемы в историографии данной проблемы⁵⁶, круг полномочий и направления деятельности Оренбургского губернского жандармского управления⁵⁷.

Биографические сведения о лицах, принудительно зачисленных на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса по политическим причинам с 1847 по 1858 год, содержит «Оренбургская Шевченковская энциклопедия», изданная

⁴⁴ Шулбаев О.Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825 – 1895 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2000.

⁴⁵ Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003.

⁴⁶ Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005.

⁴⁷ Новински Ф. Польская политическая ссылка в Восточной Сибири 1831 – 1862 гг. Автореферат дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 1991.

⁴⁸ Латыпова В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1996.

⁴⁹ Павлов В.А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004.

⁵⁰ Подлевских Л.Г. Польская политическая ссылка в Российской провинции в 1860 – начале 1880-х гг. (На материалах Вятской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004.

⁵¹ Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период. Дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2004.

⁵² Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863 – 1864 годов (по материалам Архангельской губернии). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004.

⁵³ Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

⁵⁴ Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007.

⁵⁵ Калинина Д.А. Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2009.

⁵⁶ Сафонов, Д.А. Очерки историографии Оренбургской истории. Оренбург, 2005.

⁵⁷ Сафонов Д.А. Жандармское управление в провинциальной губернии: реальные направления и методы работы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2013, № 3 (7). С. 87 – 94.

Л. Н. Большаковым⁵⁸. Благодаря привлечению материалов центральных и местных архивов она является ценным источником по польской политической ссылке.

В постсоветский период публикуются статьи, посвященные материальному и социальному положению ссыльных – участников Польского восстания 1863 года. В. и Р. Сливовские⁵⁹ поднимают вопрос о различном отношении местных властей к польским ссыльным. Е. Н. Попова указывает на то, что отношение правительства к участникам Польского восстания 1863 года характеризовалось: отсутствием четких правил, определявших их положение, несогласованностью в действиях центральных и местных органов власти и преобладанием в политике местной администрации карательных мер⁶⁰.

Она считает, что правительство было неподготовленным к «проведению крупномасштабной карательной акции по отношению к участникам польского Январского восстания в плане отсутствия четко сформулированной, грамотной политической программы»⁶¹.

В. В. Латыпова⁶² и А. И. Кортунов⁶³ рассматривают динамику численности и положение польских политических ссыльных на службе в батальонах Отдельного Оренбургского корпуса.

⁵⁸ Большаков Л.Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: Энциклопедия одиннадцати лет. 1847 – 1858. Оренбург, 1997.

⁵⁹ Сливовская В., Сливовский Р. Польские ссыльные в первой половине XIX века – распространители просвещения в Восточной Сибири // Академии наук Польши и России, университеты, высшая школа, научные учреждения и общества: история польско-российских отношений в сфере науки. Тезисы. М., 2010, С. 60.

⁶⁰ Попова Е.Н. Власть и ссыльные участники национально-освободительного восстания в Польше 1863 года: к вопросу о взаимоотношениях // История Оренбургская: наследие и современность: первые региональные, историко-краеведческие чтения памяти проф. П.Е. Матвиевского (3 марта 2006 г.). Оренбург, 2006, Т. 2. С. 97 – 102 .

⁶¹ Новокрещенова Е.Н. К вопросу о взаимоотношениях оренбургской администрации и польских политических ссыльных 1863 – 1864 гг. // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863 – 1864 г. Материалы (Иркутск, 26 – 30 сентября 2007 г.). Иркутск, 2008, С. 193 – 197.

⁶² Латыпова В.В. Ссыльные поляки на Южном Урале в XVII –XIX веках // Оренбургской губернии 250 лет (проблемы истории и культуры). Тезисы докладов и сообщений исследователей Башкортостана на научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии. Уфа, 1994, С. 43 – 46; Ее же. Польская ссылка на Южном Урале в XIX начале XX вв. // Польская ссылка в России XIX – XX веков: Региональные центры. Казань, 1998, С. 137 – 144.

Исключительный интерес представляют различные подходы к определению времени появления первых политических ссыльных на территории Оренбургской губернии. Так, по мнению И. М. Гвоздиковой Оренбургская губерния становится местом политической ссылки лишь в 1819 году, с момента прибытия участников восстания военных поселян в г. Чугуеве. В противовес ей Д. А. Сафонов считает, что становление Оренбургской губернии местом политической ссылки произошло «значительно раньше – любая ссылка не уголовного характера уже политическая»⁶⁴. На наш взгляд, первые политические ссыльные были присланы на жительство в Оренбургскую губернию уже во второй половине XVIII века, что было обусловлено ее географическим положением.

Таким образом, изучение оренбургской политической ссылки в настоящее время характеризуется отсутствием идеологического давления на исследователей и переносом основного внимания авторов на частную жизнь ссыльных.

Представленный историографический анализ позволяет сделать следующие выводы:

– исследования оренбургской политической ссылки проходили в контексте разработки истории тайных обществ и польских восстаний, поэтому носили в большинстве случаев фрагментарный характер;

– большинство работ были посвящены биографии политических ссыльных, их национальному и социальному происхождению, в результате чего оставалась неисследованной проблема влияния ссыльных на местное общество;

– главной проблемой современного этапа изучения проблемы оренбургской политической ссылки является отсутствие комплексной работы, обобщающей все имеющиеся сведения о ее роли и значении в пенитенциарной системе Российской империи.

⁶³ Кортунов А.И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX века) // Мир науки, культуры, образования. 2014, № 5. С. 239 – 242.

⁶⁴ Сафонов Д.А. Актуальные вопросы истории общественно-политического развития Оренбуржья (до 1917 г.) // Вестник ОГУ. 2012, № 5 (141). С. 20.

Цель диссертационного исследования состоит в изучении процесса развития и функционирования оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- показать процесс формирования законодательной базы, регулировавшей деятельность системы политической ссылки в Российской империи;
- рассмотреть процесс получения Оренбургской губернией статуса одного из главных мест размещения политических ссыльных;
- представить динамику изменения численности политических ссыльных в Оренбургской губернии в 1820-х – 1870-х годах;
- определить значение Оренбургской губернии в пенитенциарной системе Российской империи в 1830-е – 1850-е годы;
- проанализировать порядок высылки на территорию Оренбургского края участников Польского восстания 1863 года;
- проследить процесс и выявить причины утраты Оренбургской губернией статуса одного из главных мест размещения политических ссыльных.

Источниковая база исследования включает комплекс архивных документов и опубликованных материалов, содержащих сведения о развитии оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах.

В ходе выполнения кандидатской диссертации автором были использованы следующие типы письменных источников:

1. Делопроизводственные документы.
2. Нормативно-правовые и законодательные акты.
3. Статистические материалы.
4. Документы личного происхождения (мемуары, дневники, документы из личного архива Екатерины II и Павла I).
5. Периодическая печать (дореволюционные периодические издания).

Использованные в работе неопубликованные и опубликованные источники можно разделить на четыре основные группы:

Первая группа источников представлена неопубликованными материалами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).

Материалы ГАРФ позволили установить круг лиц, считавшихся в XIX веке политическими преступниками. Фонд 109 ГАРФ «Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии» определяет к числу политических преступников:

- лиц, принимавших участие в Польских восстаниях 1830–1831 и 1863 годов;
- лиц, наказанных за принадлежность к различным тайным обществам;
- лиц, высланных под надзор начальства или полиции за причастность к политическим беспорядкам на территории Царства Польского и Западного края;
- лиц, отправленных на жительство под надзор начальства или полиции за произнесение дерзких слов против Особ Императорской Фамилии.

Кроме того он содержит сведения о польских ссыльных, переведенных из Сибири во внутренние Европейские губернии России под полицейский надзор и о помиловании участников Польского восстания 1863 года.

Первостепенное значение для выявления общей численности политических преступников, присланных на территорию Оренбургской губернии в 1820-х – 1870-х годах, имеют статистические материалы, содержащиеся в фонде 6 ГАОО «Канцелярия оренбургского генерал-губернатора». Среди них ключевое значение имеют «Ведомости о лицах, состоявших под надзором полиции» в различных городах Оренбургской губернии с 1810 по 1880 год. Данные ведомости включают в себя сведения о местах рождения, сословной принадлежности, причинах высылки и времени нахождения преступников под надзором полиции, что позволяет провести тщательный анализ состава политических ссыльных и увидеть динамику изменения их численности.

Важные сведения, касающиеся правил содержания политических ссыльных, их материального положения и поведения во время нахождения под полицейским надзором, содержатся в делопроизводственных документах, хранящихся в фонде

10 ГАОО «Канцелярия оренбургского губернатора», а также фонде 21 ГАОО «Оренбургское губернское жандармское управление» – циркуляры Министерства финансов и Министерства внутренних дел; текущая переписка оренбургского генерал-губернатора (вице-губернатора) с министром внутренних дел и главным начальником Третьего и др.

Особый интерес для темы исследования представляют материалы фонда 10 ГАОО, содержащие сведения об амнистии участников Польского восстания 1863 года и о политических ссыльных, поселившихся в Оренбургской губернии после освобождения от полицейского надзора.

Списки участников Январского восстания 1863 года в Царстве Польском и западных губерниях, определенных к поселению в Оренбургском и Челябинском уездах, находятся в фонде 18 ГАОО «Оренбургская палата государственных имуществ».

Изучение данного фонда позволило выявить ценные сведения о поведении польских ссыльных и об их отношениях с местным населением, ознакомиться с перепиской волостных начальников с Оренбургской палатой государственных имуществ и прошениями ссыльных поляков о переводе на жительство в уездные города, а также о дозволении им обучаться какому-либо ремеслу.

Таким образом, изучение архивных документов позволило определить роль Оренбургской губернии в пенитенциарной системе Российской империи, выявить круг преступлений, считавшихся политическими, исследовать процесс развития оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах.

Вторую группу источников составили сборники документов и нормативно-правовые и законодательные акты. К данной группе источников относятся указы, манифесты, положения и другие распорядительные документы: тома X, XII, XIV, XV «Свода Законов Российской империи»; «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах» 1831 года; «Уложение о наказаниях»; «Устав о ссыльных» и «Правила об административной высылке и полицейском надзоре». Особую значимость при изучении проблемы развития законодательных норм, регулировавших систему политической ссылки в Российской империи, сыграли

материалы, содержащиеся в Собрании I и Собрании II «Полного собрания законов Российской империи».

Значительные сведения о лицах, присланных в Оренбургскую губернию по политическим причинам, были получены автором при изучении опубликованных исторических документов. Например, в исторических журналах были напечатаны именные указы Екатерины II⁶⁵ и Павла I⁶⁶ о лицах, отправленных на жительство в г. Оренбург. В «Русском архиве» был опубликован доклад графа А. Ф. Орлова об «Украино-Славянском обществе»⁶⁷.

В «Вестнике Европы» была напечатана анонимная статья «Следствие и суд над польскими повстанцами в Северо-Западном крае в 1863–1864 годах»⁶⁸, содержащая циркуляр Временного Полевого аудиториата № 3145 от 14 октября 1865 года, посвященный «упущениям», имевшим место в Западных губерниях при производстве политических дел.

Среди сборников документов первостепенное значение имеет вышедший под редакцией В. Я. Богучарского (Б. Базилевского) трехтомник «Государственные преступления в России в XIX веке», представляющий собой сборник извлечений из официальных изданий и правительственных сообщений о лицах, наказанных за политические преступления.

Исключительную важность при исследовании вопроса о ссылке участников событий 14 декабря 1825 года в Оренбургскую губернию имеет выходящий под редакцией С. В. Мироненко сборник «Восстание декабристов»⁶⁹. Данный сборник включает в себя ранее неопубликованные архивные документы, предоставляющие информацию о ходе расследования происшествия 14 декабря, сведения о лицах, допрошенных и наказанных по подозрению в причастности к тайным обществам и за поддержку декабристов.

⁶⁵ Русский архив. 1871, № 7 – 8. С. 1252.

⁶⁶ Муханов П.А., Хмыров М.Д. Указы и повеления Павла I Санкт-Петербургским военным губернаторам. 1796 – 1797 годы // Русская старина. 1872, Т. V. С. 235 – 256.

⁶⁷ Русский архив. 1892, № 7. С.334 – 359.

⁶⁸ Е.Л. Следствие и суд над польскими повстанцами в Северо-Западном крае в 1863 – 1864 годах. По официальным документам // Вестник Европы. 1883, № 1. Т. XCIX. С. 388 – 399.

⁶⁹ Восстание декабристов. Документы. Т. XXI. М., 2008.

Некоторые сведения о политических ссыльных в Оренбургской губернии содержат шестой и седьмой выпуски «Сборника исторических материалов»⁷⁰ под общей редакцией Н. Ф. Дубровина.

Третью группу источников составили документы личного происхождения: мемуары, записки, воспоминания. Данная группа источников позволяет увидеть впечатления и отзывы современников исторических событий. Среди таких работ наибольший интерес представляют изданные во второй половине XIX – начале XX века воспоминания об оренбургской ссылке Г. С. Винского⁷¹, А. Песляка⁷², Б. Залеского⁷³ и В. А. Обручева⁷⁴.

Воспоминания очевидцев событий содержат ценные сведения о трудностях, с которыми сталкивались политические ссыльные при отправке в Оренбургскую губернию, сведения об отношении местных жителей к ссыльным, об их тяжелом материальном положении и об ограничениях, установленных для политических ссыльных.

Большой интерес представляют изданные в конце XIX века «Записки графа М. Н. Муравьева-Виленского», содержащие сведения о числе уроженцев Северо-Западного края, приговоренных к различным видам наказаний за причастность к Польскому восстанию 1863 года⁷⁵.

Четвертая группа источников представлена периодической печатью. Это журналы «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Русский архив», «Былое» и «Русская старина», содержащие биографические сведения о лицах, высланных в Оренбургскую губернию по политическим причинам.

⁷⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии / Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1876 – 1915.

⁷¹ Винский Г.С. Моё время. Записки Винского. СПб., 1914.

⁷² Лоссиевский М.В. Записки Песляка // Исторический Вестник. 1883, Т. XIII. С. 576 – 594.

⁷³ В. Zaleski. Wygnancy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Paris, 1866, S. 75 – 107.

⁷⁴ Обручев В. После ссылки. Личные воспоминания и заметки 1872 – 1906 годы // Вестник Европы. 1908, Т. ССLIII, № 10. С. 504 – 542.

⁷⁵ Русская старина. 1883, Т. XXXVII. С. 615 – 630.

Комплексное исследование данных групп источников позволило достаточно объективно рассмотреть процесс развития оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что автором на основе широкого круга источников впервые проведено комплексное исследование оренбургской политической ссылки в период существования Третьего отделения. Подробно изучены материалы ГАОО, посвященные лицам, сосланным в Оренбургскую губернию по политическим причинам в 1820-х – 1870-х годах. В результате этого в научный оборот был введен значительный массив не публиковавшихся ранее документов, посвященных отдельным политическим ссыльным, указывающих на изменение правового положения ссыльных в течение XIX века. Среди них следует назвать секретные циркуляры Министерства внутренних дел за 1820-е – 1870-е годы и секретное письмо председателя Департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудова Шефу жандармов А. Ф. Орлову об отсутствии различий между «политическими» и «государственными» преступниками.

Впервые проанализированы сведения, содержащиеся в ведомостях о лицах, состоявших под надзором полиции в Оренбургской губернии за 1810–1880 годы, позволившие выявить динамику численности политических ссыльных. Доказано, что политических преступников в Оренбургскую губернию было прислано значительно меньше, чем считалось ранее. Предложена периодизация оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах, основывающаяся на преобладавшем в определенный период времени виде наказания.

Установлены факторы, послужившие причиной назначения Оренбургской губернии местом размещения политических преступников. Всесторонне изучена деятельность комиссии, установившей новые правила административной ссылки и полицейского надзора. Доказана связь между увеличением числа политических ссыльных, единовременно проживавших в Оренбургской губернии, и крупными социально-политическими потрясениями: восстаниями в Царстве Польском, волнениями в армии и усилением антиправительственных настроений в обществе.

Пристальное внимание автора было уделено ссылочному законодательству, рассмотрение которого позволило дать качественную оценку роли политической ссылки в пенитенциарной системе Российской империи. Предложена авторская трактовка термина «политический ссылный» как лица, принудительно удаленного из места проживания за действия, затрагивавшие интересы Верховной власти или общественного устройства.

Вышеприведенные положения соответствуют пунктам 4, 6 и 11 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется отсутствием комплексного исследования процесса развития оренбургской политической ссылки в период существования Третьего отделения. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий по истории политической ссылки на Южном Урале в 1820-х – 1870-х годах и в дальнейших краеведческих исследованиях. Таблицы, созданные автором для удобства обработки личной информации о различных категориях политических ссылных, могут быть использованы для создания «Книги памяти», содержащей сведения о лицах, сосланных в Оренбургскую губернию в XIX веке. Упоминание в данной книге уроженцев Царства Польского может послужить укреплению связей между народами Польши и России.

Методология и методы исследования. Теоретическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности, предполагающие изучение отдельных процессов и явлений в их взаимосвязи.

Использование принципа историзма позволило изучить применение особого вида наказания – ссылки, к лицам, считавшимся политическими преступниками, в конкретной исторической обстановке. Принцип объективности позволил провести всесторонний анализ исторических фактов, определивших основные направления деятельности правительства в отношении лиц, считавшихся неблагонадежными в политическом отношении, с учетом их многогранности. Применение системного подхода позволило выявить комплекс взаимосвязанных элементов, определивших

положение и роль оренбургской политической ссылки в пенитенциарной системе Российской империи.

Для получения и систематизации фактического материала использовались специальные методы научного исследования: историко-системный и проблемно-хронологический. Историко-системный метод позволил определить отдельные причинно-следственные связи и закономерности развития политической ссылки в Оренбургской губернии в 1820-х – 1870-х годах. Проблемно-хронологический метод позволил выявить факторы, повлиявшие на развитие системы политической ссылки в Российской империи, а также использовался автором для определения преемственности освещения проблем исследования, таких как общая численность и правила содержания «политических преступников» в Оренбургской губернии в конкретной исторической обстановке. Для выявления общих закономерностей изменения численности ссыльных автором использовались методы статистического анализа данных, сравнительно-исторический метод и метод периодизации.

Проведенное автором исследование большого количества разнообразных источников было сопряжено с трудностями в их обработке и систематизации. Поэтому в целях упорядочения полученной информации в программе Microsoft Excel создавались таблицы, предоставляющие возможность работы с цифровыми данными: «Политические ссыльные участники тайных обществ»; «Политические ссыльные участники восстания 1831 года»; «Лица, высланные в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции»; «Польские ссыльные, участники восстания 1863 года»; «Польские политические преступники, переведенные из Сибири на жительство в Оренбургскую губернию». Данные таблицы содержат сведения о фамилиях, именах и отчествах ссыльных, местах их рождения и прежнего проживания, совершенных ссыльными преступлениях, сроках ссылки, времени их прибытия на территорию Оренбургской губернии и времени отправки на родину. Эти сведения позволили провести тщательный анализ данных, содержащихся в различных видах источников.

Положения, выносимые на защиту. В результате решения поставленных в диссертационной работе задач автор пришел к ряду положений, которые выносятся на защиту:

1. В 1820-х – 1870-х годах Оренбургская губерния являлась местом ссылки для четырех тысяч человек, виновных в преступлениях, затрагивавших интересы Верховной власти, государственное или общественное устройство.

2. В истории развития оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах выделяются три основных этапа:

Первый этап (1820-е – 1831 годы) – становление Оренбургской губернии в качестве одного из главных мест размещения политических ссыльных.

Второй этап (1830-е – 1850-е годы), когда основным видом наказания для политических преступников являлось принудительное зачисление на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса без выслуги лет.

Третий этап (1860-е – 1870-е годы), когда главными видами наказаний для политических преступников стали ссылка на жительство под надзор начальства и полиции и поселение на казенных землях в Оренбургском и Челябинском уездах.

3. Высылка лиц, неблагонадежных в политическом отношении, позволяла правительству оградить местное общество от их «вредного» влияния, не помещая преступников под стражу. При этом попытка превратить ссылку в исправительное наказание закончилась неудачей, так как многие из политических преступников продолжали придерживаться своих убеждений.

4. Большинство политических преступников, присланных в Оренбургскую губернию в 1820-х – 1870-х годах, являлись уроженцами Царства Польского и Западного края, участниками польского патриотического движения.

5. Автором было выявлено, что среди польских политических преступников в оренбургской ссылке возникли два противоположных типа поведения: 1) тесное сотрудничество с местной администрацией в надежде на помощь в освобождении от полицейского надзора; 2) отсутствие знакомых среди не поляков и нежелание идти на контакт с местной администрацией.

б. Автор не разделяет точку зрения исследователей, которые выделяют или противопоставляют «государственных» и «политических» ссыльных⁷⁶, так как само понятие «политическое преступление» подразумевает действие, затрагивающее интересы государства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были заслушаны и обсуждены на заседаниях кафедры истории Оренбургского государственного университета, апробировались на научных конференциях. Полученные результаты исследовательской работы отражены в 9 научных публикациях (4,65 п.л.), из них 3 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации включает в себя Введение, три главы, разделенные на параграфы, Заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

⁷⁶ Гвоздикова И.М. Особенности складывания оренбургской политической ссылки в первой половине XIX века и задачи по ее изучению // II-е Рычковские чтения. Социальное, экономическое и экологическое развитие Южного Урала в XIX – XX веках. Тезисы и материалы. 1991, С. 12; Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX века. Учебное пособие. Иркутск, 1980.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§ 1.1. Развитие системы политической ссылки в Российской империи в начале XVIII – 70-х годах XIX века

Принудительная высылка лиц, обвинявшихся в совершении преступлений, затрагивавших проблемы государственного устройства или интересы Верховной власти из мест их постоянного проживания в отдаленные регионы страны не была исключительно российским явлением. Впервые данный вид наказания появился в эпоху Античности в греческих Афинах, где существовали два вида ссылки: «уголовная» и «гражданская». Первая являлась пожизненным наказанием для преступников и сопровождалась конфискацией всего недвижимого имущества, разрушением семейного союза, «запрещением всем и каждому оказывать помощь изгнаннику ... «вступать с ним в какие бы то ни было сношения»⁷⁷.

Гражданская ссылка – остракизм – «была политическим правом народа и применялась к лицам»⁷⁸, влияние которых создавало угрозу для поддержания общественного порядка. Изгоняемые из полиса лица не лишались ни имущества, ни иных прав граждан, и могли вернуться на родину в качестве полноправного гражданина полиса по истечении 10 лет.

В республиканском Риме за «сакральные преступления» – уничтожение и передвижение межевых знаков, утрату целомудрия весталками, вызывающее или грубое обхождение клиентов со своими патронами, а также детей с родителями – смертная казнь по решению судей могла быть заменена на «добровольное удаление» – «*exilium*» с «запрещением огня и воды». При этом все имущество виновного конфисковалось в пользу богов. Преступнику запрещалось участвовать в отправлении религиозных культов. Публично провозглашалась потеря связей

⁷⁷ Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881, С. 4.

⁷⁸ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997, Ч. 1 Государственные и военные древности. С. 240.

преступника с римскими гражданами и лишение его гражданства. В то же время существовало и принудительное изгнание – «relegatio», применявшееся к людям, нахождение которых в Риме считалось опасным для сохранения общественного порядка. В этом случае высылаемые из города лица не лишались гражданства, и могли получить разрешение возвратиться на прежние места проживания.

Принудительное изгнание «relegatio» получила дальнейшее развитие во времена правления императора Адриана (117–138 годы), при котором изгоняемые из города Рима лица лишались права владения оставляемым в городе имуществом, и отправлялись на жительство в определенную императором местность. «Принудительное изгнание разделилось на: «relegatio ad tempus» (релегацию на определенный срок – один, три, пять лет), «relegatio in insulam» (пожизненную релегацию на острова Средиземного моря) и «confinatio» (конфинацию – запрещение покидать определенную местность)»⁷⁹.

Другим видом административного наказания становится «депортация» – принудительное переселение, которое сопровождалось конфискацией имущества, лишением гражданства, расторжением брака и родственного союза, утратой прав патроната, отеческой власти, опеки и наследования. Семье депортированного лица запрещалось следовать за ним в ссылку.

Главные принципы системы административной ссылки в Римской империи были переняты европейскими государствами. «Местностью, предназначенной для изгнания испанских подданных, являлись Филиппинские и Марианские острова, Гаити, Куба, Мексика и Калифорния. Для Португалии – Мозамбик, Бразилия, Ангола. Для Великобритании – Австралия, Северная Америка и Тасмания. Для Франции – Канада, Алжир, Французская Гвиана и Новая Каледония»⁸⁰.

Изучение системы политической ссылки в Российской империи невозможно без тщательного анализа истории развития ссылочного законодательства.

⁷⁹ Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881, С. 8.

⁸⁰ Четвериков С.А. Становление системы политической ссылки в Российской империи // Этнопанорама. 2015, № 1 – 2. С. 93.

До 1649 года в России ссылка носила вид принудительного изгнания. Так, члены семьи Романовых были отправлены Борисом Годуновым на жительство в Пелым и Пермскую губернию⁸¹.

Соборное Уложение, определив перечень государственных преступлений, в особой главе «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать»⁸², провозгласило ссылку – принудительную отправку на жительство в назначенную правителем местность – в качестве меры наказания преступников. Согласно данной главе государственными преступлениями являлись: «покушение на здоровье и жизнь государя (статья 1), попытка поднять мятеж с целью «государем быть» (статья 2), сдача города противнику (статья 3), умышленный поджог города (статья 4), недонесение о заговоре (статья 19)»⁸³. Преступными также считались непристойные слова о царе, членах его семьи, предках, грамотах, царском гербе, титулах и распоряжениях, ошибки в произнесении и написании царских титулов, отказ присоединиться к здравию в честь царя, не произнесение молитвы за здоровье правителя или его долголетие. За данные виды преступлений наказанием была объявлена смертная казнь. Жены и дети «изменников», знавшие о совершенных ими преступлениях, также приговаривались к смертной казни. Их имущества отдавались в ведение казны (статья 6). Если родственники «изменников» не знали про их преступления, они высылались из вотчин и поместий в низовья Волги и Малороссию, которые были определены местами ссылки.

Основанием для обвинения в государственном преступлении был донос о «государевом слове и деле», предполагавший, что высказавший эту фразу имеет сведения, касающиеся лично государя, и не предназначенные для широкого круга лиц. Расследованием таких доносов занимался приказ Тайных Дел, на местах – временные комиссии и городские воеводы, которые через пытки добивались от обвиняемых показаний, выносили приговоры и осуществляли их исполнение.

Первым органом исполнительной власти, целенаправленно занимавшимся расследованием государственных преступлений, стал Преображенский приказ,

⁸¹ Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872, С. 503.

⁸² Тихомиров М.Н, Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. М., 1961.

⁸³ Там же. С. 72 – 75.

созданный 25 сентября 1702 года⁸⁴. Единственным наказанием для «преступников и повредителей государственного интереса», а также их пособников объявлялась смертная казнь, сопровождавшаяся конфискацией их имений в пользу казны⁸⁵.

В 1718 году расследование государственных преступлений было передано Канцелярии тайных розыскных дел, в 1724 году – Правительствующему Сенату. С 1727 года важные государственные дела (о начале войны, об измене и бунте, об угрозе жизни и здоровью правителя, об эпидемиях) передавались на рассмотрение Верховному Тайному Совету.

С приходом к власти Анны Иоанновны, расследование дел по первым двум пунктам было передано Правительствующему Сенату⁸⁶, а затем – в ведение А. И. Ушакова, под управлением которого 6 апреля 1731 года была создана Канцелярия Тайных розыскных дел⁸⁷. Канцелярия занималась расследованием доносов об оскорблении личности императрицы, о покушении на ее жизнь и здоровье, о государственной измене и о подготовке к бунту.

Расследованием политических преступлений государственных сановников занимались Временные следственные комиссии, согласно решениям которых в 1734 году был сослан в Сибирь смоленский губернатор князь А. А. Черкасский, в 1736 году в Шлиссельбургскую крепость заключен Д. М. Голицын, в 1741 году в г. Пелым выслан Э. И. Бирон. В период правления Елизаветы Петровны были удалены из столицы в ссылку А. И. Остерман, Б. К. фон Миних, Степан, Наталья и Иван Лопухины, И. Г. Лесток, А. П. Бестюжев-Рюмин. При этом следственными комиссиями выносились смертные приговоры, а ссылка являлась смягчающим наказанием.

Важнейшее влияние на дальнейшее развитие системы политической ссылки в Российской империи оказало введение 29 марта 1753 года⁸⁸ в качестве особого вида наказания «политической смерти». Лица, приговоренные к политической

⁸⁴ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. IV. № 1918.

⁸⁵ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. V. № 2673.

⁸⁶ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. VIII. № 5510.

⁸⁷ Там же. № 5738.

⁸⁸ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XIII. № 10086.

смерти, возводились на виселицу или клались на плаху, после чего объявлялась «Императорского Величества милость». После чего преступники наказывались кнутом с вырезанием ноздрей и высылались в «вечную работу в Рогервик».

Тем самым, ссылка была законодательно закреплена в качестве наказания, заменявшего собой смертную казнь и тождественного отправке на каторгу или на галерные работы.

В середине XVIII века развитие ссылочного законодательства в Российской империи приобрело прецедентный характер. Например, невозможность поимки 30 ссыльных, сбежавших во время перехода через Кашинский уезд 28 июля 1754 года, вследствие отсутствия их примет, стала основанием для сенатского указа от 12 октября 1754 года, предписывавшего обозначать у пересылаемых лиц их рост и наличие природных и наложенных знаков⁸⁹.

Невозможности определить тяжесть наказания для женщин, доставленных в Сибирскую губернскую канцелярию по указанию Малороссийской генеральной войсковой канцелярии 28 февраля 1755 года, стала основанием для сенатского указа от 9 августа 1755 года, предписывавшего обозначать, за какие преступления и к какому наказанию «кто из преступников присужден»⁹⁰.

Деятельность Тайной розыскной канцелярии была прекращена 21 февраля 1762 года. Все находившиеся в ней дела сдавались в архив «к вечному забвению». Запрещался обычай «слова и дела». За произнесение данной фразы преступников ожидало дополнительное наказание. Полиции запрещалось принимать доносы от лиц, совершивших ложный донос, осужденных к отправке на каторжные работы или в ссылку, и виновных в воровстве или убийствах. Были введены наказания за ложные доносы⁹¹. В результате был упразднен особый орган исполнительной власти, занимавшийся расследованием политических дел. Однако уже в 1763 году при Первом департаменте Правительствующего сената была учреждена Тайная экспедиция, занимавшаяся расследованием государственных преступлений.

⁸⁹ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XIV. № 10316.

⁹⁰ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XIV. № 10444.

⁹¹ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XV. № 11445.

Расследование государственных преступлений в XVIII веке сопровождалось помещением подозреваемых лиц под домашний арест. В их домах заколачивались окна, запирались и опечатывались все комнаты, кроме одной. Подозреваемому лицу, вместе с прислугой, запрещалось принимать посетителей, вести переписку и покидать двор. В доме постоянно находились двое солдат, которые следили за их поведением.

Лица, признанные виновными в политических преступлениях, подлежали аресту и отправлялись для допроса в Петропавловскую крепость в сопровождении гвардейского офицера и двух-трех солдат.

Основными видами политических преступлений во второй половине XVIII века были публичное распространение антиправительственных слухов и ведение антиправительственных разговоров. Так, в 1757 году наказанием за «разглашение известий, превратных толкований и рассуждений о делах статских, политических и воинских»⁹² была провозглашена смертная казнь. В 1762 году лица, виновные в распространении слухов, были приравнены к «возмутителям Государственного покоя»⁹³.

В 1763 году любое истолкование действий правительства было признано предосудительным и опасным. Подданным предписывалось удалиться от вредных рассуждений, нарушающих тишину и покой в государстве, и «проводить время не в праздности, или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях»⁹⁴.

В 1788 году было запрещено рассуждать о делах политических или военных распоряжениях, «умножая неосновательные и неприличные толки»⁹⁵.

В 1797 году лица, произнесшие «дерзкие слова против Его Императорского Величества», были признаны бунтовщиками и подлежали высылке на каторжные работы. Ссылка стала рассматриваться в качестве основного вида наказания для лиц, обвинявшихся в нарушении общественного спокойствия.

⁹² ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XIV. № 10733.

⁹³ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XVI. № 11593.

⁹⁴ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XVI. № 11843.

⁹⁵ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXII. № 16673.

Правление Павла I, ознаменовавшееся массовым удалением из столиц лиц, которые были неуютны императору, без произнесения над ними приговоров военных или гражданских судов, показало все несовершенство законодательной системы Российской империи. Поэтому 2 апреля 1801 года Александром I была упразднена Тайная Экспедиция⁹⁶, дела из которой передавались «к вечному забвению» в Государственный Архив. Всего в 1801 году разрешение возвратиться на прежние места жительства получили около 12 тысяч человек⁹⁷. При этом Тайная полицейская экспедиция, созданная Павлом I при Санкт-Петербургском губернаторе для надзора за иностранцами, народными суждениями, тайными обществами, речами и деяниями, была сохранена.

С 1802 года приговоры Правительствующего Сената по преступлениям по «первым двум пунктам» утверждались лично императором.

13 января 1807 года в целях борьбы со шпионажем был учрежден Особый Комитет⁹⁸ по делам о «зловредных намерениях», обладавший правом арестовывать иностранных подданных, ссылать их в отдаленные губернии страны и выдворять из пределов империи.

25 июня 1811 года при Министерстве полиции была образована «Особенная Канцелярия», в ведение которой были переданы «дела по ведомству иностранцев, выдача паспортов на въезд и выезд из страны, государственная цензура, надзор за типографиями и книготорговлей, дела особенные, кои министр полиции сочтет нужным предоставить собственному его сведению и разрешению»⁹⁹.

Таким образом, в период правления Александра I функции контроля над политическими настроениями в обществе были распределены между различными органами исполнительной власти.

Первым законодательным актом, содержащим четкие инструкции о порядке отправки и размещения ссыльных в Сибири, являлся «Устав о ссыльных»¹⁰⁰,

⁹⁶ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXVI. № 19813.

⁹⁷ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951, Т. 1. 1762 – 1825 гг. С. 95.

⁹⁸ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXIX. № 22425.

⁹⁹ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXXI. № 24687.

¹⁰⁰ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXXVIII. № 29128.

утвержденный 22 июля 1822 года. Пункт 1 «Устава» обозначил два вида ссылки: в каторжную работу и на поселение. В Главе III определялся порядок отправления партий ссыльных; в Главе VI – порядок движения партий ссыльных по губерниям империи; глава VIII была посвящена обязанностям препровождающей стражи; глава XII – правилам снабжения ссыльных одеждой и кормовыми деньгами; глава XVII – разделению ссыльных на разряды; глава XXII определяла порядок надзора за ссыльным в губерниях. При этом в «Уставе о ссыльных» отсутствовали статьи, посвященные положению лиц, высылаемых в административном порядке.

Исходя из этого, С. В. Коданом был сделан вывод, что вплоть до середины 1820-х годов ссылка по политическим причинам не была специальным видом наказания¹⁰¹.

Создание политической полиции и усиление роли ссылки в пенитенциарной системе Российской империи связано с расследованием событий 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. В целях предотвращения подобных случаев 3 июля 1826 года под управлением А. Х. Бенкендорфа было учреждено Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, в ведение которого были переданы:

1. Расследование государственных преступлений;
2. Сведения о числе имевших место сект и расколов;
3. Дела о подделке монеты, штемпелей и документов;
4. Сведения обо всех лицах, находящихся под надзором полиции;
5. Ссылка и размещение лиц, «подозрительных и вредных»;
6. Управление местами заключения государственных преступников;
7. Надзор за иностранцами, проживавшими в России, приезжавшими или выезжавшими из страны;
8. Сведения обо всех происшествиях в стране;
9. Статистические сведения полицейского ведомства¹⁰².

¹⁰¹ Кодан С.В. Освободительное движение в России и сибирская ссылка (1825 – 1861 гг.) // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 1983, С. 155.

¹⁰² ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1830, Т. I. № 449.

Широкий спектр внутривластных проблем, порученных новому органу политического контроля, стал основанием для выделения в Третьем отделении пяти экспедиций.

Первая экспедиция управляла расследованием политических преступлений и собирала сведения о преступниках, состоявших под полицейским надзором.

Вторая экспедиция занималась расследованием дел о фальшивомонетчиках, раскольниках, сектантах, о должностных преступлениях и убийствах. Кроме того она рассматривала прошения и жалобы, приходящие на имя императора, и управляла местами заключения политических преступников: Шлиссельбургской крепостью, Суздальским Спасо-Ефимьевским монастырем, Секретным домом Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

Третья экспедиция занималась слежкой за иностранцами, находившимися в пределах Российской империи.

Четвертая экспедиция собирала сведения обо всех происшествиях, имевших место в пределах Российской империи, занималась проблемами личного состава Третьего отделения, а также разработкой крестьянского вопроса.

Пятая экспедиция была образована в 1842 году и занималась проблемами театральной и книжной цензуры.

В 1826–1828 годах за неимением отлаженного местного аппарата Третье отделение исполняло контрольные функции ссылки¹⁰³. Лишь с завершением расследования событий 14 декабря 1825 года, оно стало единственным органом государственной власти, занимавшимся проблемами политической ссылки.

Находясь во главе иерархии правительственных учреждений, оно могло потребовать сведения или отчет о деятельности у любого органа государственной власти и должностного лица, невзирая на ведомственную подчиненность. Однако общее управление системой политической ссылки принадлежало императору. Министр внутренних дел был обязан лично докладывать императору обо всех изменениях, произошедших в местопребывании лиц, находившихся под надзором полиции на основании высочайших конфирмаций и повелений, об освобождении

¹⁰³ Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826 – 1856). Иркутск, 1980, С. 7.

таких лиц от полицейского надзора, и о расследовании дел о «злоумышленных тайных обществах»¹⁰⁴.

Дальнейшее развитие системы политической ссылки в Российской империи связано с судебной реформой 1864 года, когда расследование преступлений по первым двум пунктам было передано в ведение Верховного уголовного суда. Его решения поступали для рассмотрения в Правительствующий Сенат, после чего сообщались императору, утверждавшему окончательный приговор.

В 1864 году при Министерстве внутренних дел было образовано «Особое совещание», которое занималось расследованием политических дел и утверждало наказания для политических преступников.

5 апреля 1867 года в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 841, расследование дел, связанных с произнесением «оскорбительных и дерзких слов против Императора и Членов Императорского Дома» было передано в Министерство юстиции. При этом решение расследовать дела в судебном или административном порядке принимал шеф жандармов¹⁰⁵.

27 марта 1867 года была запрещена деятельность: 1) всех тайных обществ вне зависимости от цели создания; 2) всех групп, преследующих «вредную цель»; 3) всех разрешенных обществ, уклоняющихся от заявленной цели их создания, деятельность которых признана вредной «для государственного благоустройства и общественной нравственности»¹⁰⁶.

С 27 июня 1867 года лиц, подозреваемых в распространении недозволенных сочинений, разрешалось осуждать за данный вид преступлений только в случае наличия с их стороны злого умысла возбудить сочувствие к идеям, содержащимся в данном сочинении. В противном случае их следовало наказывать за хранение возмутительных сочинений¹⁰⁷.

¹⁰⁴ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1830, Т. IV. № 2857

¹⁰⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7, Д. 208. Л. 4.

¹⁰⁶ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1868, Т. XLI. Ч. 2. № 44402.

¹⁰⁷ К делам Карпова, Мартышевского и др. / Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. Paris, 1905, С. 205.

7 июня 1872 года обязанности расследования преступлений по первым двум пунктам были возложены на Корпус жандармов¹⁰⁸. Жандармам предписывалось составлять протоколы свидетельских показаний, проводить обыски, выемки бумаг у подозреваемых лиц. После этого дела поступали на рассмотрение прокурорам судебных палат, имевшим право выносить приговоры только за преступления, наказания за которые не включало в себя ограничения прав состояния.

Вынесение приговора по преступлениям, наказание за совершение которых подразумевало лишение свободы или ограничение прав состояния, передавалось в созданное для этой цели Особое присутствие Правительствующего сената. Его постоянными членами были назначаемые императором «первоприсутствующий», пять сенаторов, а также обер-секретарь Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Временными, назначаемыми членами «Особого присутствия» были «один из городских голов губернских городов Европейской России, один из волостных старшин Петербургской губернии, один из уездных Предводителей дворянства, один из губернских Предводителей дворянства» (статья 24).

Назначаемые члены «Особого присутствия» принимали участие, как в определении виновности подсудимого, так и в утверждении приговора, а их голоса исчислялись наравне с голосами сенаторов. Подсудимый мог потребовать отвода временных членов «Особого присутствия» в течение трех дней после объявления их состава (статья 25).

Судебные заседания, на которых рассматривались дела об оскорблении императора и Членов императорской Фамилии проходили при закрытых дверях. Преступление подсудимого, протоколы заседаний и приговоры печатались в общих чертах, без повторения «дерзких и оскорбительных слов, за произнесение которых производился суд»¹⁰⁹.

Остальные виды политических преступлений рассматривались (по решению суда) в ходе закрытых или публичных заседаний. При этом приговор «Особого

¹⁰⁸ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1875, Т. XLVII. Ч. 1. № 50956.

¹⁰⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1875, Т. XLVII. Ч. 2. № 51474.

присутствия» являлся окончательным и подлежал смягчению только по решению императора.

4 июня 1874 года были смягчены наказания для лиц, состоявших в тайных обществах. Вместо смертной казни члены тайного общества, ставившего целью насильственные действия против правительства, приговаривались к «лишению всех прав состояния и высылке на каторжные работы на срок от 20 до 25 лет, или к заключению в крепость на срок от 10 до 12 лет»¹¹⁰.

Лица, виновные в принадлежности к тайным обществам, имевшим целью «противодействовать распоряжениям правительства, призывавшие к разрушению основ религии, общественной жизни, собственности и семейного союза, способствовавшие разжиганию вражды между сословиями, занимавшиеся организацией стачек, приговаривались к лишению всех особенных прав и преимуществ и к ссылке в Сибирь»¹¹¹.

С 9 мая 1878 года приговоры по политическим делам выносились¹¹²:

1) Судебными палатами – в случае, когда наказание за совершенное лицом преступление не подразумевало лишения или ограничения прав состояния.

2) Судебными палатами в усиленном составе или Особым присутствием Правительствующего сената при участии сословных представителей – в случае, когда наказание за совершенное лицом преступление подразумевало лишения или ограничения прав состояния.

3) Верховным уголовным судом – в случае обнаружения в разных частях империи заговора против Верховной власти.

Предварительное расследование обстоятельств дела осуществлялось членом местной судебной палаты (статья 4).

В состав сословных представителей судебных палат входили: губернский Предводитель дворянства местности, где расследуется дело, «один из городских голов округа, один из уездных Предводителей дворянства и один из волостных старшин местного уезда» (статья 10). При этом в состав суда могли назначаться

¹¹⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1876, Т. XLIX. Ч. 1. № 53606.

¹¹¹ Там же.

¹¹² ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1880, Т. LIII. Ч. 1. № 58489.

только лица, находившиеся в должности больше одного срока выборной службы. Рассмотрение дел о государственных преступлениях в судебных палатах могло производиться без привлечения сословных представителей, однако на такие приговоры допускались апелляционные отзывы и протесты.

Усиление народнического террора на рубеже 70-х – 80-х годов XIX века вынудило правительство кардинально изменить проводимую политику смягчения наказаний. С 9 августа 1878 года все лица, обвинявшиеся в террористической деятельности против представителей власти, подлежали суду по законам военного времени¹¹³.

С 15 января 1880 года лица, виновные в публичном произнесении речей, направленных против правительства, распространении воззваний, сочинений или изображений, призывавших к бунту и явному неповиновению Верховной власти среди военнослужащих, подлежали наказанию в виде смертной казни или ссылке в Сибирь¹¹⁴.

Однако предпринятые правительством меры по ужесточению наказания для государственных преступников не дали ощутимого результата.

Непрекращающиеся террористические акты против представителей власти вынудили правительство 12 февраля 1880 года объявить о создании Верховной распорядительной комиссии¹¹⁵. Ее главной задачей объявлялась координация действий властей в расследовании преступлений и деяний, которые затрагивали государственный порядок и общественное спокойствие (пункт 5). Поэтому всем генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам поручалось оказывать полное содействие начальнику Верховной распорядительной комиссии (пункт 7). Постановления Верховной распорядительной комиссии подлежали безусловному исполнению и могли быть отменены начальником Верховной распорядительной комиссии или на основании высочайшего повеления (пункт 10).

В целях координации деятельности органов исполнительной власти 3 мая 1880 года под управление Верховной распорядительной комиссии было отдано

¹¹³ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1880, Т. LIII. Ч. 2. № 58778.

¹¹⁴ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1881, Т. LIV. Ч. 2. № 60384.

¹¹⁵ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1881, Т. LIV. Ч. 2. № 60492.

Третье отделение, и на следующий день – Корпус жандармов. Таким образом, был создан единый орган, призванный контролировать политическую обстановку внутри страны.

Всего в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 1480 от 8 апреля 1880 года «во всех губерниях, областях и градоначальствах Империи к 1 января текущего года под надзором полиции по политическим делам состояло 6790 человек»¹¹⁶.

Верховная распорядительная комиссия была упразднена 6 августа 1880 года, в связи с выполнением возложенной на нее функции. Все политические дела были переданы в Департамент государственной полиции для их расследования в общем порядке¹¹⁷. Функции политической полиции были переданы Министерству внутренних дел, расследование и суд по политическим преступлениям проходил в общеустановленном порядке.

Приобретение ссылкой статуса главного вида наказания для политических преступников потребовало от правительства установления четких правил ее применения.

Изначально высылка лиц, признанных неблагонадежными в политическом отношении, осуществлялась на основании циркуляров Министерства внутренних дел и «Свода законов Уголовных», а с 15 августа 1845 года – в соответствии с «Уложением о Наказаниях Уголовных и Исправительных»¹¹⁸.

В данных законодательных актах под преступлением понималось всякое нарушение закона, посягательство на неприкосновенность Верховной власти или неисполнение ее распоряжений, покушение на права или безопасность частных лиц и общества в целом.

«Свод законов Уголовных» выделял следующие виды наказаний: смертная казнь, политическая смерть, лишение всех прав состояния, телесные наказания, работы на рудниках, принудительное зачисление на военную службу, лишение свободы, ссылка, денежное взыскание и церковное покаяние.

¹¹⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 575. Л. 1.

¹¹⁷ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1884, Т. LV. Ч. 1. № 61279.

¹¹⁸ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1846, Т. XX. Ч. 1. № 19283.

«Свод законов Уголовных» определял следующие виды ссылки:

- 1) Ссылка в крепостную или каторжную работу в Сибирь;
- 2) Ссылка на поселение в Сибирь;
- 3) Ссылка под надзор полиции в Сибирь;
- 4) Ссылка в Закавказские провинции;
- 5) Ссылка в отдаленные от столиц губернии;
- 6) Отправка, высылка за границу (для иностранных подданных);
- 7) Удаление из столиц с запрещением возвращаться в оные.

«Уложение о наказаниях» провозглашало два вида наказаний: уголовные и исправительные (статья 18). Среди уголовных наказаний выделялись:

- 1) Смертная казнь, сопровождавшаяся лишением всех прав состояния;
- 2) Лишение всех прав состояния, сопровождавшееся ссылкой в каторжные работы. Лицам, не изъятых от телесных наказаний, дополнительно назначались от 30 до 100 ударов плетью, с наложением клейма;
- 3) Лишение всех прав состояния, сопровождавшееся ссылкой на поселение в Сибирь. Лица, не изъятые от телесных наказаний, дополнительно присуждались к 10–30 ударам плетью;
- 4) Лишение прав состояния, дополнявшееся ссылкой на Кавказ (статья 19).

Исправительными наказаниями считались:

- 1) Лишение преступника всех особенных прав и преимуществ как лично, так и по состоянию присвоенных со ссылкой в Сибирь на время или бессрочно. Лица, не изъятые от телесных наказаний, дополнительно приговаривались к 50–1000 ударам розог и отдаче в исправительные арестантские роты;
- 2) Ссылка в отдаленные губернии, сопровождавшаяся потерей особенных прав и преимуществ как лично, так и по состоянию присвоенных. Не изъятые от телесных наказаний лица приговаривались к временному заключению в рабочем доме;
- 3) Заточение в крепости;
- 4) Заключение в смиренном доме;
- 5) Заключение в тюрьме;

б) Арест;

7) Выговор в присутствии судьи; денежное взыскание; «внушение от судебных или правительственных мест» (статья 31).

Лишение всех прав состояния подразумевало лишение почетных титулов, орденов и других знаков отличия, дипломов, патентов, грамот, аттестатов (статья 25). «Для дворян оно означало потерю потомственного или личного дворянства, утрату недвижимого имущества и крестьян, которые передавались в опекуновское управление до смерти или прощения преступника. Для духовных лиц – потерю духовного сана и звания, для остальных – потерю доброго имени. При этом лишение всех прав состояния не распространялось на членов семьи осужденного преступника»¹¹⁹ (статья 29).

Лишение всех прав состояния сопровождалось конфискацией недвижимого имущества дворян в пользу казны в случаях: а) самовольного выезда дворян из пограничных губерний за границу во время политических беспорядков или восстания; б) доставлении мятежникам оружия и припасов; в) публичных призывов к восстанию (статья 23).

Потеря всех особенных прав состояния означала расторжение гражданского брака. Лицам, лишенным всех особенных прав состояния, запрещалось поступать на общественную или государственную службу, записываться в гильдии, давать свидетельские показания по гражданским делам или быть свидетелями при каких-либо договорах, избираться в третейские судьи, быть опекунами и попечителями, а также поверенными по чьим-либо делам. Кроме того они не могли заниматься торговлей.

Лица, лишенные всех особенных прав состояния, высылались под надзор полиции с причислением к мещанскому сословию. Без разрешения полиции им запрещалось покидать местность, обозначенную в приговоре суда (статья 46).

Политическая смерть подразумевала лишение всех прав состояния, высылку на каторжные работы или на поселение и наказание рукой палача. Преступник, приговоренный к политической смерти, лишался права наследования и не мог

¹¹⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1846, Т. XX. Ч. 1. № 19283

оставить завещания; с ним расторгался брак. Однако, в случае, если супруга добровольно следовала за своим мужем в ссылку и в течение всего срока ссылки, до получения им прощения, не просила разрешения вступить в другой брак, то их брак сохранялся в силе¹²⁰.

Раздел III «Уложения о Наказаниях» содержал перечень государственных преступлений, в число которых входили:

1. «всякое злоумышление и преступное деяние против жизни, здоровья и чести Государя Императора, всякий умысел свергнуть Его с Престола, лишить свободы и Верховной власти, или же ограничить права оной, или учинить Священной Особе Его какое-либо насилие» (статья 263);

2. всякое действие, направленное против жизни, здоровья, свободы и чести Членов Императорского Дома;

3. создание тайного общества, имевшего цель изменение государственного устройства (статья 264);

4. государственная измена (статья 276);

5. бунт против Верховной власти, имевший целью свергнуть правительство во всем государстве или его части, изменить образ правления или порядок престолонаследия (статья 271), а также подготовка к бунту.

Лица, виновные в данных видах преступлений, их сообщники, укрыватели и пособники, лица, «знавшие, но не донесшие о злоумышленных поступках»¹²¹, приговаривались к лишению всех прав состояния и смертной казни. При этом наказание не распространялось на жену и детей, прижитых преступником до его наказания.

Организаторы, руководители и члены тайных обществ, имевших намерение произвести изменения в правах сословий или государственных или губернских учреждениях, подлежали ссылке в Сибирь, сопровождавшейся потерей всех прав и преимуществ на срок от 2 до 10 лет. Лица, знавшие, но не донесшие властям о существовании тайных обществ и члены тайных обществ, не знавшие истинной

¹²⁰ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXIX. № 22591.

¹²¹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1832, Т. VI. Ч. 2. № 5032.

цели создания обществ, приговаривались к заточению в крепости «на срок от 6 месяцев до 1 года» (статья 348).

К высылке в каторжную работу с заключением в крепости приговаривались:

1) Лица, «уличенные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений, с целью возбудить неуважение к Верховной власти или к личным качествам императора и членов императорского дома» (статья 267), произнесшие дерзкие и оскорбительные слова против императора, или публично уничтожившие его бюст, портрет или статую.

3) Лица, виновные в составлении или распространении воззваний, имевших цель возбудить к бунту и явному неповиновению Верховной власти (статья 273).

4) Лица, уличенные в открытой поддержке восстания и произнесении речей, порицающих установленный законами образ правления, а также подвергающих сомнению неприкосновенность прав Верховной власти (статья 274).

5) Лица, виновные в явном неповиновении и сопротивлении распоряжениям Верховной власти (статья 283).

б) Организаторы и виновники восстаний, для прекращения которых властям потребовалось прибегнуть к военной силе (статья 286).

К числу политических преступлений, за совершение которых наказанием являлся арест и тюремное заключение сроком до одного года с лишением прав состояния и высылкой на жительство под надзор полиции в отдаленные губернии империи, были отнесены:

- а) хранение и распространение антиправительственных сочинений;
- б) распространение ложных слухов;
- в) оскорбление чиновников;
- г) грубость и дерзость, ослушание и нарушение почтения к начальству;
- д) печать книги или сочинения, неодобренного цензурой;
- е) продажа книг, запрещенных цензурой или общими узаконениями.

Таким образом, ссылка на жительство под надзор полиции назначалась за широкий спектр преступлений и проступков, считавшихся политическими. Это, в свою очередь, стало причиной возникновения парадоксальной ситуации: согласно

законодательству ссылка, с одной стороны, являлась смягчающим наказанием, заменявшим собой смертную казнь, а с другой стороны – была максимальным наказанием для лиц, обвинявшихся в нарушении государственного порядка или общественного спокойствия.

Надзор за лицами, высылаемыми на жительство под надзор полиции по обвинениям в политических преступлениях, осуществлялся согласно циркулярам Военного министерства и Министерства внутренних дел. Например, 21 мая 1831 года военным министром А. И. Чернышевым было утверждено «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах»¹²², определившее порядок размещения и права бывших военнослужащих Польской Армии, присланных во внутренние губернии Российской империи.

28 мая 1863 года Министерством внутренних дел был издан циркуляр № 80, определивший правила надзора за ссыльными уроженцами Западных губерний, проявившими «вредные политические стремления»¹²³.

«Устав о ссыльных» 1822 года подробно рассматривал уголовную ссылку, при этом административной ссылке и правилам полицейского надзора за преступниками, высланными в отдаленные губернии России по политическим причинам, уделялось незначительное внимание.

Административная ссылка, сопряженная с лишением преступника всех личных и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, провозглашалась в «Уставе о ссыльных» исправительным наказанием для лиц привилегированных сословий, изъятых от телесных наказаний. Для лиц простого сословия, которые не были освобождены от телесных наказаний, ссылка на жительство под надзор полиции заменялась принудительным зачислением в арестантские роты военного и гражданского ведомств (статья 8).

В тюрьму помещались лица, подозревавшиеся в совершении преступлений, за которые назначалось наказание в виде:

- а) «лишения всех особенных прав состояния;

¹²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 24 – 42.

¹²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 65.

- б) потери как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ;
- в) высылки на жительство в Сибирь или другие отдаленные губернии под надзор полиции;
- г) принудительного зачисления на службу рядовыми без выслуги лет в исправительные арестантские роты гражданского ведомства»¹²⁴.

При отправке партии ссыльных в этапном порядке на каждого из ссыльных составлялся статейный список с указанием его фамилии, имени, звания, возраста, вероисповедания, особых примет, срока ссылки, совершенного им преступления и времени прибытия в Губернское Правление¹²⁵.

Партии ссыльных отправлялись из губернии не чаще одного раза в неделю. Ссыльным, имевшим средства, с согласия министра внутренних дел разрешалось ехать в собственном экипаже под надзором двух жандармов или унтер-офицеров из Внутренней стражи. Средства, затраченные на содержание, а также покупку питания для конвоиров в оба конца пути взимались с пересылаемого лица (статьи 512–513).

Лица, высылаемые под надзор полиции за счет казны, отправлялись к месту ссылки в этапном порядке на основании правил пересылки, которые применялись «к неимущим арестантам из числа дворян и отставных офицеров» (статья 510).

Ссыльные отправлялись отдельными партиями под надзором внутренней стражи. В случае отсутствия у политических ссыльных подходящей для долгой дороги одежды, им выдавали арестантскую одежду, без нашивки на нее лоскутков отличительного цвета. Во время пересылки к ссыльным запрещалось применять оковы и наручи. На содержание политических ссыльных выделялись кормовые деньги в размере 15 копеек в сутки на человека на каждый день пути.

Ссыльные, отправляемые из Северо-Западного края во внутренние губернии по трактам Николаевской и Санкт-Петербургско-Варшавской железных дорог, перевозились по названным железным дорогам. Для их перевозки были выделены шесть вагонов, вмещавшие вместе с конвойными нижними чинами каждый около

¹²⁴ Свод законов Российской империи. Изд. 1857, Т. XIV: Устав о содержащихся под стражей. Статья 95.

¹²⁵ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1847, Т. XXI. Ч. 2. № 20762.

шестидесяти человек. На время пути по железной дороге политические ссыльные содержались скованными железными наручниками по двое. Конвоирам строго предписывалось, ни под каким предлогом не выпускать ссыльных из вагонов. Для питания ссыльных в пути выделялось по полфунта вареной говядины и три фунта хлеба с солью в сутки на человека, по числу дней нахождения в пути. Лица привилегированных сословий высылались по железной дороге в пассажирских вагонах третьего класса при унтер-офицере, с платой как за частных пассажиров.

Ссыльным уроженцам Царства Польского и Западных губерний во время путешествия в ссылку разрешалось разговаривать со встреченными ими лицами по-польски лишь в присутствии исправника или офицера, знавшего польский язык¹²⁶.

Личные вещи лиц, высылаемых по политическим причинам в отдаленные регионы империи под надзор полиции, отправлялись в Губернское Правление той местности, куда они были поселены, в соответствии с описью, составляемой при отправлении. Количество личных вещей и денежная сумма, которую могли взять с собой ссыльные, определялись министром внутренних дел (статья 514).

Кормовые деньги на покупку продовольствия для ссыльных выдавались на руки конвоирам или до первого губернского города, или до места ссылки, если оно располагалось ближе¹²⁷.

В случае указания срока ссылки для лиц, отправляемых на непереносное жительство под надзором полиции, он засчитывался со времени поступления их на места ссылки. Лица, приговоренные к тюремному заключению на местах ссылки, по прибытии заточались в губернский или уездный тюремный замок, отдельно от других заключенных (статья 877).

«Преступникам, зачисленным по приговору суда или решению начальства в арестантские роты, выдавались два комплекта одежды. Летняя, состоявшая из суконной фуражки, галстука с манишкой, двух рубах, куртки и брюк из равендука и одной пары полусапожек. И зимняя – суконная фуражка, куртка и брюки из

¹²⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 506. Л. 5об.

¹²⁷ Свод законов Российской империи. Изд. 1842, Т. XIV: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных. Статья 151.

крестьянского сукна, галстук с манишкой, две рубахи, одна пара рукавиц с веригами, суконные портянки, одна пара полусапожек и бараний полушубок»¹²⁸.

Во время пересылки политический преступник мог потребовать исправника для освидетельствования своего состояния. В случае подтверждения болезни его направляли для лечения «на общих с остальными арестантами основаниях»¹²⁹ в лазарет тюремного замка. Размер средств, выделяемых на содержание и лечение политических ссыльных, утверждался министром внутренних дел, и зависел от суммы, затрачиваемой на содержание армейских чинов в городских больницах. Кроме того на медикаменты на каждого больного ссыльного, выделялось по 10 копеек серебром в сутки.

Ссыльным, не владевшим личным недвижимым имуществом, с разрешения министра финансов нанимались квартиры в рубль двадцать копеек или в рубль пятьдесят копеек ежемесячной платы, «выплачивалось содержание по пятнадцать копеек в сутки на человека»¹³⁰. Детям ссыльных назначалось половинное содержание.

Для предотвращения излишних расходов казны, лицам простого сословия назначалось содержание, равное арестантскому, которое выдавалось только при неспособности ссыльного к работе (по старости или по болезни). Данная сумма периодически изменялась и зависела «от количества денег, расходуемых в каждой губернии на солдатский паек на одного человека (два с половиной фунта муки в сутки и полтора гарнца крупы в месяц – по высшим справочным ценам, существовавшим на припасы в ноябре минувшего, и в апреле текущего года)»¹³¹.

Дети политических ссыльных, рожденные до произнесения над своими отцами судебного приговора, сохраняли прежние права состояния (статья 767). Дети, родившиеся во время нахождения их родителей в ссылке, причислялись к

¹²⁸ Четвериков С.А. Становление системы политической ссылки в Российской империи // Этнопанорама. 2015, № 1 – 2. С. 100.

¹²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 506. Л. 1об.

¹³⁰ Свод законов Российской империи. Изд. 1857, Т. XV: Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. Статья 558.

¹³¹ Свод законов Российской империи. Изд. 1842, Т. XIV: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных. Статья 42.

казенным поселянам и освобождались от платежа любых податей и повинностей (статья 771).

Жены, добровольно последовавшие за своими мужьями в ссылку, после их смерти или расторжения законных браков имели право выехать на родину вместе со своими детьми (статья 524).

Чиновники, подвергшиеся наказанию, сопряженному с потерей всех прав состояния и исключению из службы, или признанные судом подозреваемыми в совершении таких преступлений, лишались права получать пенсию.

Лицам, высылаемым по политическим причинам, в случае содержания под стражей без предъявления других обвинений более чем три дня, было запрещено обращаться с жалобами в Совестный суд или Правительствующий Сенат «до достижения ими мест ссылки»¹³².

Установленный в 1835 году запрет подавать жалобы на приговор суда до достижения места поселения не позволял ссыльным избежать его исполнения¹³³.

Лица, приговоренные к высылке в каторжную работу или на поселение, не имели права приобретать недвижимого имущества (статья 773).

Полицмейстерам и губернаторам запрещалось рассматривать доносы по любым видам преступлений от лиц, которые были лишены всех прав состояния по приговору суда. Работникам почт запрещалось принимать и получать письма, посылки и корреспонденцию от лиц, состоявших под полицейским надзором по распоряжению правительства¹³⁴.

Функции надзора за политическими ссыльными в городах осуществляли Управы благочиния, возглавляемые полицмейстерами, а также городские управы под руководством городничих. В крепостях на пограничной линии, надзор за ссыльными был поручен комендантам гарнизонов¹³⁵.

Гражданские губернаторы должны были ежеквартально (в особых случаях ежемесячно) доносить императору через министра внутренних дел и главного

¹³² ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1847, Т. XXI. Ч. 1. № 19640.

¹³³ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1836, Т. X. Ч. 2. № 8498.

¹³⁴ Свод законов Российской империи. Изд. 1857, Т. XII: Устав Почтовый. Статья 335.

¹³⁵ Жандармы России. СПб.; М., 2002, С. 29.

начальника Третьего отделения об образе жизни, поведении, знакомых и занятиях лиц, высланных под надзор полиции по высочайшему повелению.

Следить, «чтобы полицейский надзор за поведением и образом жизни лиц, отданных под надзор полиции, а также чиновников высланных из столиц, и людей любого звания, которым запрещена государственная служба, не был для них чрезмерно обременительным»¹³⁶.

В случае, когда гражданский губернатор или генерал-губернатор считал поведение лица, высланного под надзор полиции, подозрительным и опасным, то он после консультации с министром внутренних дел и начальником Третьего отделения мог переместить ссыльного в другую местность внутри губернии или отправить его на жительство в другую губернию (статья 805).

За незначительные преступления и проступки (например, кратковременную отлучку из назначенного правительством места жительства, буйное и нетрезвое поведение, просрочку отпуска и другие нарушения общественного порядка или спокойствия), присланные на неперемное жительство под надзор полиции или поселенные на казенных землях лица, приговаривались по усмотрению местного начальства к:

- а) «наказанию розгами с заключением под стражу;
- б) общественным работам на срок до одного месяца;
- в) зачислению в арестантскую роту на срок до одного года» (статья 804).

За побег, под которым понималась самовольное оставление места поселения или работы на срок в более чем трое суток, ссыльные приговаривались «за первый и второй случаи к 40–50 ударам плетьюми и отдаче в каторжные работы на срок до четырех лет. За третий и последующие побегии к 50–60 ударам плетьюми с отдачей в каторжные работы на срок 4–6 лет» (статья 808).

Следовательно, правила высылки, содержания и надзора за политическими преступниками находились разрозненно в статьях различных законодательных актов, что затрудняло их выполнение местными властями.

¹³⁶ Продолжение Свода законов Российской империи. СПб., 1838, Ч. 5. Статья 1212.

Возникновение в Российской империи системы политической ссылки было обусловлено усилением контроля со стороны правительства над политическими настроениями в обществе. Функции политического контроля были возложены на специально созданный для этих целей орган исполнительной власти. Его главной задачей была борьба с государственными (политическими) преступлениями, под которыми понимались преступления по первым двум пунктам (бунт и покушение на жизнь, здоровье или честь правителя и членов правящей династии). Основным средством борьбы с политическими преступниками была избрана их высылка в отдаленные регионы империи под надзор полиции. Причем ссылка являлась не только смягчающим наказанием, заменявшим смертную казнь, но и максимально возможным наказанием для нарушителей общественного спокойствия.

Законодательные нормы, касавшиеся правил ссылки, содержания и надзора за политическими преступниками, устанавливались по мере надобности. Вплоть до 1825 года ссылка по политическим причинам не рассматривалась в законодательстве в качестве специального вида наказания. Данный статус она получила в результате расследования событий на Сенатской площади и создания политической полиции.

§ 1.2. Деятельность Особой комиссии по пересмотру правил об административной высылке и полицейском надзоре

К началу 1870-х годов законодательные нормы, регулировавшие порядок высылки и осуществление надзора за политическими преступниками, содержались отрывочно во множестве статей различных законодательных актов. В результате в Министерство внутренних дел поступало большое число сходных обращений от начальников губерний, касавшихся различной трактовки правил содержания политических ссыльных. Сокращение числа подобных обращений было возможно только путем создания единого законодательного акта, подробно рассматривавшего правила содержания лиц, сосланных под надзор полиции по политическим причинам.

В марте 1872 года в целях «устранения затруднений, проистекающих от неясности и неполноты правил, относящихся к полицейскому надзору и административной высылке»¹³⁷ была образована Особая комиссия. В ее состав от Министерства внутренних дел были включены тайный советник Кितिцын и действительный статский советник Компанейщиков. От Министерства юстиции был включен надворный советник Рычков. От Управления Санкт-Петербургского градоначальника – коллежский советник Путилин. От Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии – надворный советник Головин. От Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии – надворный советник Филипеус. Председателем Особой комиссии был назначен директор Департамента полиции исполнительной действительный статский советник П. П. Косаговский.

Причиной созыва Особой министерской комиссии стали: неодобрительное поведение в 1869 году лиц, высланных на жительство под надзор полиции в Вологодскую, Казанскую и Пермскую губернии; и запрос Харьковской судебной палаты, поступивший в Министерство внутренних дел в 1871 году, посвященный разнообразному пониманию на местах и исполнению на практике полицейского надзора.

Основу деятельности Особой комиссии составляла систематизация и сбор правительственных и местных распоряжений, касавшихся высылки преступников в административном порядке и помещения их под надзор полиции. Составленный Особой комиссией сборник материалов является важным источником по истории развития ссылочного законодательства, содержащим документы, не отраженные в «Своде законов Российской империи» и «Полном собрании законов Российской империи».

Сборник материалов Особой комиссии состоит из 367 пронумерованных страниц и включает в себя:

¹³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 24.

1) очерк правительственных распоряжений, связанных с административной высылкой и полицейским надзором, с запиской о настоящем положении данного вопроса;

2) восемнадцать журналов Особой комиссии с приложениями, в которых содержатся мнения ее членов по отдельным вопросам;

3) выработанный Особой комиссией «Проект правил об административной ссылке и полицейском надзоре».

Для выполнения поставленной цели Особая комиссия выделила ключевые вопросы, требовавшие пристального изучения:

1. Кому принадлежит право административной ссылки? Рассматривая этот вопрос, Особая комиссия определила, что впервые право высылать преступников собственной властью, было предоставлено оренбургскому военному губернатору в отношении «азиатцев» 9 марта 1833 года¹³⁸.

В 1836 году главнокомандующему действующей армией было разрешено высылать из Царства Польского во внутренние губернии офицеров и классных чиновников, отставляемых от службы по дурным качествам, с запрещением им въезда в столицы¹³⁹.

В 1850 году виленскому, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору было предоставлено право – высылать «неблагонамеренных лиц» на жительство под надзор полиции в Европейские губернии империи. 3 марта 1861 года такое же право было дано киевскому и виленскому генерал-губернаторам. В 1863 году – наместнику Царства Польского и начальникам Северо-Западных губерний.

В 1863 году начальникам Западных губернии было предоставлено право, высылать лиц, виновных в подстрекательстве крестьян к неповиновению властям.

В 1869 году оренбургскому генерал-губернатору было разрешено высылать в северные губернии Европейской России «ордынцев», которые за недостатком доказательств не могут быть преданы суду.

¹³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 10.

¹³⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1837, Т. XI. Ч. 2. № 9622.

Строгие правила, регулировавшие возможность назначения наказания в виде административной ссылки, были утверждены после рассмотрения доклада министра внутренних дел С. С. Ланского 2 декабря 1855 года, предложившего:

1) Обязать генерал-губернаторов, которым предоставлено право высылать из вверенных им губерний порочных людей, предварительно сообщать о ссылке в Министерство внутренних дел, с подробным изложением причин высылки.

2) Обязать Министерство внутренних дел сообщать о назначении ссылки главному начальнику Третьего Отделения, для согласования окончательного наказания.

3) Обязать Министерство внутренних дел назначать местами ссылки только те губернии, которые располагают достаточными полицейскими силами для надзора за ссыльными.

Таким образом, ссылка в административном порядке могла быть назначена только по взаимному согласию министра внутренних дел и шефа жандармов, которым являлся главный начальник Третьего Отделения.

Следовательно, Особой комиссией было установлено, что право высылать преступников в административном порядке имели начальники губерний, а также представители высшей администрации.

2. Как нужно высылать лиц, неблагонадежных в политическом отношении? Проведенное Особой комиссией исследование показало, что согласно правилам Министерства внутренних дел от 10 января 1854 года отправление преступников в ссылку в административном порядке осуществляется на основании правил, применявшихся при пересылке государственных преступников. Так, высылаемые лица должны были отправляться на почтовых каретах в сопровождении двух нижних чинов Корпуса жандармов или местной полиции. В случае отсутствия опасности побега – в сопровождении одного конвойного, с выдачей ему маршрута и письменных сведений о ссыльном. Ссыльным запрещалось останавливаться где-либо до прибытия в назначенное им место жительства, за исключением случаев болезни после засвидетельствования врача. Начальникам губерний поручалось

размещать лиц, присылаемых к ним под присмотр полиции, в уездных городах, за исключением тех, где проходят ярмарки¹⁴⁰.

3. Каков порядок возвращения политических преступников из ссылки? По данному вопросу Особая комиссия установила, что высылка неблагонадежных в политическом отношении лиц под надзор полиции зачастую не предполагала наличие установленных сроков, по истечении которых они получали прощение. Освобождение из ссылки осуществлялось на основании амнистии, высочайшей милости или решения начальника губернии, откуда был выслан преступник, после получения министром внутренних дел от высланного лица прошения об облегчении участи. Возвращение из административной ссылки на прежние места проживания лиц привилегированных сословий осуществлялось за их собственный счет, с получением от них расписки – следовать на родину прямым путем, и по прибытии не обращаться за пособием. Лица податного и привилегированного сословия, не имевшие средств оплатить свою пересылку, на основании циркуляра Министерства внутренних дел № 242 от 2 ноября 1867 года, отправлялись в этапном порядке, «не в виде арестантов». По прибытии на родину за бывшими политическими ссыльными устанавливался секретный надзор¹⁴¹.

4. Каким ограничениям следовало подвергать лиц, высланных под надзор полиции в административном порядке? Исследование данного вопроса Особой комиссией показало, что первым законодательным актом, ограничившим свободу передвижения и отлучки ссыльных, являлось предписание Военной коллегии от 5 августа 1800 года. Согласно данному предписанию исключенные из воинской службы лица после прибытия на места ссылки должны были сдавать паспорта: в губернских городах – гражданским губернаторам, в уездных городах – городничим, в уездах – Нижним земским судам; которые затем передавали их в Военную Коллегию¹⁴². Позднее эти правила были распространены на ссыльных гражданского ведомства.

¹⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 16.

¹⁴¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 145. Л. 24.

¹⁴² ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XXVI. № 19505.

С 5 декабря 1836 года лицам, определенным к безвыездному пребыванию в ссылке, запрещалось изменять место жительства или отлучаться из него. Лицам, сосланным на жительство под надзор властей без определения им постоянного места пребывания, разрешалось переселяться в другие места губернии только по дозволению начальства и с сохранением над ними полицейского надзора. Данные правила вошли в «Устав о предупреждении и пресечении преступлений».

В 1803 году права неприкосновенности почтовой корреспонденции были лишены каторжные и ссыльные, от которых почтовым смотрителям запрещалось принимать письма без предварительного просмотра их содержания начальником губернии. В 1826 году были утверждены «Правила о переписке государственных преступников», согласно которым письма на имя государственных преступников должны были доставляться для прочтения гражданским губернаторам тех мест, куда они были высланы.

С 1863 года письма лиц, высланных во внутренние губернии империи под надзор полиции за причастность к событиям, имевшим место в Западном крае, пересылались для предварительного прочтения генерал-полицмейстеру Царства Польского, который определял возможность их доставки по назначению¹⁴³.

Лицам, сосланным на жительство под надзор полиции, запрещалось вести торговлю, содержать типографии, литографии и фотографии, поступать на государственную и гражданскую службу, обучать детей. По мнению министра народного просвещения А. К. Разумовского ссыльные, потерявшие «доброе имя и нравственность, не могут иметь качеств, потребных воспитателям или содержателям пансионов»¹⁴⁴. Официально преподавание политическим ссыльным было запрещено циркуляром Министерства внутренних дел № 218 от 25 января 1865 года. Начальникам губерний было предписано следить, «чтобы упомянутые лица, отнюдь не допускаемы были к воспитанию детей»¹⁴⁵.

В результате проведенного исследования Особая комиссия установила, что лица, находящиеся под надзором полиции, подлежали ограничениям: 1) на выбор

¹⁴³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18, Д. 461. Л. 12.

¹⁴⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4383. Л. 5.

¹⁴⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 27.

места жительства; 2) на свободу передвижения; 3) на право поступления в государственную службу; 4) на право свободной корреспонденции; 5) на право заниматься обучением детей; 6) на право заниматься торговлей и промыслами.

5. Кому из ссыльных разрешено выплачивать содержание от казны? По данному вопросу Особой комиссией было установлено, что 2 февраля 1864 года министром внутренних дел было предписано выплачивать казенное содержание только тем ссыльным, которые подали прошение о назначении им пособия ввиду отсутствия собственных средств. После получения прошения губернатор поручал полицмейстеру составить отчет об образе жизни ссыльного, а затем делал запрос в Министерство внутренних дел и Министерство финансов с целью установить, к какому сословию принадлежит высланный преступник и имеет ли он право на получение пособия.

6. Кто из высланных на жительство под надзор полиции лиц составляет категорию административных ссыльных? По данному вопросу Особая комиссия обратилась к циркуляру Министерства внутренних дел № 171 от 4 августа 1867 года. Согласно ему административными ссыльными являлись только те лица, «в отношении которых отсутствовали юридические основания для определения степени их виновности, и которые были удалены из мест проживания по причине их вредного влияния на общественный порядок»¹⁴⁶.

Таким образом, из числа административных ссыльных исключались лица, осужденные к каторжным работам в Сибири, и переведенные на жительство под надзор полиции в Европейские губернии России.

7. Что включает в себя понятие «полицейский надзор»? Разрешение данного вопроса потребовало от Особой комиссии провести дополнительные изыскания в связи с отсутствием в «Своде законов» статей, определявших:

А) за какие виды преступлений и проступков назначалось наказание в виде отдачи под надзор полиции;

Б) кто из представителей исполнительной власти имел право устанавливать надзор за лицами, подозреваемыми в совершении преступлений;

¹⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 43 – 44.

- В) в чем должен состоять полицейский надзор;
- Г) каким ограничениям подвергались лица, отданные под надзор полиции;
- Д) на какой срок должен назначаться полицейский надзор.

В ходе проведенного исследования Особой комиссией было установлено, что на практике произошло разделение полицейского надзора на гласный и на секретный надзор, на отдачу под надзор полиции с оставлением на прежнем месте жительства и на отдачу под надзор полиции с высылкой в отдаленные губернии. Под полицейским надзором подразумевалось наблюдение нижних чинов полиции за поведением, образом жизни, занятиями и безотлучностью пребывания лиц в местностях, определенных правительством для их проживания.

Первые четкие инструкции, определявшие порядок полицейского надзора за лицами, признанными неблагонадежными в политическом отношении, «Правила о полицейском надзоре», были созданы 30 апреля 1867 года наместником Царства Польского Ф. Ф. Бергом. Согласно данным правилам полицейский надзор являлся предупредительной мерой воздействия, направленной на лиц, «неблагонадежных в политическом отношении и дурной нравственности, которые своим поведением и действиями явили себя вредными членами общества и вызвали тем недоверие Правительства» (пункт 1). Также временной мерой ограничения на использование данными лицами тех гражданских прав, которые могут оказать вредное влияние на общественное спокойствие.

Полицейский надзор за преступниками, признанными неблагонадежными в политическом отношении, устанавливался:

- а) по приговорам военных и гражданских судов;
- б) по конфирмациям высших властей, губернаторов и наместника Царства Польского (пункт 7).

Полицейский надзор подразделялся на секретный и гласный, делившийся в свою очередь на «обыкновенный надзор» и «строгий надзор» (пункт 2).

Секретному надзору «подлежали лица, которые подают повод к недоверию правительства своими близкими связями с вредными и преступными людьми, а также действиями, в которых проглядывают намерения, направленные против

общественного спокойствия, безопасности или общественной нравственности» (пункт 3). Лица, состоявшие под секретным надзором полиции, не знали о его существовании, так как он не был соединен ни с какими ограничениями личной свободы или гражданских прав. Секретный надзор состоял в наблюдении за поведением неблагонадежных лиц до тех пор, пока не обнаруживались факты, указывавшие на их виновность, или же пока с них не снимались все подозрения.

Гласному полицейскому надзору подлежали все лица, чья политическая или «нравственная неблагонадежность была достаточно обнаружена», а также лица, высылаемые правительством за совершение преступлений на определенные места жительства (пункт 4). Гласный надзор также являлся предупредительной мерой наказания, позволявшей ограничить влияние неблагонадежных людей на местное общество.

Под обыкновенный гласный надзор отдавались:

- а) лица, оставленные военными судами в подозрении по недостатку улик;
- б) лица, высылаемые из Царства Польского в административном порядке во внутренние губернии империи;
- в) участники Польского восстания 1863 года, возвратившиеся из заграницы, принадлежавшие к сословию крестьян и рабочих;
- г) политические преступники из сословия крестьян и рабочих;
- д) лица, обнаружившие явное нерасположение к правительству.

Под строгий гласный надзор отдавались:

- а) лица, приговоренные военными судами к поселению на жительство в отдаленные губернии империи;
- б) лица, высланные в административном порядке в Сибирь, и возвращенные на прежние места жительства;
- в) политические ссыльные из привилегированных сословий;
- г) лица, добровольно возвратившиеся из мятежнических шаек;
- д) лица, ранее состоявшие под надзором полиции, заслужившие своими действиями учреждения за ними повторного надзора.

Согласно пункту 6 «Правил о полицейском надзоре» на лиц, состоявших под надзором полиции, налагались следующие ограничения:

1) чины полиции могли в любое время днем и ночью проверить, находятся ли они дома, и в любое время провести у них обыск;

2) лицам, состоявшим под надзором полиции, запрещалось без разрешения полицейского начальства принимать в доме гостей;

3) лица, состоявшие под надзором полиции в уездах, были обязаны раз в месяц являться в уездное управление и расписываться в книгах, учрежденных для этой цели;

4) лица, находившиеся под надзором полиции, не имели права отлучаться из мест проживания без паспорта, выданного уездным начальником, даже в пределах уезда;

5) им запрещался выезд за границу;

6) они лишались права участвовать в общественных собраниях и выборах;

7) открывать книжные магазины, трактиры, литографии, типографии;

8) поступать на государственную службу;

9) для наглядного отличия документы лиц, за которыми установлен надзор полиции, печатались на красной бумаге.

10) документы лиц, состоявших под строгим надзором полиции, печатались на красной бумаге и окаймлялись черной чертой.

Данные правила, действовавшие на территории Царства Польского, были приняты за образец к повсеместному использованию.

Ответив на наиболее распространенные у местных властей вопросы, Особая комиссия на заседаниях 17 и 24 марта 1875 года рассмотрела и утвердила предложенный действительным статским советником П. П. Косаговским «Проект правил об административной высылке и полицейском надзоре»¹⁴⁷.

6 июня 1875 года данный проект правил был доставлен для ознакомления оренбургскому и уфимскому губернаторам.

¹⁴⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 351 – 360.

Согласно утвержденному «Проекту правил об административной высылке и полицейском надзоре» право высылать политически неблагонадежных лиц, было предоставлено министру внутренних дел и главному начальнику Третьего отделения (статья 1).

Запросы в Министерство внутренних дел, содержавшие предложения применить к преступникам меру наказания в виде высылки под надзор полиции, разрешалось направлять губернаторам и начальникам Губернских жандармских управлений с разрешения последних, после достижения взаимного согласия.

В местностях, управляемых генерал-губернаторами, предложения выслать преступников в административном порядке должны были передаваться через Главного начальника края, обладавшего правом просить министра внутренних дел о высылке преступников без предварительного контакта с губернаторами (статья 3). При этом начальникам губерний запрещалось в представлениях об удалении вредных в политическом отношении лиц указывать губернию, куда следовало бы направить высылаемое лицо (статья 5). Данное право принадлежало исключительно министру внутренних дел (статья 7).

Решение о том, следует ли ограничиться выселением неблагонадежного в политическом отношении лица с лишением права возвратиться на прежнее место жительства или необходимо назначить для его жительства определенный город, принималось после получения взаимного согласия от министра внутренних дел и главного начальника Третьего отделения (статья 6).

Генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники, сообщая министру внутренних дел о необходимости применения административной ссылки, также должны были указать предполагаемый срок ссылки, который в зависимости от тяжести преступления мог составлять от одного до четырех лет. Изменение или утверждение срока ссылки (в том числе отправка на жительство в отдаленные губернии бессрочно) зависели от взаимного согласия министра внутренних дел и главного начальника Третьего отделения.

Возвращение политических ссыльных на прежние места жительства должно было осуществляться на основании ходатайств губернаторов, в ведении которых

они находились, после того как ссыльные «своим благопристойным поведением заслужат прощения» (статья 9).

Время нахождения политических преступников в ссылке отсчитывалось с момента объявления высылаемым лицам правительственных распоряжений об их удалении в отдаленные губернии империи (статья 55).

Порядок отправления лиц, неблагонадежных в политическом отношении, в назначенные им правительством местности должен был определяться в каждом отдельном случае совместным решением министра внутренних дел с главным начальником Третьего отделения:

а) либо с указанием особого порядка препровождения ссыльного и пути его следования к месту назначения;

б) либо на общем основании.

В случае, когда уведомление об отправлении политического преступника под надзор полиции не сопровождалось указанием со стороны Министерства внутренних дел на местность, назначенную для его пребывания, то обязанность назначить место проживания ссыльному поручалась губернатору, в ведение которого он доставлялся (статья 16).

Административная ссылка подразумевала помещение под надзор полиции. Состоявшие под надзором полиции лица обязывались проживать в определенных правительством местностях, с запретом отлучаться оттуда без разрешения. При перемене места жительства в городе они были обязаны сообщать об этом местной полиции.

Временные отлучки из мест ссылки для лиц, состоявших под полицейским надзором по причине их политической неблагонадежности, разрешались главным начальником Третьего отделения только с согласия министра внутренних дел. При этом губернатор, в ведение которого проживал ссыльный, мог запретить ему любые отлучки, или требовать его возвращения ранее разрешенного срока, если начальник полиции данной губернии признает это необходимым (статья 21).

Ссыльному, получившему право на отлучку, выдавалось свидетельство на путешествие в определенную местность, без права остановок в дороге, на бумаге

красного цвета, с обозначением срока отлучки. По прибытии в означенное место ссыльный должен был явиться не позднее чем через двенадцать часов к местной полицейской власти для предъявления свидетельства (статья 22).

При отправлении ссыльного, получившего право на отлучку в обратный путь, полицейское начальство должно было поставить в свидетельстве отметку о выполнении им принятых на себя обязательств, с указанием на его поведение. По возвращении в назначенное правительством место пребывания политический ссыльный обязан был немедленно явиться к полицейскому начальству, чтобы возвратить данное свидетельство (статья 23).

Генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам предоставлялось право помещать под стражу лиц, высланных под надзор полиции за политическую неблагонадежность, уведомив о причине принятия такого решения министра внутренних дел.

Министр внутренних дел, а также главный начальник Третьего отделения имели право отдавать распоряжения о временном аресте лиц, состоявших под надзором полиции, в целях «предупреждения общественных беспорядков» (статья 44).

В чрезвычайных случаях полицмейстер мог воспретить лицам, состоявшим под надзором полиции, выходить из жилища в ночные часы (статья 24).

Представители полиции имели право входа в квартиры ссыльных «во всякое время» суток (статья 26).

Ссылные обязаны были предупреждать полицмейстера о собрании в их квартире более трех человек (статья 25).

Лицам, состоящим под надзором полиции, запрещалось:

- а) вступать в государственную и общественную службу (статья 28);
- б) быть учредителями или председателями частных обществ и компаний, а также вести делопроизводство в них (статья 29);
- в) заниматься преподаванием уроков, обучать ремеслам, принимать участие в публичных сценических представлениях, выступать с публичными лекциями, участвовать в публичных собраниях (статья 31);

- г) содержать типографии, литографии, фотографии и библиотеки для чтения, торговать книгами и принадлежностями для тиснения (статья 33);
- д) публиковать статьи в периодических изданиях (статья 35);
- е) содержать харчевни, постоянные дворы и дворы для ночлега – любые заведения, торговавшие выпивкой, а также работать в них (статья 36);
- ж) содержать ссудные кассы (статья 37);
- з) быть попечителями и опекунами (статья 40).

При этом лица, состоявшие под надзором полиции, имели право заниматься врачебной практикой или фармацевтической деятельностью с согласия министра внутренних дел и главного начальника Третьего отделения.

За совершенные преступления или проступки лица, высланные под надзор полиции, подлежали наказанию в общеустановленном законом порядке (статья 45).

Частная корреспонденция ссыльных объявлялась неприкосновенной (статья 41). В исключительных случаях просмотр корреспонденции мог осуществляться только на основании высочайшего разрешения.

Важным нововведением стало назначение всем ссыльным, независимо от их сословной принадлежности, казенного содержания в размере 15 копеек в сутки на человека (статья 47). Губернаторам разрешалось обращаться в Министерство внутренних дел с просьбой об увеличении пособия на содержание ссыльных до 50 копеек в сутки на человека и выделении от одного до трех рублей в месяц на наем квартиры.

В случае отсутствия собственных средств на путешествие, семья ссыльного могла быть отправлена к нему этапным порядком «не в виде арестантов». После достижения места ссылки жене полагалось содержание, «равное содержанию мужа, а детям выплачивался его половинный размер» (статья 48).

Неимущим ссыльным кроме пособия, выдаваемого на покупку пропитания, с согласия министра финансов могло выплачиваться не более 45 рублей в год на покупку одежды, обуви и белья (статья 50).

Лица, состоявшие под надзором полиции, в случае болезни должны были помещаться в больницах гражданского ведомства за казенный счет.

Разослав утвержденный «Проект правил об административной высылке и полицейском надзоре», Министерство внутренних дел рекомендовало местной администрации в дальнейшем руководствоваться его положениями.

24 сентября 1875 года уфимский губернатор И. Ф. Щербатский поддержал введение этих «Правил», отметив, что их главным достижением является отмена разряда лиц, высылаемых на жительство без учреждения за ними полицейского надзора. Так как на практике высылка на жительство без установления надзора полиции являлась более тяжелым наказанием, чем высылка с отдачей под надзор полиции, потому что данные лица не могли получать пособия от казны¹⁴⁸.

Таким образом, утвержденные в 1875 году «Правила об административной высылке и полицейском надзоре» являлись итогом тщательного исследования и отбора наиболее значимых положений большого количества разрозненных законодательных актов. Они стали первым единым документом, определившим порядок высылки и надзора за лицами, неблагонадежными в политическом отношении, а также первым законодательным актом, подробно перечислившим их права и обязанности. Тщательная разработка данных «Правил» позволила сделать их понятными представителям исполнительной власти и удобными в применении на местах.

В соответствии с новыми «Правилами» систему административной ссылки возглавили министр внутренних дел и главный начальник Третьего отделения. Надзор за ссыльными осуществляли начальники губерний, полицмейстеры и начальники Губернских жандармских управлений.

Кроме того Особой комиссией впервые были рассмотрены правила надзора за политическими ссыльными, определены виды полицейского надзора, его срок и что подразумевается под полицейским надзором. Сборник материалов данной комиссии, созданный на основании анализа различных распоряжений местных и

¹⁴⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781. Л. 6 – 7.

центральных властей, является важнейшим источником по истории становления ссылочного законодательства Российской империи.

Ссылка, как специальный вид наказания для нарушителей государственного спокойствия, впервые была определена 7-й главой «Соборного Уложения» 1649 года и была смягчающим наказанием, заменявшим собой смертную казнь. Развитие системы политической ссылки было неразрывно связано с появлением в Российской империи органов политического контроля, занимавшихся сбором и анализом информации о настроениях в обществе и об отношении разных слоев населения к Верховной власти. Законодательные нормы, регулировавшие правила высылки и надзора за политическими преступниками, устанавливались по мере надобности.

Ссылка являлась наказанием, назначаемым за широкий круг поступков и преступлений. Это привело к возникновению парадоксальной ситуации: с одной стороны, она была смягчающим наказанием, заменявшим собой смертную казнь, с другой – являлась максимальным наказанием для лиц, обвиненных в нарушении общественного спокойствия и государственного порядка.

Ключевое влияние на формирование системы политической ссылки оказало введение в 1753 году политической смерти. Лицо, осужденное на политическую смерть, во исполнение приговора, возводилось на виселицу или клалось на плаху, после чего ему объявлялась Императорского Величества милость.

Превращение ссылки в главный инструмент борьбы с распространением в обществе антиправительственных настроений произошло в 1826 году, вследствие расследования событий на Сенатской площади. Для предотвращения подобных случаев был учрежден специальный орган исполнительной власти, возглавивший иерархию государственных учреждений – Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Третье Отделение имело право запросить сведения у любого должностного лица или государственного органа, невзирая на ведомственную подчиненность. Но общее управление системой политической ссылки находилось в ведении императора.

Приобретение ссылкой статуса главного вида наказания для политических преступников требовало установления четких правил ее применения. Изначально высылка неблагонадежных лиц осуществлялась в соответствии с циркулярами Министерства внутренних дел, «Сводом законов Уголовных» и «Уложением о Наказаниях Уголовных и Исправительных». Вследствие этого правила высылки и надзора за данными лицами содержались отрывочно во множестве статей разных законодательных актов.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-х – 1850-х ГОДАХ

§ 2.1. Утверждение Оренбургской губернии в качестве местности размещения политических ссыльных

Оренбургская губерния была образована 15 марта 1744 года, а уже 19 марта 1744 года был издан сенатский указ, постановивший отправлять преступников из числа купцов, мастеровых и ремесленных людей вместо Сибири в г. Оренбург¹⁴⁹, в целях увеличения численности населения города, за счет квалифицированных специалистов.

Первые политические ссыльные появились на территории Оренбургской губернии в соответствии с Манифестом от 15 июня 1744 года, согласно которому лиц, виновных в преступлениях по первым двум пунктам и богохульстве, вместо Сибири следовало отправлять на добычу илекской соли¹⁵⁰.

Причинами выбора Оренбургской губернии в качестве одного из главных мест ссылки являлись:

1. Удаленность от столичных губерний. Оренбургская губерния находилась в 1 500 километрах от Москвы и 2 200 километрах от Санкт-Петербурга.

2. Крайне низкая плотность населения. По данным 4-й Сенатской ревизии в 1782 году население Оренбургской губернии, площадью более чем в 320 тысяч квадратных верст, составляло 289 155 душ¹⁵¹. Местная администрация испытывала недостаток не только в квалифицированных докторам и чиновниках, но также и в рабочей силе.

3. Географическое положение. Оренбургская губерния была пограничной губернией, поэтому на ее территории размещался Отдельный военный корпус, в задачи которого входила охрана границы Российской империи от нападений со стороны враждебно настроенных среднеазиатских государств.

¹⁴⁹ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XII. № 8906.

¹⁵⁰ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XII. № 8992.

¹⁵¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859, С. 113.

4. Климатические условия. Среднегодовая температура воздуха составляла минус 3,2 градуса Цельсия, а разница между наибольшей температурой июля и наименьшей температурой января достигала 80 градусов Цельсия¹⁵².

Летом температура воздуха достигала 36 градусов Цельсия в тени, а зимой опускалась ниже минус 35 градусов Цельсия. «Снег в Оренбурге выпадал в конце октября и лежал до начала апреля. Бураны начинались в последних числах ноября и продолжались до 1 марта. Толщина снежного покрова в среднем достигала 40 сантиметров»¹⁵³.

Число ясных дней в среднем равнялось 96 за год, пасмурных – 120 за год. Остальные дни относились к разряду «облачных». Большая часть пасмурных дней приходилась на осень, зиму и весну. Следовательно, лето было обычно жарким и засушливым¹⁵⁴. Например, в 1821 году в Киргизской степи в течение лета ни разу не выпадал дождь, и шесть недель подряд не было замечено ночной росы¹⁵⁵.

Весной и осенью порывистый юго-западный ветер, создавал благоприятные условия для распространения в губернии простудных заболеваний.

Список уголовных преступлений, наказываемых высылкой в Оренбургскую губернию, был крайне разнообразен: убийство, кража, соучастие в преступлении, мошенничество, должностные преступления, кража государственного имущества, растрата казенных денег, покупка фальшивых паспортов и другие¹⁵⁶.

26 апреля 1773 года на основании просьбы Оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа сенатским указом было предписано «отправлять колодников вместо Нерчинска в Оренбург, до тех пор, пока там надобность в них удовлетворена не будет»¹⁵⁷.

¹⁵² Чехович К. Результаты метеорологических наблюдений в Оренбургском крае, производимых в 1893 году // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. Оренбург, 1895, Выпуск 7. С. 43.

¹⁵³ Четвериков С.А. Оренбургская губерния как место политической ссылки в середине XVIII – первой трети XIX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2016. № 6 (110). С. 159.

¹⁵⁴ Там же. С. 59.

¹⁵⁵ Штукенберг И.Ф. Статистические труды. СПб., 1858, Т. 1. Описание 24 губерний, С. 6.

¹⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111.

¹⁵⁷ ПСЗРИ. Собрание Первое. 1649 – 1825 гг. СПб., 1830, Т. XIX. № 13975.

Присылаемые в Оренбургскую губернию каторжники использовались на строительстве оренбургской крепости, при проведении фортификационных работ, на вырубке леса и сплаве бревен по реке Сакмаре. Каторжники, находившиеся в Илецкой защите, занимались вырубкой и доставкой соли в магазины, расчисткой земли около соляной разработки, добычей угля, заготовкой дров, строительством и обслуживанием дорог в сторону г. Оренбурга, заготовкой сена для прокорма лошадей¹⁵⁸.

Труд ссыльных не был бесплатным. За проделанную работу они получали «по 12 копеек в день летом и по 8 копеек в день зимой»¹⁵⁹. На покупку одежды и прокормление каждого ссыльного выделялось по 3 рубля 15 копеек серебром в год. Всего на 28 мая 1797 года в Оренбургском Конторском ведомстве числилось 348 человек, присланных в каторжную работу¹⁶⁰.

Одновременно с лицами, осужденными на каторжные работы, в г. Оренбург «на службу, в которую способен», стали высылать преступников, обвиняемых в непочтительных отзывах о членах правящей династии и высших государственных сановниках.

В 1744 году за «произнесение непристойных речей» в г. Оренбург на службу, в которую способен, был отправлен магазейн-вахтер¹⁶¹ Иван Седестром. В оскорбительных для Верховной власти речах он возмущался:

1) что певчие – Разумовские¹⁶² – которые были пожалованы императрицей в дворяне, отнимают старшинство у старых дворян; 2) что императрица Елизавета Петровна «милостива к малороссиянам»¹⁶³; 3) что истинной причиной войны со Швецией было недовольство шведской короны ссылкой Иоанна (императора Ивана VI) и его отца¹⁶⁴. Родство Иоанна с датским и английским королями, и венгерской королевой грозило новой войной. Для этих целей прусским королем

¹⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 553. Л. 46.

¹⁵⁹ Там же. Л. 6.

¹⁶⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.

¹⁶¹ Чиновник, ответственный за сохранность имущества.

¹⁶² Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741 – 1761 // Русская старина. 1875, Т. XII. С. 536.

¹⁶³ Там же. С. 534.

¹⁶⁴ Там же. С. 536.

было якобы подготовлено войско в 60 тысяч. Кроме того Седестром обвинялся в желании восстановить «Иоанна на всероссийском престоле»¹⁶⁵.

В январе 1746 года по решению Тайной канцелярии в каторжные работы в г. Оренбург навечно был отправлен лишенный священнического и монашеского сана бывший иеромонах Толгского Ярославского монастыря Савватий (Сергий), произнесший в пьяном виде: ««Бабы города не стоят николи! ... А ведь ныне государство баба держит! Баба не как человек! ... Приняла она к себе неверных! ... Не могла она здесь в России людей выбрать!»¹⁶⁶.

В 1748–1762 годах в оренбургском гарнизоне находился на службе удаленный от двора Андрей Гаврилович Чернышев¹⁶⁷.

В 1762 году в Оренбургскую губернию, село Спасское, был отправлен на жительство священник Иван Федоров, виновный в произнесении молитвы за здоровье «бывшего Императора Петра III»¹⁶⁸.

В 1763 году в г. Оренбург в полевые полки был отправлен Степан Власов, исключенный из лейб-гвардии Гренадерского полка, заявивший в пьяном виде о желании застрелить Екатерину II, когда она отправится в Петербург¹⁶⁹.

Следовательно, первые политические ссыльные высылались в г. Оренбург не за совершение каких-либо противоправных с точки зрения законодательства поступков, а за произнесение ими «непочтительных речей».

Первые случаи массовой высылки лиц, подозревавшихся в преступлениях по первым двум пунктам, приходится на период правления Екатерины II.

30 июня 1795 года командующий Оренбургским корпусом С. К. Вязмитинов получил предписание Военной коллегии № 9975 о переселении на территорию Оренбургской губернии взбунтовавшихся станиц донских казаков

¹⁶⁵ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741 – 1761 // Русская старина. 1875, Т. XII. С. 537.

¹⁶⁶ Арсеньев А.В. Непристойные речи. Монах недовольный женским правлением // Исторический вестник. 1897, Т. LXIX. С. 69.

¹⁶⁷ Оболенский М. Исторические замечания // Русский архив. 1865, № 3. С. 228.

¹⁶⁸ Указ Императрицы Екатерины II от 19 марта 1763 года // Русский архив. 1871, № 7 – 8. С. 1252.

¹⁶⁹ Каратыгин П.П. Язык мой – враг мой. Русский преторианец // Исторический вестник. 1897, Т. LXIX. С. 782.

– Есаульской, Нижнечирской, Верхнечирской, Пятиизбянской и Кобылиной. Причиной ссылки казаков стал их отказ переселиться на Кавказскую линию. Всего в Оренбургскую губернию были высланы 437 участников бунта (578 человек вместе с семьями).

В Троицкую крепость были поселены бывшие хорунжие Николай Рубилин и Анисим Аказлин. В Верхнеуральскую крепость – бывшие хорунжие Аникей Турченков, Агафон Понявкин, Никифор Топилин, Данила Чудовцов и сотники Григорий Чиркин, Филипп Лазарев. В Губерлинскую крепость – бывший есаул Турченков, хорунжий Василий Лобанов, сотник Герасим Чиркин. В Ильинскую крепость – бывшие сотники Кирилл Сергеев, Василий Першиков, судья Петр Лазарев. В Верхнеозерную крепость – бывший поручик Антон Котельников, бывший есаул Павел Гуреев, сотники Дмитрий Махин, Гаврила Гуреев. В Орскую крепость – бывший есаул Тарас Вихлянец, хорунжие Аникий Турчанков, Агей Вихлянец, Василий Горшков, Иван Донецков¹⁷⁰.

В 70-х годах XVIII века в Оренбургскую губернию были присланы первые польские пленные, члены Барской конфедерации. Конфедераты размещались в г. Уфе, «Кизильской, Таналыцкой, Троицкой и других крепостях Юго-восточной пограничной линии»¹⁷¹. Из Могилевской губернии в Оренбургскую губернию были переселены «шляхетские околицы Антуши, Сеножатки, Тертеж»¹⁷².

Правление Павла I характеризовалось массовой высылкой из столиц лиц, без произнесения над ними приговора гражданского или военного суда, которые были неуютны императору. О ее масштабах говорит тот факт, что Александр I из тюрем были освобождены 482 человека, арестованные Тайной Экспедицией по политическим причинам, а также помилованы 12 тысяч человек, исключенных из военной и гражданской службы¹⁷³.

¹⁷⁰ Севастьянов С.В. Несколько старинных песен // Труды ОУАК. Оренбург, 1898, Выпуск IV. С. 80.

¹⁷¹ Кортунов А.И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX века) // Мир науки, культуры, образования. 2014, № 5. С. 240.

¹⁷² Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871, Ч. 3: Политические и государственные преступники. С. 93.

¹⁷³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951, Т. 1. 1762 – 1825 гг. С. 95.

Во исполнение тайных повелений Павла I в г. Оренбург на жительство под неперменный надзор полиции из Санкт-Петербурга в 1796–1800 годах были высланы 4 человека: 30 января 1797 года «надворный советник Бук¹⁷⁴, 9 сентября 1799 года коллежский советник Сибурн (Сибург), 19 октября 1800 года квартирмейстер, майор граф Бензель»¹⁷⁵.

Отправленным на жительство в Оренбург лицам выплачивалось положенное жалование, разрешалось «жить на воле», но запрещалось иметь переписку и отлучаться куда-либо из города.

В 1796 году на жительство в г. Оренбург без права покидать город был удален из Санкт-Петербурга камердинер императрицы Екатерины II, являвшийся приемным сыном Г. А. Потемкина – Федор Ермолаевич Секретарев с женой. Причиной его ссылки стало хранение им шкатулки, которая якобы содержала бумаги и письма Екатерины II к князю Потемкину, не найденные у Секретарева при обыске¹⁷⁶.

В оренбургской ссылке Ф. Е. Секретарев находился до 15 марта 1801 года, когда ему было даровано прощение, возвращены чины и дворянское достоинство и разрешено «проживать там, где он пожелает»¹⁷⁷.

С приходом к власти Александра I высылка политических преступников в Оренбургскую губернию практически прекратилась. Всего в 1802–1811 годах на территорию Оренбургской губернии по политическим причинам (в том числе и по подозрению в шпионаже) были доставлены 13 человек¹⁷⁸, из которых девять человек находились в г. Оренбурге¹⁷⁹, двое – в г. Уфе, по одному – в Орской и Звериноголовской крепостях.

¹⁷⁴ Именные указы императора Павла I Оренбургским военным губернаторам 1797 – 1800 // Труды ОУАК. Оренбург, 1889, Выпуск I. С. 17.

¹⁷⁵ Муханов П.А., Хмыров М.Д. Указы и повеления Павла I Санкт-Петербургским военным губернаторам. 1796 – 1797 годы // Русская старина. 1872, Т. V. С. 253.

¹⁷⁶ Корсаков А. Федор Ермолаевич Секретарев // Русский архив. 1882, № 1. Книга 1. С. 161.

¹⁷⁷ Рябынин Д. По поводу писем И.М. Муравьева-Апостола к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876, № 3. С. 379.

¹⁷⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3508.

¹⁷⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 11.

Политические ссыльные данного периода содержались как арестанты под строгим караулом. В Оренбургскую губернию ссыльные отправлялись на двух подводах, проезжавших в день до 50 верст. Оренбургскому военному губернатору Г. С. Волконскому было приказано следить, чтобы у них были «отняты способы не только к уходу, но к перепискам и дерзким поступкам»¹⁸⁰. В результате все письма, приходившие на имя ссыльных, тщательно просматривались.

В период Отечественной войны 1812 года Оренбургская губерния являлась местом ссылки для лиц, подозревавшихся в шпионаже. Всего по распоряжению Особого Комитета, учрежденного в 1807 году для расследования дел о шпионаже и наблюдения за французскими подданными, проживавшими на территории Российской империи, в Оренбургскую губернию были отправлены 17 человек.

За сношения с неприятелем на жительство в г. Оренбург 17 сентября 1812 года были доставлены иностранные подданные Федор Бетихер с семейством¹⁸¹, Эдуард Козловский и маршал Родзеевский. За сообщение французам о положении русских армий – польские жители Лемницкий и Якубович¹⁸².

Оренбургскому военному губернатору Г. С. Волконскому было предписано «учредить за ними строгий надзор, разослав по крепостям, чтобы они жили тихо и скромно, никаких к нарушению спокойствия предприятий, вредных разговоров и политических рассуждений не делали и переписки ни с кем не имели»¹⁸³.

На содержание каждого иностранного подданного согласно предписанию главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала С. К. Вязмитинова от 4 ноября 1812 года выделялось по 25 копеек в сутки¹⁸⁴.

В 1812 году на жительство в г. Оренбург, без права покидать город, был выслан бывший начальник Тайной полицейской экспедиции Иван Гегельстром. В 1814 году И. Гегельстрому было разрешено возвратиться на родину в Могилевскую губернию без права въезда в столицы.

¹⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1571. Л. 1.

¹⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4383. Л. 3.

¹⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 886. Л. 1.

¹⁸³ Юдин П.Л. Ссыльные 1812 года в Оренбургском крае // Русский архив. 1896, № 9. С. 6.

¹⁸⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3581. Л. 4.

Последующее развитие оренбургской политической ссылки было связано с именем графа А. А. Аракчеева, по конфирмации которого в 1817 году на службу в Оренбургский корпус были направлены 6 крестьян, признанных зачинщиками восстаний военных поселян в Новгородской губернии. В 1818 году на жительство в Оренбургскую губернию были присланы 7 человек, обвиненных в составлении «непозволительных просьб для военных поселян»¹⁸⁵.

«В г. Челябинск был выслан Р. Д. Линник; в г. Оренбург – капитан Ратищев; в г. Троицк – губернский регистратор Шрамков; в г. Белебей – харьковский мещанин Майбороденко; в г. Бирск – дворянин И. Зиер, канцелярист Ягупов и лейтенант М. И. Полуектов»¹⁸⁶.

В сентябре 1819 года на «непременное жительство» в Оренбургскую губернию под строгий надзор полиции были высланы участники возмущения, произошедшего среди военных поселян в г. Чугуеве: поручик Василий Щербина и прапорщик Никита Пылев. На службу в батальоны Оренбургского корпуса были зачислены: «командир поселенных эскадронов ротмистр Туманский, старший дивизионный адъютант ротмистр Тареев, поручики Ветчинниновы, Ангирманов, Иванов, корнеты Замочиников, Шевернев, Павин, Грудин и Шаровнин»¹⁸⁷.

Местом постоянного жительства для В. Щербины была назначена Степная крепость, для Н. Пылева – Челябинск. Комендантам крепостей предписывалось – иметь над ними «неослабленный надзор» и не разрешать им никуда отлучаться, а также ежемесячно доносить о поведении ссыльных. В 1820 году оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену было предписано – раз в три месяца подавать для ознакомления императору отчет об их поведении.

В октябре 1823 года, в связи с ухудшением здоровья, В. Щербина выразил раскаяние в совершенном им преступлении и попросил освобождения из ссылки, однако получил отказ.

¹⁸⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18, Д. 35.

¹⁸⁶ Четвериков С.А. Оренбургская губерния как место политической ссылки в середине XVII – первой трети XIX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016, № 6 (110). С. 161.

¹⁸⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 6955. Л. 2.

19 марта 1824 года оренбургский военный губернатор П.К. Эссен доложил графу А. А. Аракчееву, что высланный в Оренбургскую губернию за участие в выступлении Чугуевского полка В. Щербина умер в Степной крепости 18 февраля 1824 года, на следующий день от продолжительной болезни скончался Н. Пылев.

В августе 1821 года в батальоны Оренбургского корпуса равномерно без какого-либо наказания были определены 172 рядовых первой гренадерской роты Семеновского полка, обвинявшиеся: «в самовольном выходе на переключку ... в непослушании фельдфебелю ... в принесении начальству жалоб на притеснения полкового командира, оказавшихся несправедливыми, и наконец, в умышленном утаении имен зачинщиков»¹⁸⁸.

В начале 1820-х годов под надзор полиции в Оренбургскую губернию были доставлены члены греческого тайного общества «Филики Этерия», добивавшиеся независимости Греции от господства Османской империи: сербский подданный Милорадович, русские подданные – штабс-капитан Солтанович, капитан Иванов, рядовой Букатор¹⁸⁹.

В 1822 году на службу в артиллерийскую роту № 72, располагавшуюся в г. Оренбурге, из канцелярии графа А. А. Аракчеева был прислан Григорий Силич Карелин, нарисовавший чертенка в мундире, рядом с которым располагалась надпись – «Без лести предан»¹⁹⁰, являвшаяся девизом на гербе Аракчеева, а также спевший в отношении графа Аракчеева «комическую песенку»¹⁹¹.

По подозрению в шпионаже в начале 1820-х годов в г. Оренбург под надзор полиции были отправлены французские подданные Огюст Турналь¹⁹² и граф де Бомон де Бю¹⁹³.

¹⁸⁸ Богданович М. Беспорядки в Семеновском полку // Вестник Европы. 1870, № 11. Т. XXVI. С. 80.

¹⁸⁹ Гвоздикова И.М. Против крепостничества и самодержавия (Ссылные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988, С. 156.

¹⁹⁰ Липский В.И. Григорий Силич Карелин (1801 – 1872). Его жизнь и путешествия. СПб., 1905, С. 16.

¹⁹¹ Карелина С. Г.С. Карелин // Русский архив. 1873, № 7. С. 1319.

¹⁹² Игнатович А.В. О сосланном в Оренбург под надзор полиции французе Огюсте Турнале // Труды ОУАК. Оренбург, 1914, Выпуск XXX. С. 104.

¹⁹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 35.

В 1824 году на службу в Отдельный Оренбургский корпус был переведен за вольнодумство и непозволительное сочинение разжалованный в солдаты бывший подпрапорщик Семеновского полка П. Бахтурин¹⁹⁴.

Середина 1820-х годов ознаменовалась началом высылки в Оренбургскую губернию политических преступников из уроженцев Северо-Западного края.

28 февраля 1824 года были лишены дворянского достоинства члены тайного общества «Черные братья», существовавшего в Крожской гимназии Виленского учебного округа. Целью создания данного общества было распространение среди учащихся патриотических стихов и песен. Его основатель Янчевский и активный участник собраний Зеленевиц были приговорены к заточению в крепость на срок 10 лет, а затем к зачислению рядовыми без выслуги лет на Оренбургскую линию, а если окажутся неспособными к службе – на поселение в Сибирь¹⁹⁵.

Остальные участники собраний были определены на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса: Виткевич – в Орский батальон, Ивашкевич – в Троицкий батальон, Песляк – в Верхнеуральский батальон, Сухотский – в Звериноголовский батальон, где он вскоре умер¹⁹⁶.

Дворянин Виленской губернии Иван (Ян) Викторович Виткевич был сослан «за сочинение возмутительных писем и стихов»¹⁹⁷, дворянин Виленской губернии Виктор Карлович Ивашкевич – «за сочинение по бытности в гимназии писем и стихов, признанных вредными»¹⁹⁸, дворянин Виленской губернии Алоизий Песляк – за знание их антиправительственных стихотворений.

«Черные братья» следовали в Оренбургскую губернию в этапном порядке, закованными в тяжелые пудовые цепи. По прибытию в оренбургские батальоны им строго воспрещалось вести переписку с родственниками и «знакомиться с кем

¹⁹⁴ Гвоздикова И.М. Против крепостничества и самодержавия (Ссылные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988, С. 156.

¹⁹⁵ Бархатцев С. Из истории Виленского учебного округа // Русский архив. 1874, № 5. С. 1219.

¹⁹⁶ Лоссиевский М.В. Записки Песляка // Исторический Вестник. 1883, Т. XIII. С. 578.

¹⁹⁷ Потто В.А. Ссылные поляки в Оренбурге // Исторический Вестник. 1889, Т. XXXVIII. С. 590.

¹⁹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 94. Л. 184об.

бы-то ни было»¹⁹⁹. Ссылные получали арестантское содержание, поэтому вынуждены были самостоятельно печь хлеб и искать дополнительные источники заработка. Отношение солдат в батальонах к ним было презрительным. Например, А. Песляк получил прозвища «безмозглый полячишка» и «фармазон» (масон)²⁰⁰.

Во второй половине 1824 года на территорию Оренбургской губернии «за предосудительные намерения»²⁰¹, обнаруженные в ходе расследования в их речах и стихах, были высланы руководители раскрытого среди студентов Виленского университета тайного общества «Филаретов»: Томаш Зан (он был приговорен к заключению в крепость на месте ссылки на один год), Адам Сузин и Ян Чечот (оба были приговорены к заключению в крепость на месте ссылки на полгода).

Дворянин Минской губернии Томаш (Фома) Зан был сослан в г. Оренбург за «распространение пагубных учений»²⁰² и создание тайного общества. Под его руководством в 1819 году в Виленском университете было учреждено «нравственное, патриотическое и ученое общество Лучезарных».

Целью данного общества было провозглашено желание «утвердить между его членами правила нравственности, возбудить в них любовь к наукам, оживить их прилежание и умственную деятельность, и оказывать бедным и не имеющим особенных способностей ученикам как материальную, так и умственную помощь»²⁰³.

Общество Лучезарных состояло из двух отделений: литературного – возглавляемого Адамом Мицкевичем, а затем Яном Чечотом; и физико-математического, под управлением Томаша Зана.

Подлинной целью создания данного общества было стремление вернуть Польше ее прежний блеск путем отвлечения молодежи от всего зарубежного и распространения среди нее патриотизма. Она была известна лишь тайному совету

¹⁹⁹ Лоссиевский М.В. Записки Песляка // Исторический Вестник. 1883, Т. XIII. С. 578.

²⁰⁰ Там же. С. 580.

²⁰¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 35.

²⁰² Модестов Н.Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды ОУАК. Оренбург, 1917, Выпуск XXXV. С. 14.

²⁰³ Кукольник П. Анти-Ципринус. Воспоминания о Н.Н. Новосильцеве // Русский архив. 1873, № 2. С. 212.

«Филаретов», который возглавляли филоматы. Средствами достижения этой цели были объявлены набор новых членов и создание подобных обществ. Собрания «Филаретов» включали в себя чтение патриотических речей и стихотворений. Каждый из членов общества обязан был написать в год хотя бы одно сочинение, платить денежные взносы и быть добродетельным.

После освобождения из заключения Зан стал давать частные уроки, занялся ботаническими и геогностическими исследованиями. 23 января 1831 года он был определен устройтелем «Музеума»²⁰⁴ при Неплюевском военном училище. В 1837 году оренбургский военный губернатор В.А. Перовский охарактеризовал его поведение следующим образом: «во время пребывания в здешнем крае ни в чем не благонамеренном замечен не был, вел себя хорошо и с пользой был употребляем главным местным начальством по разным поручениям»²⁰⁵.

Дворянин Гродненской губернии Адам Демьянович Сузин был обвинен в том, что написанная им самим речь, показывала «более преданности к Наполеону, нежели к России»²⁰⁶.

В торжественной речи он благодарил Наполеона за создание Герцогства Варшавского и стремление восстановить независимость Польши; выражал свое неудовольствие присоединением польского края к России и указывал, что нет ныне для поляков никакого счастья²⁰⁷.

Дворянин Гродненской губернии Ян (Иван) Чечот обвинялся в том, что в 1821 году раздавал всем членам тайного общества, отправлявшимся на каникулы в свои имения, напечатанные незаконно сборники, которые содержали вопросы, «не совсем к статистике относящиеся». Среди вопросов значились: «Сколько, и в каких чинах и полках служит в местном войске дворян? Какое число местного

²⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп.18. Д. 129. Л. 9 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 12 об.

²⁰⁶ Четвериков С.А. Оренбургская губерния как место политической ссылки в середине XVIII – первой трети XIX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2016. № 6 (110). С. 161.

²⁰⁷ Вержбовский Ф. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819 – 1823 годах. Варшава, 1898, С. 55.

войска и принадлежащих к нему лиц обоего пола? Где производятся выборы чиновников и существуют ли среди них партии и интриги?»²⁰⁸.

Различные взаимоотношения «Филоматов» с местными властями позволили бывшему политическому ссыльному Брониславу Залескому в 1866 году выделить два способа поведения, встречавшиеся среди поляков, высылаемых под надзор полиции. Первый из них подразумевал тесное взаимодействие с местной «русской администрацией» в надежде на покровительство и освобождение из ссылки. Его прообразом была активная деятельность в ссылке Фомы Зана. Вторым состоял в явном нежелании участвовать в любой жизни общества и предполагал отсутствие знакомых среди не поляков. Его основоположником стал Ян Чечот²⁰⁹.

Таким образом, высылка в Оренбургскую губернию членов тайных обществ «Черные братья» и «Филареты» стала событием, определившим дальнейшую роль г. Оренбурга в качестве местности, предназначенной для размещения большого числа политических преступников. Всего к началу 1820-х годов в Оренбургской губернии под надзором полиции состояли 23 политических ссыльных²¹⁰.

Ключевое влияние на значительное усиление правительственного контроля над политическими настроениями в обществе, оказали результаты расследования событий, произошедших 14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

Всего за причастность к декабристским организациям в 1826–1833 годах в Оренбургский корпус на службу были принудительно зачислены 16 ссыльных, а еще двое состояли некоторое время на территории Оренбургской губернии под строгим полицейским надзором.

24 февраля 1826 года на службу в Оренбургский военный госпиталь был переведен из лейб-гвардии Финляндского полка штаб-лекарь Николай Галактионович Смирнов, который хоть и не состоял в тайных обществах, однако

²⁰⁸ Вержбовский Ф. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819 – 1823 годах. Варшава, 1898, С. 33.

²⁰⁹ Br. Zaleski. Wagnancy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Paris, 1866, S. 94.

²¹⁰ Матвиевский П. Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII – XIX веков. Оренбург, 2005, С. 279.

в нарушение правил сдавал за деньги Н.Р. Цебрикову, состоявшему в Северном Обществе, часть казенной квартиры²¹¹.

7 июня 1826 года на службу в Уральский гарнизонный батальон из Ахтынского гусарского полка был переведен в чине капитана, с заключением под стражу на срок в два месяца, участник событий на Сенатской площади ротмистр Егор Ермолаевич Пфейлицер-Франк²¹².

10 июня 1826 года на службу в Кизильский батальон из 27-го флотского экипажа был зачислен непосредственный участник Происшествия 14 декабря мичман Петр Александрович Бестужев. В Оренбургский гарнизонный полк был направлен подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Нил Павлович Кожевников. В Троицкий батальон был отправлен лейтенант Гвардейского морского экипажа Федор Гаврилович Вишневецкий. В Звериноголовский батальон был направлен лейтенант Гвардейского морского экипажа Епафродит Степанович Мусин-Пушкин²¹³.

В июле 1826 года на службу в Верхнеуральский батальон был зачислен из 9-й артиллерийской бригады прапорщик Алексей Васильевич Веденяпин²¹⁴.

В Оренбургский батальон – Владимир Дмитриевич Вальховский, Николай Николаевич Оржицкий, Василий Дмитриевич Сухоруков²¹⁵.

За принадлежность к тайным обществам на службу в Орский гарнизонный батальон с заключением в крепости на шесть месяцев был зачислен подпоручик Гвардейского Генерального Штаба Демьян Александрович Искрицкий.

За недонесение о замыслах «Общества соединенных славян» на службу в Верхнеуральский гарнизонный батальон из 9-й Артиллерийской бригады с заключением в крепость на два года был выслан подпоручик Илья Михайлович Черноглазов.

²¹¹ Восстание декабристов. Документы. М., 2008, Т. XXI. С. 483.

²¹² Там же. С. 104.

²¹³ Гвоздиков И.М. Против крепостничества и самодержавия (Ссылные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988, С. 151.

²¹⁴ Лоссиевский М.В. Записки Песляка // Исторический Вестник. 1883, Т. XIII. С. 582.

²¹⁵ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссылных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971, С. 28.

22 августа 1826 года по случаю коронации императора Николая I лицам, зачисленным на службу в Оренбургский корпус, было разрешено отправиться на службу на Кавказ. Этим правом декабристы, зачисленные на службу в Отдельный Оренбургский корпус, воспользовались в сентябре 1826 года.

В Оренбургскую Инвалидную команду на службу поступили раненные в результате стрельбы 14 декабря на Сенатской площади матрос 2-й статьи О. Кононов и канонир 1-й статьи артиллерийской команды Гвардейского морского экипажа С. Зайцев.

В Кизильский гарнизонный батальон на службу рядовым без выслуги лет был зачислен бывший поручик Кавалергардского полка Александр Семенович Горожанский. В 1830 году он был отправлен в Соловецкий монастырь за «дерзкие слова» против особы Его императорского Величества и заявление, что он «не признает над собой власть царя»²¹⁶.

С 15 января 1828 года по 7 августа 1828 года в г. Оренбурге у отца проживал штабс-капитан Антон Аполлонович Жемчужников, «уволенный со службы по делу о злоумышленных обществах»²¹⁷. Оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену было поручено обратить пристальное внимание на его образ жизни и разговоры.

В 1830 году на службу в Оренбургский корпус рядовым был зачислен член «Общества соединенных славян» Николай Осипович Красницкий.

В 1833 году в Уфимский батальон был зачислен бывший подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Александр Александрович Фок, участвовавший в событиях 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. В 1835 году Фок вышел в отставку и поселился вместе с женой и сыном в имении помещика Топорнина в Бирском уезде, получая пенсию 220 рублей в год²¹⁸.

Необходимость наказания членов декабристских организаций потребовала от правительства законодательного определения круга преступлений, являвшихся

²¹⁶ Гвоздикова И.М. Против крепостничества и самодержавия (Ссылные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа, 1988, С. 155.

²¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 30. Л. 1.

²¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 127. Л. 28.

государственными. Согласно постановлению Верховного уголовного суда от 13 июля 1826 года к ним были отнесены преступления по первым двум пунктам и участие в деятельности тайных обществ²¹⁹.

Преступлениями «по первому пункту» (по степени вины) объявлялись:

- 1) покушение на жизнь и здоровье императора и членов императорской фамилии;
- 2) подговор к убийству императора и членов императорской фамилии или одобрение их убийства;
- 3) попытка свержения императорской фамилии или лишения свободы кого-либо из ее членов;
- 4) устное согласие на свержение императорской фамилии;
- 5) призыв к убийству императора, имевший место в частном разговоре или на совещаниях тайных обществ;
- 6) устное согласие на свержение императорской фамилии, даже при отказе от него в дальнейшем;
- 7) недонесение достоверных сведений о существующем заговоре.

Преступлениями «по второму пункту» считались:

- 1) личное участие в мятеже со знанием его цели;
- 2) личное участие в мятеже хоть и без знания цели, но с пролитием крови;
- 3) возбуждение нижних чинов к мятежу;
- 4) недонесение правительству о готовившемся мятеже;
- 5) согласие на мятеж без знания его цели.

Преступлениями, связанными с деятельностью тайных обществ, являлись:

- 1) создание тайных обществ; составление Конституций, прокламаций, форм присяги и уставов;
- 2) участие в деятельности тайных обществ; исполнение тайных поручений и распространение возмутительных сочинений;
- 3) участие в тайных обществах без знания их настоящей цели;
- 4) недонесение правительству о наличии тайного общества.

²¹⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1830, Т. I. № 464.

Основанием для выделения нового вида государственных преступлений был именной указ от 21 апреля 1826 года²²⁰. Согласно данному указу все служащие, отставные чиновники и дворяне, состоявшие в тайных обществах, должны были сообщить: под каким названием тайное общество существовало, какую оно имело цель и какие средства предполагало употребить для достижения этой цели. Лица, скрывшие данные сведения, объявлялись государственными преступниками.

Таким образом, государственными (политическими) преступлениями были признаны любые действия, затрагивавшие интересы Верховной власти.

В начале 1830-х годов на территории Оренбургской губернии проживали 30 политических ссыльных. Например, в декабре 1827 года из Москвы в г. Оренбург на службу был переведен канцелярист Алексей Салтанов, обвиненный в ведении непристойных разговоров. В ходе диалогов с братьями Критскими он соглашался, что: «в России войско содержится строго, неприятельский урон описывается, а о наших потерях умалчивается»²²¹.

19 января 1831 года из г. Курска в г. Оренбург был переведен на жительство под секретный полицейский надзор граф Карл Хоткевич. Он был представлен местному обществу любителем естественных познаний, прибывшим в Оренбург для проведения исследований и наблюдений природы в местах, «мало знакомых ученому»²²².

Граф Хоткевич, который считался подозрительным в политическом отношении, занялся в г. Оренбурге изучением арабского языка. Пересылка его писем на родину могла осуществляться только при наличии казенных печатей, и после прочтения начальством. В случае двусмысленности письма пересылались в Министерство внутренних дел.

В дальнейшем такой порядок должен был стать правилом, каким необходимо следовать с корреспонденцией ссыльных офицеров и нижних чинов бывшей Польской Армии.

²²⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1830, Т. I. № 277.

²²¹ Лемке М.К. Тайное общество братьев Критских // Былое. СПб. Июнь 1906, № 6. С. 50.

²²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 55а. Л. 3.

Согласно отчету военного губернатора П. П. Сухтелена Хоткевич «вел себя скромно, не заслужил ни малейшего упрека»²²³. В мае 1832 года он получил разрешение возвратиться на родину в Гродненскую губернию.

26 января 1831 года на службу в г. Оренбург из Санкт-Петербурга был выслан титулярный советник Александр Гибаль, давно замеченный «по неосторожным, слишком вольным и дерзким рассуждениям»²²⁴, в которых он предсказывал, что в Варшаве случится мятеж.

Окончательно Оренбургская губерния становится одним из главных мест размещения политических преступников в мае 1831 года, когда после обращения оренбургского военного губернатора П. П. Сухтелена к министру внутренних дел А. А. Закревскому, для сохранения спокойствия в Оренбургском крае²²⁵, высылка «лиц порочного поведения» (каторжников) была прекращена²²⁶.

Вместе с тем согласно «Положению о пленных и добровольно переходящих польских чинах»²²⁷ от 21 мая 1831 года на службу в батальоны и арестантские роты Отдельного Оренбургского корпуса подлежали зачислению нижние чины из регулярных частей Польской Армии. Кроме того, на службу в оренбургские батальоны были определены лица, взятые с оружием в руках из ополчения или Национальной гвардии Царства Польского.

Всего «в 1831–1833 годах по крепостям на Оренбургской пограничной линии были распределены около 1400 польских пленных»²²⁸.

В целом, оренбургская политическая ссылка до 1831 года не играла важной роли в пенитенциарной системе Российской империи. Ее главной особенностью было то, что она являлась наказанием, назначаемым не за совершение каких-либо противоправных поступков, а за «произнесение непочтительных и дерзких слов» в адрес высших государственных сановников. Причинами выбора Оренбургской

²²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 55а. Л. 20.

²²⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 59. Л. 24.

²²⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 249.

²²⁶ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб, 1832, Т. VI. Ч. 1. № 4597.

²²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61.

²²⁸ Кортунов А.И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX века) // Мир науки, культуры, образования. 2014, № 5. С. 240.

губернии в качестве места размещения для политических ссыльных являлись ее отдаленность от столиц, малонаселенность, приграничное положение, наличие отдельного корпуса, способного контролировать большое количество ссыльных, а также климатические условия в губернии.

Единовременная присылка большого числа политических преступников (конфедератов, казаков или военнослужащих) была обусловлена подавлением различных антиправительственных выступлений, трактовавшихся как мятеж. При этом политическим считались преступления, затрагивавшие интересы Верховной власти и общественного устройства.

Основными видами наказаний для политических ссыльных, отправляемых в Оренбургскую губернию, были: зачисление в оренбургские батальоны, поселение в г. Оренбурге под строгим надзором начальства, отправка на гражданскую службу в г. Оренбург «куда пригодится» и поселение на казенных землях в губернии.

Первые польские политические преступники были сосланы в Оренбургскую губернию в 70-х годах XVIII века, а первые жители Северо-Западных губерний – в 1824 году.

§ 2.2. Политические ссыльные в Оренбургском крае в начале 1830-х – 1850-х годах

В конце 1820-х годов ссыльная система Российской империи претерпевает значительные изменения. Усиление контроля над политическими настроениями в обществе приводит к увеличению числа лиц, признаваемых неблагонадежными в политическом отношении. Появляются новые виды наказаний для политических преступников, главным из которых становится принудительное зачисление на военную службу без выслуги лет в батальоны Оренбургского, Сибирского и Кавказского Отдельных корпусов.

Принудительное зачисление преступников на военную службу было вновь разрешено после пятилетнего запрета 10 февраля 1828 года²²⁹. Принудительному зачислению на военную службу рядовыми подлежали бродяги, лица, лишенных дворянского достоинства и приговоренных к поселению в Сибири и иностранные подданные, которые по судебным приговорам должны были отбывать наказание в пределах России. Предельный возраст для лиц, подлежавших данному наказанию, был установлен в 20 лет. Преступники возрастом от 20 до 35 лет подлежали зачислению в исправительные арестантские роты, после их создания. Исключение составляли негодные к физической работе лица, а также преступники, наказанные рукой палача по приговорам судебных мест²³⁰.

С 22 сентября 1831 года, в целях восстановления численности армейских корпусов, пострадавших от эпидемии холеры, разрешалось зачислять на военную службу всех лиц, не наказанных рукой палача, не старше 30 лет²³¹.

Арестантские роты инженерного ведомства были учреждены в г. Оренбурге и г. Орске на основании сенатского указа от 21 февраля 1834 года. Первоначально они формировались за счет: а) разного рода преступников, назначенных в крепостную работу на основании высочайшей конфирмации; б) нижних чинов, определенных в крепостную работу по приговорам военных судов на срок для исправления их поведения; в) бродяг и преступников, доставленных по приговорам губернских присутственных мест²³².

В дальнейшем в арестантские роты инженерного ведомства стали зачислять политических преступников, негодных к военной службе.

Арестантские роты находились под управлением плац-майоров. Все лица, поступавшие в арестантские роты, разделялись на три разряда. Первый разряд «военно-срочных» составляли военные и гражданские преступники, зачисленные в арестантские роты на определенный срок. Второй разряд составляли «бродяги». Третий разряд «всегдашних» состоял из лиц, осужденных на работы бессрочно.

²²⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1830, Т. III. № 1796.

²³⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1830, Т. IV. № 3236.

²³¹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1832, Т. VI. Ч. 2. № 4820.

²³² Никитин В.Н. Быт военных арестантов в крепостях. СПб., 1873, С. 11.

Разряды делились по профессиональному признаку на отделения (каменщиков, плотников и другие). Труд арестантов мог использоваться только при проведении казенных работ, за которые им полагалось по четыре копейки в день. В свободные от казенных работ дни (13 праздничных дней и по воскресеньям) арестантов обучали стойке и маршировке.

Начальники рот должны были следить, чтобы арестанты содержались в «строжайшей воинской дисциплине, наилучшей чистоте и опрятности». Лицам, состоявшим в арестантских ротах, запрещалось курить табак, иметь курительные трубки, огниво, чернила, бумагу, перья, инструменты и деньги. В случае побега арестанта из какого-либо отделения все лица, находившиеся в том же отделении, заковывались в кандалы²³³.

Согласно статье 51 «Уложения о Наказаниях» лица, отбывшие наказание в арестантских ротах, отдавались под надзор полиции на четыре года. В течение этого времени они не могли без разрешения полиции изменять места жительства и проживать в столицах и губернских городах. По истечении четырех лет бывшие арестанты могли приписываться к городским и сельским обществам, «исключая лишь ту губернию, в которой они состояли до предания их суду и смежные с ней губернии»²³⁴.

С 16 августа 1860 года лицам, отбывшим наказание в арестантских ротах, выдавалось по 40 рублей для обзаведения хозяйством. Тем самым их приравнивали к крестьянам, высланным на поселение за различные преступления по приговорам судебных мест или высших государственных учреждений²³⁵.

В г. Оренбурге арестантская рота инженерного ведомства просуществовала до 16 мая 1867 года, когда она была переформирована в Оренбургскую военно-исправительную роту, в которую могли быть зачислены только нижние воинские чины из непривилегированных сословий.

Лица, обвинявшиеся в принадлежности к тайным обществам, наказывались заточением в крепость. Изначально заточение являлось особым видом наказания

²³³ Никитин В.Н. Быт военных арестантов в крепостях. СПб., 1873. С. 6 – 7.

²³⁴ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1861, Т. XXXIV. Ч. 2. № 35071.

²³⁵ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1862, Т. XXXV. Ч. 2. № 36091.

для военнослужащих, заменявшим собой смертную казнь. При этом до 1845 года отсутствовало его юридическое определение, а лишь указывалось, что заточение отбывается в крепости и продолжается от одного до трех лет или другой срок, определенный судом²³⁶.

«Уложение о наказаниях» определило заточение в крепость как общий вид наказания для государственных преступников, срок которого зависел от тяжести совершенных преступлений. Временное заточение в крепость с лишением всех прав состояния делилось на две степени: от четырех до шести лет и от двух до четырех лет заточения (статья 37). Временное заточение в крепость без лишения прав состояния имело три степени тяжести:

- 1) от шести недель до шести месяцев заточения;
- 2) от шести месяцев до одного года заточения;
- 3) от одного до двух лет заточения (статья 38).

После освобождения из заточения преступники либо поступали на военную службу, либо отдавались под надзор полиции.

Ключевым событием, определившим облик оренбургской политической ссылки в 1830-х – 1850-х годах, стало восстание в Царстве Польском, участники которого составили основную категорию ссыльных.

Первыми польскими уроженцами, арестованными с 10 декабря 1830 года по 3 января 1831 года²³⁷ по подозрению в симпатиях к мятежникам, являлись 111 офицеров Польской Армии, находившихся в Европейских губерниях России. Из них четыре человека были высланы на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию.

Все взятые в плен военнослужащие Польской Армии в соответствии с «Положением о пленных и добровольно переходящих польских чинах» от 21 мая 1831 года²³⁸ были разделены на четыре разряда. К первому разряду относились генералы, командиры полковых и артиллерийских рот, штаб- и обер-офицеры,

²³⁶ Столетие военного министерства 1802 – 1902. Военно-тюремные учреждения. СПб., 1911, Т. XII. Ч. III. С. 298.

²³⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 448. Ч. 247.

²³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 24 – 42.

взятые в плен в сражении, и лица, принимавшие участие в Варшавском мятеже. Данный разряд преступников приговаривался к смертной казни, заменявшейся высылкой на каторжные работы в Сибирь. Ко второму разряду были отнесены пленные генералы, штаб- и обер-офицеры польских гвардейских полков: Конно-Егерского, Гренадерского, 4-го пехотного полка, Саперного батальона и польской гвардейской артиллерии. Данный разряд преступников приговаривался к высылке на жительство в Тобольскую губернию. Третий разряд составляли: а) остальные генералы, штаб и обер-офицеры; б) польские генералы и офицеры, находившиеся в отпусках, не пожелавшие вступить в российскую службу; в) лица, считавшиеся начальством подозрительными; г) участники восстания, добровольно сдавшиеся в плен русской армии. Данный разряд преступников высылался под бдительный присмотр начальства в гг. Воронеж, Астрахань и Пензу. Четвертый разряд составляли военнопленные из остальных нижних чинов, члены Национальной гвардии Царства Польского и ополчения, и лица, захваченные в плен с оружием в руках. При этом нижние чины польских гвардейских полков определялись на службу в Отдельный Сибирский корпус. Нижние чины прочих регулярных частей Польской Армии зачислялись в Кавказский и Оренбургский Отдельные корпуса. Нижние чины Саперного батальона, 4-го пехотного полка и лица, вступившие в ополчение, зачислялись в арестантские роты.

Срок службы пленным нижним чинам был установлен в 25 лет (пункт 8). Дворяне и шляхтичи, участвовавшие в восстании, подлежали военному суду с исполнением приговора на месте, после его утверждения начальником отряда. Их имения передавались под временное управление казенным палатам, которые проводили опись имущества и назначали управляющих. Все доходы, получаемые с имений участников восстания, обращались в пользу Инвалидного капитала²³⁹. Секвестрация имений продолжалась до завершения процесса их конфискации в казенную собственность.

До границы Царства Польского пленные препровождались партиями до ста человек под присмотром вооруженных команд, сменявшихся на каждом этапе. По

²³⁹ Никонов С.П. Секвестрация в гражданском праве. Ярославль, 1900, С. 197.

внутренним губерниям империи пленные двигались на общем положении под конвоем из армейских войск, размещенных поблизости (пункт 10). К каждой партии пленных поляков для перевозки больных разрешалось назначать не более двух подвод на двадцать пять человек (пункт 12).

На содержание пленных польских генералов выделялось по четыре рубля в сутки, штаб-офицеров – по два рубля в сутки, обер-офицеров – один рубль в сутки. Нижним чинам до поступления в назначенные им батальоны питание предоставлялось за счет казны (пункт 16). На время пути в ссылку польским пленным выдавались шинель и брюки из крестьянского сукна, рубаха и сапоги (пункт 22). У офицеров, отказавшихся принести присягу на верность русскому императору, отбиралось личное оружие (пункт 32).

Медицинская помощь оказывалась заболевшим польским военнопленным на общих основаниях (пункт 23).

Гражданским губернаторам предписывалось разместить пленных поляков в казенных зданиях, следить, чтобы им регулярно выплачивалось положенное по службе жалование (пункт 25).

Личные вещи, изъятые у польских пленных при их отправлении этапным порядком, являлись неприкосновенными и должны были возвращаться им после прибытия в назначенные правительством места службы (пункт 34).

Польским генералам и офицерам, согласившимся поступить на службу в русскую армию, выплачивался полный размер жалования (пункт 29).

Все военнопленные, вне зависимости от разряда, подлежали суду на общих основаниях с остальными подданными (пункт 35).

Следовательно, издав «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах», Военное министерство пыталось защитить польских пленных от предубеждения со стороны сослуживцев и начальства.

4 ноября 1831 года польским генералам, сосланным во внутренние губернии империи под надзор полиции, было назначено дополнительное содержание. Для полных генералов оно равнялось восемь рублей в сутки, для дивизионных генералов – шесть рублей в сутки, для бригадных генералов – четыре рубля в

сутки. Квартиры для их проживания предписывалось нанимать за счет казны. Кроме того, с разрешения начальника губернии пленные генералы могли выезжать на определенный срок не далее чем на 30 верст за город²⁴⁰.

В целях «прочного устройства» в Оренбургской губернии 28 мая 1834 года польским пленным было дозволено вступать в браки с русскими подданными «с тем, чтобы дети от этих браков были крещены в православную грекороссийскую веру»²⁴¹.

Расследованием обстоятельств восстания занималось Временное правление Царства Польского под руководством Ф. И. Энгеля, по распоряжению которого военные начальники воеводств должны были собирать сведения обо всех связях, поступках и образе мыслей помещиков вплоть до помещения подозреваемых лиц под секретный надзор полиции. «Иметь бдительный надзор за неблагомыслящими людьми, стараясь всемерно со всякой осторожностью, дабы оглаской заранее не давать им времени скрывать следов их злых намерений, открывать существование тайных сборищ, на коих они вероятно совещаются о крамольных предначинаниях»²⁴².

Бургомистрам было приказано составить списки местных жителей, под каким-либо предлогом выехавших из городов с началом восстания.

25 сентября 1831 года военным начальникам воеводств было разрешено высылать празднующихся и подозрительных лиц. Таким образом, основной целью Временного правления было не допустить распространения на территории Царства Польского «вредных» политических идей.

Лица, арестованные за участие в восстании, были разделены в соответствии с тяжестью совершенных преступлений на пять степеней. Преступниками первой степени были руководители восстания и лица, взятые в плен с оружием в руках. Преступниками второй степени – все лица, содействовавшие распространению мятежа или привлекавшие других к поступлению в мятежники. Преступниками

²⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 69.

²⁴¹ ГАОО. Ф. 172. Оп. 3. Д. 1489. Л. 1.

²⁴² Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1893, Выпуск 6. С. 511.

третьей степени – лица, укрывавшие главных заговорщиков или дававшие им убежище. Преступниками четвертой степени – лица, знавшие о готовившемся восстании, но не донесшие об этом правительству. Преступниками пятой степени объявлялись все лица, давшие злоумышленникам пристанище, но не знавшие об их замыслах²⁴³.

Преступники первой – четвертой степени подлежали военному суду, а лица, причисленные к пятой степени, подлежали ответственности на основании общих полицейских постановлений. Преступники первой степени подлежали смертной казни. Преступники второй степени приговаривались к каторжным работам. Преступники третьей степени приговаривались к высылке в Сибирь на поселение, а молодые люди от 13 до 17 лет направлялись на службу в Отдельные корпуса. Преступники четвертой степени высылались на жительство под надзор полиции в Сибирь и отдаленные губернии империи, а принадлежавшие им имущества должны были быть проданы в течение года.

Таким образом, в Оренбургскую губернию могли быть присланы только лица, относившиеся к третьей – пятой степеням участников Польского восстания 1830–1831 годов.

О каждом случае лишения дворянина прав состояния докладывалось лично императору, которому принадлежало право окончательной конфирмации. Данное правило являлось причиной того, что выносившиеся военными судами приговоры отличались жестокостью, в расчете на их постепенное смягчение в вышестоящих инстанциях.

Например, бывший унтер-офицер лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Каминский был приговорен военно-полевым судом к смертной казни через повешение, с содержанием, до исполнения приговора закованным в ножные кандалы. При дальнейшем рассмотрении дела полковой командир вынес решение «прогнать Каминского два раза через тысячу человек и сослать его в Сибирь, оставив как георгиевского кавалера, нескованным». Начальник дивизии приказал «прогнать Каминского три раза через строй в пятьсот человек». Генерал-

²⁴³ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1834, Т. VIII. Ч. 1. № 6344.

аудиториат постановил выслать Каминского в Сибирь без наказания. А согласно высочайшей конфирмации от 25 октября 1834 года Каминский «за нарушение верноподданнической присяги службой в рядах польских мятежников»²⁴⁴ был зачислен рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

Тем самым правительство демонстрировало общественности желание точно определить степень виновности каждого из участников восстания. «Страх имени Паскевича, Варшавской цитадели, Сибири и солдатской карьеры на Кавказе, или в Оренбургских батальонах, был тогда таков, что охлаждал горячность самых отчаянных»²⁴⁵.

Лица, высылаемые из Царства Польского за участие в восстании, следовали в губернии, определенные правительством для их пребывания, этапным порядком вместе с уголовными преступниками. Прикованные к железному пруту по двое они ежедневно проходили по 20–40 верст. Через каждые два дня пути была дневка – день отдыха на этапе. Общее время нахождения в пути для ссыльных поляков достигало шести месяцев.

Этапы представляли собой пункты временного размещения ссыльных. Они были обнесены высоким забором и состояли из двух отдельных корпусов: один корпус для офицеров и стражи, другой – для колодников и арестантов. Корпус стражи выходил фасадом на улицу и был разделен на две половины. В левой половине находились комнаты офицеров, прихожая и кухня. В правой половине здания располагались казармы: одна (ближняя к выходу) для инвалидов солдат, вторая для казаков, составлявших конвой. Корпус ссыльных имел выход во двор и разделялся на четыре помещения. Два были предназначены для лиц, следующих на поселение. Третье, разделенное перегородкой, – для женщин, пересылаемых на каторжную работу и на поселение. Четвертое помещение также делилось на две части. В нем помещались мужчины, осужденные на каторжную работу и на поселение. Справа от зданий этапа находилась баня, слева – конюшня и кладовые.

²⁴⁴ Соколовский М. Император Николай I в военно-судных конфирмациях (Историко-юридический этюд) // Русская старина. 1905, Т. СХХIV. С. 416.

²⁴⁵ Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях после 1831 года // Русский архив. 1870, № 2. С. 438.

Входные ворота размещались по обеим сторонам от корпуса офицеров и вели на главный двор и в конюшню. Все здания этапа располагались на каменном фундаменте, были обиты тесом и выкрашены желтой краской²⁴⁶.

Полуэтапы располагались на равном расстоянии между двумя этапами и представляли собой четырехугольник, огражденный сплошным забором с одними воротами. Справа от ворот была караульная, слева – конюшня. В центре этого четырехугольника располагалось одно большое помещение с единым длинным коридором и четырьмя комнатами. Три были предназначены для лиц, следующих на поселение. Четвертая комната находилась в узком проходе, запиравшимся на ключ. Она предназначалась для каторжников. Женщины ночевали в караульной. Такие условия пересылки, сопровождавшиеся постоянной грязью и паразитами, распространявшими заболевания, теснотой и спертым воздухом, воспринимались поляками как «страшная моральная и физическая пытка»²⁴⁷.

Уроженец Минской губернии Б. Залеский в своих воспоминания «Польские ссыльные в Оренбурге» указывал, что поляков, прибывавших в Оренбургскую губернию, «охватывала глубокая печаль. Они чувствовали, что вступают в другой мир – как будто над ними водрузилась крышка гроба и отгородила их от всего знакомого и домашнего. ... От Аральского моря с одной стороны, до Каспийского моря с другой – глухая и пустая степь, одно дерево на тысячу миль в поперечнике»²⁴⁸.

Существуют различные оценки общего числа лиц, зачисленных на службу в оренбургские батальоны за причастность к восстанию 1830 – 1831 годов.

И. М. Гвоздикова²⁴⁹ и А. И. Картунов²⁵⁰, опираясь на постановления Военного министерства, указывают, что во второй половине 1831 года для

²⁴⁶ Колесников В.П. Записки несчастного содержащие путешествие в Сибирь по канату. СПб., 1914, С. 92 – 94.

²⁴⁷ В. Zaleski. Wygnancy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Paris, 1866, S. 90.

²⁴⁸ В. Zaleski. Wygnancy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Paris, 1866, S. 79.

²⁴⁹ Гвоздикова И.М. Оренбургская политическая ссылка на дворянском этапе освободительного движения в России // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX вв. Уфа, 1992, С. 34.

усиления батальонов 26-й пехотной дивизии в Отдельный Оренбургский корпус было направлено 1 400 нижних чинов из числа польских военнопленных.

Г. С. Сапаргалиев и В. А. Дьяков, используя материалы из личного архива оренбургского генерал-губернатора В. А. Обручева указывают, что в 1850 году в Отдельном Оренбургском корпусе «числилось 1 667 штрафованных нижних чинов, преимущественно из поляков»²⁵¹.

Согласно наблюдениям польского ссыльного Б. Залеского «после 1840 года число поляков в оренбургских батальонах достигло двух тысяч человек»²⁵².

При этом имеющиеся архивные материалы позволяют идентифицировать имена 163 участников Польского восстания 1830–1831 годов, зачисленных на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса в 1830-х – 1840-х годах. Установить точное число участников восстания, зачисленных на военную службу, не представляется возможным, так как:

1) Не все лица, отправленные на службу в Отдельный Оренбургский корпус, прибыли к месту назначения. Например, определенный в оренбургские батальоны подпоручик Завидинский был оставлен до выздоровления в г. Курске, а затем отправлен в г. Вятку²⁵³.

2) Некоторые из участников восстания получили прощение еще до прибытия в г. Оренбург. Согласно именному указу от 15 июня 1832 года от преследования за службу в Польской Армии были освобождены «уроженцы губерний от Польши возвращенных»²⁵⁴, перешедших к России в результате ее разделов. Данным лицам были возвращены прежние права состояния и секвестрированные у них имения, в которые они могли возвратиться.

3) Невнимательность местных чиновников, записывавших польские имена и фамилии, приводила к увеличению общего числа ссыльных. Например, капитан

²⁵⁰ КОРТУНОВ А.И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX века) // Мир науки, культуры, образования. 2014, № 5. С. 240.

²⁵¹ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971, С. 6.

²⁵² B. Zaleski. Wagnancy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Paris, 1866, S. 82.

²⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 7.

²⁵⁴ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1833, Т. VII. № 5437.

Скуженецкий при пересылке через г. Бугульму в г. Уфу был записан бугульминским городничим Латвиным как капитан Секержинский²⁵⁵.

Следовательно, все существующие подсчеты общего количества участников Польского восстания 1830–1831 годов, зачисленных в оренбургские батальоны, носят приблизительный характер. Некоторое представление о масштабах ссылки дает факт зачисления летом 1833 года в расположенные в г. Оренбурге батальоны (№ 2, № 3) восьмидесяти нижних чинов бывшей Польской Армии²⁵⁶.

Со второй половины 1830-х годов на территорию Оренбургской губернии начинают присылать польских мятежников, возвратившихся из заграницы, и лиц, получивших разрешение перейти на службу во внутренние губернии империи из Отдельного Сибирского корпуса. Например, 30 июня 1836 года в Оренбургский Линейный батальон №1 был зачислен Фаддей Жабицкий за «поступление в ряды польских мятежников, с коими вышел за границу и отправился в числе прочих во Францию; за вступление в общество масонов и за участие в известной Савойской экспедиции в Швейцарии»²⁵⁷.

Последним из участников Польского восстания 1830–1831 годов на службу в Отдельный Оренбургский корпус был зачислен в 1846 году шляхтич Радомской губернии Северин Буховский²⁵⁸.

Политические преступники, принудительно зачисляемые в военную службу без выслуги лет во исполнение высочайших конфирмаций, предписаний министра внутренних дел, генерал-губернаторов и наместника Царства Польского, согласно терминологии В. А. Дьякова являлись «конфирмированными дворянами»²⁵⁹.

Ссылные, лишенные выслуги лет, могли получить офицерский чин только за боевые отличия. Это объяснялось тем, что получение офицерского чина для лиц, принудительно зачисленных на военную службу, приравнивалось к амнистии, так как офицер мог выйти в отставку и выехать на родину. Поэтому

²⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 5.

²⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 94. Л. 87.

²⁵⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 220. Л. 5 а.

²⁵⁸ Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 – 1865 годов (Библиографический словарь). М., 1967, С. 34.

²⁵⁹ Дьяков В.А. Тарас Шевченко и его польские друзья. – М., 1964, С. 38.

ссылные участвовали во всех военных операциях в Степи, «надеясь трудами и лишениями заслужить улучшения своей участи»²⁶⁰.

В 1834 году в возведении Новоалександровского укрепления участвовали 44 рядовых Оренбургского Линейного батальона № 1 из числа польских ссылных под руководством ссылного поручика Фридерика Волмера²⁶¹.

По окончании работ 17 поляков, проявивших «отличное усердие и ревность к службе»²⁶², были уволены из батальона и получили разрешение возвратиться на родину.

В 1840 году за «понесенные труды в зимнем Хивинском походе» к наградам были представлены 15 нижних чинов из числа польских уроженцев, зачисленных в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса за участие в восстании 1830–1831 годов:

а) унтер-офицеры Кригштейн, Опольский, Адам Бельчинский, Непомуцен Сульмирский, Адам Обинский, Юзеф Точилковский, Владислав Борковский, Петр Мальковский, Вицентий Важинский, Марцелий Топчевский, Адольф Кучинский, Илья Романовский.

б) рядовые Антоний Осмольский, Фадей Жабицкий.

в) скончавшиеся: унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 1 Иван Злотковский и рядовой Оренбургского Линейного батальона №5 Каземир Гебгард²⁶³.

Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 1 Адам Бельчинский был произведен в прапорщики с оставлением на службе «за неустрашимость и примерное хладнокровие», проявленное им в сражении 19 и 20 декабря 1839 года при урочище Чучкакуль²⁶⁴.

Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 2 Важинский был произведен в прапорщики за особое усердие, с которым он исполнял обязанности

²⁶⁰ Юдин М.Л. К биографии А.Н. Плещеева // Исторический вестник. 1905, Т. СII. С. 155.

²⁶¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4110а. Л. 488 – 497.

²⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4110б. Л. 960.

²⁶³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5141.

²⁶⁴ Там же. Л. 70 – 71об.

заболевшего дивизионного писаря и старшего адъютанта при генерал-лейтенанте А. Е. Толмачеве²⁶⁵.

18 апреля 1841 года согласно постановлению Инспекторского департамента Военного министерства № 2716, «за особенные труды во время экспедиции в Киргизской степи» унтер-офицер Фадей Жабицкий был произведен в корнеты; унтер-офицеры Адольф Кучинский, Петр Мальковский, Непомуцен Сульмирский, Илья Романовский и Марцелий Топчевский были произведены в прапорщики с оставлением на службе. Рядовые Антоний Осмольский и Павел Богданович были произведены в унтер-офицеры, а дворянину Кригштейну было дозволено выйти в отставку в чине коллежского регистратора²⁶⁶.

Польские ссыльные, не желавшие принимать участия в военных операциях русской армии или дожидаться получения помилования, пытались бежать в Хиву. В 1833 и 1834 годах попытки к бегству предпринимали рядовые Оренбургского Линейного батальона № 7 Ян Казмерчик и Валентий Войтович²⁶⁷, рядовые Оренбургского Линейного батальона № 4 Станислав и Ян Марковские и Бернанд Дердтко. Однако все они были задержаны.

Киргизы в обмен на казенную одежду (рубахи, шинели и сапоги) укрывали бежавших из оренбургских батальонов ссыльных поляков и обещали доставить их в Хиву. Поляков тайно перевозили между кочевьями разных киргизских родов, но под угрозой ареста выдавали их правительственным эмиссарам.

Отсутствие успешных попыток бегства лиц, принудительно зачисленных в оренбургские батальоны в 1830-х годах, обуславливалось:

- а) постоянным надзором со стороны начальства, узнававшего об их побеге не позднее чем через двенадцать часов;
- б) неразвитостью дорожной сети Оренбургской губернии;
- в) желанием султанов-правителей «выслужится перед русским государем»²⁶⁸, задержав беглецов;

²⁶⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5141. Л. 73.

²⁶⁶ Там же. Л. 204.

²⁶⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4048. Л. 1.

²⁶⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4177. Л. 4об.

г) большим расстоянием, которое необходимо было преодолеть польским ссыльным до границы с Хивой;

д) нерасположением русской части населения губернии.

Таким образом, время нахождения участников Польского восстания 1830–1831 годов в оренбургских батальонах зависело от их желания сотрудничать с местной администрацией.

Дополнительными видами наказаний для участников Польского восстания 1830–1831 годов являлись зачисление в арестантские роты и высылка под гласный надзор полиции. Например, 2 марта 1835 года в Оренбургскую арестантскую роту были зачислены «за участие в убийствах, совершенных в первый день мятежа»²⁶⁹, Йосафат (Юзефит) Вояковский на пять лет, Николай Кашевский и Иван Вольский – на три года, считая срок с 5 декабря 1833 года. По окончании установленного судом срока наказания государственные преступники Вольский и Кашевский были определены к проживанию под надзором полиции в Оренбургской губернии, а Вояковский был приговорен к принудительному зачислению на службу в батальоны Отдельного Оренбургского Корпуса рядовым без выслуги лет.

Под гласный надзор полиции в г. Оренбург был доставлен «граф Красновский»²⁷⁰, в г. Уфу – подпоручики Борис и Владимир Четвертинские и капитан Скуженецкий²⁷¹.

В г. Верхнеуральск на службу уездным врачом был определен бывший лекарь Польской Армии Езехиль Рус-Баши²⁷².

Согласно распоряжению графа И. И. Дибича-Забалканского на содержание каждого участника мятежа, высланного во внутренние губернии, выделялось по одному рублю в сутки. Полицейстерам было предписано разместить их «на

²⁶⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 117. Л. 1.

²⁷⁰ Воронина Е.З. Письма из Оренбурга 1833 года // Русский архив. 1902, № 8. С. 649.

²⁷¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 5.

²⁷² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18, Д. 98. Л. 8.

приличных квартирах» под строгим надзором, следить за соблюдением поляками запрета вести переписку²⁷³.

Лица, отправленные в Оренбургскую губернию на жительство под надзор начальства и полиции, могли подавать жалобы в Министерство внутренних дел на правомерность ссылки. Например, 4 февраля 1832 года в г. Оренбург прибыл помещик Подольской губернии Станислав Стемповский, сосланный за «знание о зловердных замыслах и предприятиях мятежников»²⁷⁴, и недонесение об этом.

30 марта 1832 года он обратился к оренбургскому военному губернатору П. П. Сухтелену с прошением, в котором указывал, что обвинения были ложными, а причиной его высылки стала «злоба и интерес председателя Военной комиссии Якутского полка Швейковского»²⁷⁵.

Получив ходатайство Стемповского, министр внутренних дел Д. Н. Блудов запросил у Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора В. В. Левашова подробности его дела, и заслуживает ли он снисхождения. Повторное рассмотрение дела Стемповского показало, что он был подвергнут наказанию, не соответствующему тяжести преступления. После чего 24 декабря 1832 года оренбургскому военному губернатору П. П. Сухтелену было сообщено о Всемилостивейшем прощении С. Стемповского, возвращении ему секвестрированного имения и разрешении выехать на родину.

Вторую крупную категорию политических ссыльных в 1830-е – 1850-е годы составили лица, принудительно зачисленные на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса за принадлежность к различным тайным обществам.

Изучение автором архивных материалов, справочной и публицистической литературы позволило установить 76 подобных случаев:

За участие в заговоре, организованном ремесленниками и другими лицами в г. Вильно в 1849 году с целью поднять восстание против правительства, на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса были определены 42 человека.

²⁷³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61. Л. 15.

²⁷⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 69. Л. 1.

²⁷⁵ Там же. Л. 23.

За принадлежность к тайному обществу, раскрытому в Царстве Польском в 1848 году, имевшему цель восстановить независимость Польши путем восстания и установить в ней демократическое правление, в оренбургские батальоны были зачислены семь человек.

За участие в собраниях, происходивших у М. В. Буташевича-Петрашевского, на службу в Отдельный Оренбургский корпус были определены приговоренные к смертной казни А. В. Ханыков, А. Н. Плещеев, Н. А. Момбелли, М. И. Беликович, В. А. Головинский и П. Г. Шапошников.

Слушатель Санкт-Петербургского университета Александр Ханыков был наказан за участие в преступных замыслах и произнесение возмутительной речи, в которой «порицал Бога и существующее в России государственное устройство». Дворянин Алексей Плещеев – за непозволительные рассуждения о правительстве и доставление инженер-поручику Достоевскому письма, «наполненного дерзкими выражениями против Верховной власти и Православной Церкви»²⁷⁶. Титулярный советник Василий Головинский – за произнесение возмутительных речей, направленных против правительства. Мещанин Петр Шапошников – за «преступные разговоры против Религии и Правительства».

За принадлежность к тайному обществу, раскрытому в Минской гимназии в 1855 году, на службу в оренбургские батальоны были зачислены пять человек.

За принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому обществу в оренбургские батальоны были зачислены Еремей Вроблевский и Тарас Григорьевич Шевченко, обвинявшийся в том, что «в стихах на малороссийском языке, то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества. То с невероятной дерзостью изливал клеветы и желчь на особ Императорского дома»²⁷⁷.

За принадлежность к тайной организации Петра Сцегенного на службу в Отдельный Оренбургский корпус были определены два человека.

²⁷⁶ Русский инвалид. 22 декабря 1849, № 276. С. 105 – 109.

²⁷⁷ Об Украино-Славянском обществе. Доклад графа А.Ф. Орлова 28 мая 1847 года // Русский архив. 1892, № 7. С. 341 – 342.

За причастность к тайной организации «Содружества польского народа», раскрытой в 1838 году, в оренбургские батальоны были зачислены два человека.

За принадлежность к тайному обществу, существовавшему среди студентов Виленской Медико-хирургической академии, в Отдельный Оренбургский корпус были определены два человека.

За недонесение об истинной цели общества Н. П. Сунгурова ввести в России Конституцию, на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса в 1833 году были зачислены «пруссский подданный, дворянин Адольф Кноблех»²⁷⁸ и «студент Московского университета Юлий Кольрейф»²⁷⁹.

За принадлежность к тайной организации «Союз литовской молодежи», планировавшей поднять восстание в апреле 1849 года, в Оренбургский Линейный батальон № 2 был зачислен Казимеж Василевский.

За причастность к тайному обществу, существовавшему в Щербжешинской гимназии, на службу в Отдельный Оренбургский корпус был определен Юлиан-Константин-Прот Ковальский.

В октябре 1839 года из 10-го флотского экипажа в Оренбургский Линейный батальон № 3 был переведен член тайного общества братьев Критских Николай Лушников, обвинявшийся в том, что «произнося дерзкие и оскорбительные слова, дерзнул выколоть глаза на портрете Государя Императора»²⁸⁰.

Третью крупную категорию политических ссыльных в 1830-е – 1850-е годы составили лица, принудительно зачисленные на военную службу по подозрению в политической неблагонадежности.

Всего автору удалось выявить 108 подобных случаев (таблица 1).

²⁷⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5141. Л. 83об.

²⁷⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 136. Л. 5.

²⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 202. Л. 7.

Таблица 1 – Политические ссыльные в Отдельном Оренбургском корпусе
в 1840-х – 1850-х годах.

Причина зачисления на военную службу	Число ссылных
Участие в восстаниях поляков на территории Австрии и Пруссии в 1848 году	50
Политические преступления	21
Хранение запрещенных книг, стихов и сочинений	12
Возмутительные разговоры, оскорбление Верховной власти и порицание распоряжений правительства	6
Подозрение в политической неблагонадежности	4
Размещение у себя в доме заграничных эмиссаров	3
Участие в подготовке побега Шимона Конарского	3
Противозаконные поступки	2
Хранение оружия и подготовку восстанию в Царстве Польском	2
Участие в политических беспорядках и укрывательство государственных преступников	2
Участие в подготовке восстания в Западных губерниях	1

Например, 26 января 1833 года на службу в г. Верхнеуральск под надзор начальства был переведен из Гвардейского экипажа прапорщик князь Василий Гагарин, чтобы он смог осознать тяжесть совершенного им поступка, который «заслужить может только безусловным повиновением и покорностью»²⁸¹.

Причиной наказания князя Гагарина была его попытка ввести в пределы России французские газеты «Le Courrier français» (12 выпусков) и «Le Globe» (56 выпусков), содержавшие «явно вольнодумные мысли» о Конституции, «мнимых правах человечества» и вольности. Кроме того в них «порицалась как Россия, так и ее Государь, и коренным образом не признавалось христианство»²⁸².

²⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 89. Л. 3.

²⁸² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 257.

В январе 1854 года в Оренбургский Линейный батальон №5 был зачислен с лишением всех прав состояния дворянин Минской губернии Адам Минкевич за знание о подготовке в г. Минске мятеже, за участие в «сходбищах» мятежников, в ходе которых он дал присягу, что «будет молчать о преступном замысле»²⁸³.

Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский был против зачисления в Оренбургский корпус офицеров из числа политических преступников, ввиду отсутствия достаточных возможностей наблюдения за ними со стороны военного начальства. В рапорте, поданном военному министру графу А. И. Чернышеву 14 ноября 1833 года, он указывал, что «в составе батальонов Оренбургского корпуса, молодой офицер найдет более способов к соблазну, чем к исправлению. Офицер, который не был бы терпим в армейском полку, аттестуется здесь хорошо, потому что он лучше товарищей»²⁸⁴. Исключение составляли 2-й и 3-й батальоны, расквартированные в г. Оренбурге, и находившиеся постоянно на виду у главного начальства.

Единовременное зачисление на службу в оренбургские батальоны большого числа политических преступников привело к созданию в них обществ взаимной моральной и материальной поддержки. Согласно воспоминаниям Б. Залеского: «в каждом батальоне, в каждом укреплении был кто-то, кто руководил другими. Это был как бы глава группы, опекун беднейших и слабейших»²⁸⁵.

Наиболее изученное из таких обществ существовало в Орском укреплении в 1847–1850 годах. Его члены (Т. Г. Шевченко, А. В. Ханьков, П. А. Невельский, С. Буковский и другие) обсуждали проблемы развития русско-польско-литовских отношений, современные исторические и философские сочинения, вышедшие на французском, польском и русском языках, социально-политическое устройство русского общества и проблемы, появившиеся в результате разделов Польши²⁸⁶.

²⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 419. Л. 2.

²⁸⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 89. Л. 5.

²⁸⁵ В. Zaleski. Wygnancy polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Paris, 1866, S. 88.

²⁸⁶ Дьяков В.А. Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847 – 1850 годах // Славянская историография и археография. М., 1969.

Возникновение подобных обществ способствовало распространению слухов о подготовке поляками восстания. Их инициатором стал оренбургский мещанин Стариков, содержащийся в Оренбургском тюремном замке за ложные обвинения оренбургского гражданского губернатора И. Л. Дебу во взяточничестве, который 26 октября 1833 года заявил, что рядовой 5-го линейного батальона Людвиг Мейер рассказал ему о намерении поляков поднять по всей Оренбургской линии мятеж. Согласно составленному ими плану, ночью 27 или 28 октября поляки должны были убить военного губернатора, дивизионного и бригадного генералов, коменданта, плац-майора, полицмейстера и всех чиновников, которые окажут сопротивление. Захватив город, поляки объявят о поддержке прав на престол Константина Павловича, который «уехал во Францию, огорчась тем, что император Николай Павлович взошел на престол не по старшинству»²⁸⁷, а сейчас при помощи французских и прусских войск следует в Россию для восшествия на престол.

Для расследования данного доноса оренбургским военным губернатором В. А. Перовским была сформирована следственная комиссия, проведшая обыски в домах ссыльных поляков, проживавших в городе, и допросившая 40 ссыльных поляков, принудительно зачисленных в оренбургские батальоны. Расследование дела показало, что донос Старикова был ложным. Все арестованные, вследствие отсутствия доказательств, были освобождены из-под стражи (приложение 1).

10 февраля 1834 года астраханский губернатор В. Г. Пяткин уведомил оренбургского военного губернатора В. А. Перовского об обнаружении заговора ссыльных поляков, «имевших целью произвести восстание по всему Поволжью и напасть на самый город вооруженною рукою»²⁸⁸.

В 1838 году министр внутренних дел Д. Н. Блудов передал оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому донос рядового Тамбовского батальона внутренней стражи Константина Вольфздорфа²⁸⁹, рассказавшего о существовании

²⁸⁷ Шукшинцев И.С. Дело о поляках в Оренбурге 1833 года // Русский архив. 1902, № 8. С. 662.

²⁸⁸ Потто В.А. Ссыльные поляки в Оренбурге // Исторический вестник. 1889, Т. XXXVIII. С.603.

²⁸⁹ Там же. С. 605.

в Отдельном Оренбургском корпусе тайного общества, образованного ссыльными поляками. Этот донос также оказался ложным.

Тем самым обозначилась ключевая проблема принудительного зачисления на военную службу – необходимость выдачи оружия преступникам, способным использовать его против правительства. Это обстоятельство требовало от местных властей постоянного надзора за поведением ссыльных.

Политические преступники, негодные к военной службе, высылались под надзор полиции. Их точное количество можно установить благодаря ведомостям «О лицах, состоявших под надзором полиции», отправляемым каждые полгода в Министерство внутренних дел. Согласно данным ведомостям общее количество политических ссыльных, проживавших в Оренбургской губернии под надзором полиции, возросло с конца 1830-х до конца 1850-х годов в четыре с половиной раза – с 8 человек в 1838 году²⁹⁰ до 37 человек в 1858 году²⁹¹.

Высылка на жительство под надзор полиции назначалась лицам, негодным к военной службе, лицам, чьи преступления не могли быть рассмотрены в судебном порядке, а также являлась дополнительным наказанием для лиц, освобожденных из арестантских рот или уволенных из военной службы без права возвратиться на родину.

11 сентября 1831 года в г. Верхнеуральск за произношение дерзких слов против Правительства был выслан под гласный надзор начальства и полиции, канцелярист Иван Stanisлавович Пржевальский.

В 1832–1834 годах в г. Оренбурге под надзором полиции состоял бывший член Коллегии иностранных дел князь Андрей Голицын, обвинявшийся в том, что, путешествуя по стране, распускал слухи, будто он назначен «Государем Императором для тайных разведываний и наблюдений»²⁹².

²⁹⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 564.

²⁹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 303.

²⁹² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 532. Ч. 1. Л. 7.

3 марта 1832 года на жительство в г. Оренбург под строгий надзор полиции был доставлен бывший иеромонах Солотчинского монастыря Евгений (Ефим Никитич Ланков), сложивший с себя монашеский сан, чтобы жениться²⁹³.

4 октября 1833 года в г. Оренбург за «участие в злоумышленных замыслах польских мятежников, возвратившихся из-за границы»²⁹⁴, был доставлен ксендз бывший префект Гродненской Доминиканской гимназии Кандид Зеленко.

4 мая 1836 года на жительство в г. Оренбург за «дерзкие письма» к господину министру финансов был прислан граф Вильям Осипович Бомон.

11 января 1838 года на службу в Оренбургское уездное училище учителем истории и географии под надзор начальства был зачислен студент университета Святого Владимира Степан Рутковский, виновный в чтении запрещенных стихов и «продолжительном несознании»²⁹⁵.

«За отличие, усердие, ревность к службе и успешное преподавание наук» 11 сентября 1843 года С. Рутковский получил благодарность от попечителя Казанского Учебного Округа. Затем поступил на службу в штат командующего Башкиро-мещерякским войском и в штат Оренбургской пограничной комиссии. В декабре 1848 года он был уволен со службы «по болезни» с назначением пенсии, и освобожден от полицейского надзора. При этом Рутковскому было запрещено покидать территорию Оренбургской губернии.

24 февраля 1844 года в г. Уфу была доставлена штаб-капитанша Матрена Киржацкая с мужем, виновная в передаче записок своему сыну, содержащемуся под стражей²⁹⁶.

25 февраля 1845 года в г. Троицк был выслан из предосторожности, подозреваемый в политической неблагонадежности ветеринарный помощник Франц Окуневич²⁹⁷.

²⁹³ Модестов Н.Н. На жительство в Оренбург безвыездно // Труды ОУАК. Оренбург, 1915, Выпуск XXXII. С. 51.

²⁹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 127.

²⁹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 306. Л. 4.

²⁹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 183. Л. 17 об.

²⁹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 306. Л. 6 об.

2 ноября 1846 года в г. Оренбург «за разные дерзости и ябеднические действия»²⁹⁸ был доставлен губернский секретарь Егор Фиррек.

7 февраля 1848 года на жительство в г. Оренбург под надзор начальства и полиции за хранение у себя оскорбительных для верховной власти стихов были высланы канцелярист Вечислав Лукашевич²⁹⁹ и коллежский секретарь Вильгельм Жегота³⁰⁰.

С 24 марта 1848 года по 20 февраля 1851 года в имении тайного советника Жадовского в селе Анастасьине Бирского уезда проживал подпоручик Александр Беляев, причастный к Происшествию 14 декабря 1825 года³⁰¹.

В 1847 году по распоряжению наместника на Кавказе в г. Уфу были доставлены «по подозрению в обращении со злонамеренными людьми»: Ефрем Аматонов-Храбров, Богдан Храбров, Агаман Агасулов, Козар Тевелиев, Хето Гаргиев-Цевкеев, Герос Еремиев, Ала Селаваев, Артем Альхасов³⁰².

7 февраля 1848 года на жительство в г. Оренбург были высланы за хранение «оскорбительных стихов» канцелярист Вечислав Лукашевич и коллежский секретарь Вильгельм Жегота. За сочинение пасквилей на разных лиц и судные места – титулярный советник Михайло Бедрин.

10 сентября 1849 года, на основании предписания начальника 7-го округа Корпуса жандармов № 113 в г. Уфу за хранение оружия, стихов и разных бумаг возмутительного содержания был отправлен на жительство под гласный надзор дворянин Волынской губернии Валентий (Василий) Мохчинский.

19 октября 1850 года в Уфимский тюремный замок был заключен мещанин Александр Нестеров, виновный в «неправильном толковании в возмутительном духе рабочему сословию прав его и обязанностей»³⁰³.

27 мая 1853 года на жительство в г. Оренбург был переведен из Олонецкой губернии дворянин Виленской губернии Эдуард Желиговский, высланный за

²⁹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 183. Л. 28 об.

²⁹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 218. Л. 18 об.

³⁰⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 191. Л. 8 об.

³⁰¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 306. Л. 8 об.

³⁰² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 191. Л. 7 об.

³⁰³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 218. Л. 18 об.

написание им сочинения «Jordan – Fantazia dramatyczna», в котором после его рассмотрения цензурой была обнаружена неблагонадежность автора³⁰⁴.

3 сентября 1858 года в г. Бирск под секретный надзор полиции был прислан отставной подпоручик Владимир Иванович Мурыгин – «за непрекращающиеся просьбы наградить его за минувшую войну орденом Святого Станислава Третьей степени»³⁰⁵.

Всего в 1831–1859 годах на неперенное жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию были высланы 66 политических преступников: из их числа 14 человек были наказаны за участие в восстании 1830–1831 годов, 11 человек – за подозрительные связи с «горцами», четверо – за принадлежность к тайным обществам. Для сравнения, согласно Е. Н. Анучину на территорию Сибири за преступления по первым двум пунктам в 1827–1846 годах были высланы 443 человека³⁰⁶.

Восшествие на престол Александра II ознаменовалось массовой амнистией политических ссыльных. В опубликованном 26 августа 1856 года Манифесте «О Всемилостивейшем даровании народу милостей...»³⁰⁷ политическим преступникам даровались нижеследующие «облегчения».

Лицам, осужденным за участие в событиях на Сенатской площади в декабре 1825 года, участникам Польского восстания и членам тайных обществ, которые принадлежали к потомственному дворянству и их законным детям, рожденным после произнесения над ними приговора, возвращались все права потомственного дворянства. Лицам других сословий возвращались все права состояния, которыми они пользовались до осуждения. Лица, находившиеся под надзором полиции за политические преступления, освобождались от полицейского надзора и получали разрешение возвратиться на родину (пункт XV).

³⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 253. Л. 7.

³⁰⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 371.

³⁰⁶ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов. Материалы для уголовной статистике России. СПб., 1873, С. 18.

³⁰⁷ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1857, Т. XXXI. Ч. 1. № 30877.

Лицам, состоявшим под полицейским надзором по политическим причинам с предписанием проживать в определенном месте, дозволялось проживать там, где они пожелают, за исключением столиц и столичных губерний (пункт XVII).

Лицам, высланным за политические преступления в отдаленные северные губернии, разрешалось переселиться в уездные города Оренбургской губернии, а через пять лет во внутренние губернии империи, за исключением той, откуда они были первоначально высланы (пункт XXIV).

Во исполнение этого Манифеста из батальонов Отдельного Оренбургского корпуса в ноябре 1856 года были уволены 70 политических преступников³⁰⁸, из них шестеро остались в Оренбургской губернии. В г. Уфе поселился уроженец г. Вильно Антон Людвигович Дашкевич. В г. Уральске – уроженец Минской губернии Доминик Кондревский. В г. Верхнеуральске – уроженец Краковской губернии Ян Миллер и уроженец Радомской губернии Александр Храпчинский. В г. Мензелинске – уроженец Минской губернии Адам Минкевич. В г. Оренбурге – уроженец Гродненской губернии Михаил Адашкевич.

В целом, 1830-е – 1850-е годы ознаменовались утверждением Оренбургской губернии в качестве места размещения большого числа политических ссыльных, основным видом наказания для которых являлось принудительное зачисление на военную службу без выслуги лет. В этот период наблюдается резкое увеличение числа лиц, высылаемых из предосторожности или по подозрению в политической неблагонадежности.

23 января 1846 года Председатель Департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудов в секретном письме сообщил главному начальнику Третьего отделения А. Ф. Орлову, что с точки зрения законодательства, нельзя не признать тот факт, что понятия преступники государственные и преступники политические «совершенно однозначительны». Причем понятию «политическое преступление» вынужденно придается более обширное значение³⁰⁹.

³⁰⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 375.

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 61, Ч. 25. Л. 14об.

Основными категориями политических ссыльных в этот период становятся участники Польского восстания 1830–1831 годов, члены тайных обществ и лица, подозреваемые в политической неблагонадежности.

Принудительное зачисление на военную службу рассматривалось в 1830-е – 1850-е годы также и как способ поддержания численности армейских корпусов. Поэтому Военное министерство наделило лиц, зачисленных на военную службу, правами, равными с остальными подданными империи, стремясь защитить их от предубеждения со стороны сослуживцев и начальства.

Высылка в Оренбургскую губернию участников Польского восстания 1830–1831 годов продолжалась до середины 40-х годов XIX века. Время нахождения данных лиц в ссылке зависело не только от тяжести их преступлений, но и от их желания сотрудничать с русской администрацией. Польские пленные, высланные на жительство под надзор полиции и ссыльные, принимавшие участие в военных операциях русской армии в Степи, получали прощение раньше установленного правительством двадцатипятилетнего срока.

Большое число политических преступников, единовременно зачисленных в оренбургские батальоны, способствовало образованию в них обществ взаимной материальной и моральной поддержки, спровоцировавших возникновение слухов о подготовке ссыльными поляками восстания.

Высылка на жительство под надзор полиции в 1830-е – 1850-е годы была наказанием для лиц, чьи преступления не подлежали рассмотрению в судебном порядке. При этом число политических ссыльных, единовременно состоявших в Оренбургской губернии под надзором полиции, возросло с конца 1830-х до конца 1850-х годов в четыре с половиной раза.

Оренбургская губерния получила статус местности, предназначенной для размещения большого числа политических преступников в 1831 году, вследствие высылки на ее территорию нижних чинов регулярных частей бывшей Польской Армии, и лиц, состоявших в ополчении или Национальной Гвардии Царства Польского, взятых в плен с оружием в руках. Причинами выбора г. Оренбурга в качестве местности высылки политических преступников были: приграничное

положение, удаленность от столиц, малонаселенность и климатические условия в Оренбургской губернии.

Увеличение числа политических ссыльных, присылаемых в Оренбургскую губернию, было связано с резким изменением Николаем I внутривнутриполитического курса. В 1820-е – 1850-е годы основным видом наказания для лиц, признанных «неблагонадежными в политическом отношении», становится их принудительное зачисление на службу в батальоны Отдельных корпусов.

О каждом случае лишения дворянина прав состояния докладывалось лично императору, имевшему право окончательной конфирмации, поэтому приговоры, выносившиеся военными судами, отличались крайней жестокостью в расчете на постепенное смягчение в вышестоящих инстанциях. Политические преступники, принудительно зачислявшиеся на службу в оренбургские батальоны без выслуги лет, могли получить офицерский чин только за боевые отличия. Получение чина для данной категории лиц приравнивалось к амнистии, так как офицер имел право выйти в отставку и выехать на родину, поэтому они принимали участие во всех военных операциях в Степи.

Основной проблемой принудительного зачисления на военную службу была необходимость выдачи оружия лицам, имевшим возможность использовать его против правительства.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-х – 1870-х ГОДАХ

§ 3.1. Высылка на территорию Оренбургского края польских политических преступников в первой половине 1860-х годов

Первая половина 1860-х годов ознаменовалась попытками правительства справиться с усилением польского патриотического движения путем высылки его активных участников во внутренние губернии империи. В результате этого число политических ссыльных, единовременно проживавших под надзором полиции на территории Оренбургской губернии, достигает максимального значения. Вместе с тем принудительное зачисление на военную службу утрачивает статус главного вида наказания для политических преступников.

22 марта 1860 года в целях «возвышения нравственного духа армии» было запрещено зачислять на военную службу лиц, наказанных за совершение важных политических преступлений, указывающих на «развращенность и отсутствия у них чувства чести». Исключение составляли несовершеннолетние преступники из привилегированных сословий, для которых военная служба являлась способом их исправления³¹⁰.

С 16 апреля 1862 года, согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 968, на военную службу могли зачисляться только учащиеся, которые были приговорены к ссылке на жительство под гласный надзор полиции за участие в политических беспорядках или за политические преступления³¹¹.

12 июня 1867 года было полностью запрещено принудительно зачислять на военную службу несовершеннолетних политических преступников, так как они могли «иметь дурное влияние на нравственность своих товарищей»³¹².

В результате введения данных запретов в 1860–1865 годах в оренбургские батальоны были зачислены всего 16 политических преступников из офицеров,

³¹⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1862, Т. XXXV. Ч. 1. № 35588.

³¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 39.

³¹² ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1871, Т. XLII. Ч. 1. № 44687.

признанных по суду неблагонадежными в политическом отношении (или 1 % от общего числа ссыльных).

Катализатором, спровоцировавшим правительство на принятие жестких мер по отношению к участникам польского патриотического движения, являлись массовые демонстрации, прошедшие в г. Варшаве в 1860 и 1861 годах. Они были посвящены памяти борцов за независимость Польши, имели вид религиозных процессий и носили ярко выраженный политический характер. Основную массу демонстрантов составляли воспитанники учебных заведений, женщины и дети, которые проходили по городу в национальных одеждах с портретами участников восстания 1831 года и распевали патриотические гимны: «*Boże! coś Polskę*», «*Z dymem rożarów*» и различные вариации «*Jeszcze Polska nie zginęła*»³¹³. В данных песнях-гимнах содержались призывы к продолжению борьбы за независимость Польши, восхвалялась свобода, утраченная поляками в XVIII веке, вспоминалось о подвигах, совершенных предками в борьбе за независимость государства (приложение 2).

Первая крупная патриотическая демонстрация случилась 11 июня 1860 года. В этот день 20 тысяч человек, которые собрались на похоронах вдовы генерала Юзефа Совинского – Екатерины Совинской, прошли по предместьям г. Варшавы в память о защитниках города, погибших в сентябре 1831 года.

29 ноября 1860 года в торжественном молебне, посвященном годовщине восстания 1830 года, приняли участие несколько тысяч человек.

В начале 1861 года Варшавский полицмейстер Ф. Ф. Трепов, разозленный постоянными оскорблениями сотрудников полиции и «русской администрации» в Польше, разрешил жестко разгонять спонтанно возникающие демонстрации. 13 февраля 1861 года казаками были разогнаны жители г. Варшавы, собиравшиеся на демонстрацию в годовщину сражения под Гроховым полем. Повторная попытка поляков собрать демонстрацию 15 февраля 1861 года также была разогнана. При этом «увлекшиеся» казаки напали на похоронную процессию и

³¹³ Воробьев Г.А. Польские патриотические песни, именуемые «революционными» (Историческая справка) // Исторический вестник. 1906, Т. CIV. С. 572 – 578.

разбили крест участника восстания 1830 года. Увидевшие это жители г. Варшавы стали кидать в казаков кирпичи строившегося дома. Подошедший на помощь казакам генерал В. И. Заблоцкий, приказал открыть огонь по «мятежникам», в результате которого были убиты пять человек. На состоявшихся 20 февраля 1861 года торжественных похоронах погибших собрались 100 тысяч жителей города, был объявлен траур³¹⁴.

Наместник Царства Польского М. Д. Горчаков 6 апреля 1861 года сообщил министру внутренних дел П. А. Валуеву, что в беспорядках принимают участие:

1) помещики, делящиеся на а) «лиц, настроенных против правительства, но опасющихся уличных потрясений»; б) лиц, выступающих против правительства под влиянием своих товарищей; в) лиц, мечтающих о независимой Польше.

2) учащиеся, которые, «пользуясь безнаказанностью, подвигают народ ко всяким бесчинствам»;

3) католическое духовенство, которое «по одному религиозному чувству нам враждебно»³¹⁵.

Учитывая данные обстоятельства, Комитет министров 5 августа 1861 года принял положение «Об учреждении Полицейских Судов в Западных губерниях»³¹⁶. Согласно данному положению запрещались всякого рода действия, направленные против существующего правительственного порядка:

- публичное пение гимнов и песен;
- публичное ношение условных отличительных знаков;
- публичный сбор средств в пользу лиц, подвергшихся правительственным наказаниям без разрешения полиции;
- угрозы и нанесение оскорблений лицам, отказавшимся принимать участие в публичном сборе средств в пользу поляков, подвергшихся правительственным наказаниям;

³¹⁴ Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб, 1908, С. 62.

³¹⁵ Отрывки из дневника П.А. Хрущова // Исторический вестник. 1881, Т. V. С. 71.

³¹⁶ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1863, Т. XXXVI. Ч. 2. № 37327.

– неуважение и оскорбление должностных лиц, пресекавших политические беспорядки.

Лица, совершавшие данные действия, подлежали:

– за первый проступок денежному взысканию на сумму от 10 до 200 рублей серебром или аресту на срок от трех дней до двух недель;

– за второй проступок денежному взысканию на сумму от 20 до 400 рублей или аресту на срок до трех недель;

– за третий проступок денежному взысканию на сумму от 40 до 800 рублей или аресту на срок до одного месяца.

За последующие аресты тяжесть наказания возрастала в данной прогрессии. Оскорбление должностных лиц наказывалось штрафом и арестом на срок от двух недель до двух месяцев. В случае «особых обстоятельств» эти поступки могли приравняться к политическим преступлениям, а совершившие их лица – быть высланы в административном порядке.

Расследование дел о преступлениях, направленных против общественного спокойствия, поручалось полицейским судам, выносившим приговор в течение трех дней на основании сбора доказательств и опроса свидетелей. Подсудимый должен был объявить – доволен он вынесенным приговором или нет. В этот же день ему разрешалось подать апелляцию в Апелляционный полицейский суд, располагавшийся в г. Вильно и г. Киеве. Апелляционные полицейские суды после повторного рассмотрения дела выносили решения, считавшиеся окончательными. Они могли быть отменены только на основании высочайшей конфирмации.

Другим важным документом, утвержденным 5 августа 1861 года, являлось положение «О правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении»³¹⁷. Согласно данному документу начальникам Западных губерний разрешалось высылать всех иностранцев, подозрительных и праздно-проживающих лиц; удалять от должностей чиновников всех ведомств, включая полицию, лишь ставя их об этом в известность. Все жители и чиновники

³¹⁷ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1863, Т. XXXVI. Ч. 2. № 37328.

губерний, в которых вводилось военное положение, объявлялись подвластными военному суду.

31 августа 1861 года киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору было разрешено проводить расследование политических дел и выносить приговор лицам, подозреваемым в политических беспорядках – «в 24 часа». Приговор, вынесенный генерал-губернатором, считался окончательным и приводился в исполнение «немедленно»³¹⁸.

6 июля 1862 года наместнику Царства Польского было разрешено выносить приговоры лицам, виновным в политических преступлениях³¹⁹. Таким образом, был определен круг должностных лиц, имевших право высылать в административном порядке с территории Царства Польского и Западных губерний членов польского патриотического движения.

17 сентября 1862 года супругам политических преступников, во избежание распространения на них наказания, было разрешено выбирать: следовать или не следовать за ними в ссылку³²⁰.

В 1861 и 1862 годах в Оренбургскую губернию под надзор полиции были отправлены 14 человек, участвовавших в политических беспорядках в Западном крае. Например, учитель Лубенского уездного училища, уроженец Полтавской губернии Василий Шевич был отправлен в г. Оренбург «за распространение малороссийской пропаганды»³²¹.

Однако предпринятые правительством меры не привели к «установлению спокойствия» в Западных губерниях. В конце 1862 года по г. Варшаве «поползли» слухи о подготовке поляками восстания. Нападение на гарнизоны русских войск в ночь с 10 на 11 января 1863 года ознаменовало собой начало Январского восстания, которое охватило территорию Царства Польского и Северо-Западного края, и вскоре приняло вид партизанской войны. Его очагами стали Варшавская, Виленская и Ковенская губернии, так как в них «мятежническое движение нашло

³¹⁸ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1863, Т. XXXVI. Ч. 2. № 37370.

³¹⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1865, Т. XXXVII. Ч. 1. № 38452.

³²⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1865, Т. XXXVII. Ч. 2. № 38688.

³²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 462. Л. 80 об.

поддержку среди крестьянского населения»³²². Для определения виновности лиц, взятых в плен с оружием в руках, обвинявшихся в содействии мятежникам или подозреваемых в укрывательстве мятежников, 14 января 1863 года были созданы военные суды.

Приговоры участникам восстания в Западном крае выносились: Временным полевым аудиториатом при штабе командующего войсками Виленского военного округа, Гродненским полевым аудиториатом, полевым судом при Виленском ордонанс-гаузе, военным судом при управлении Минского губернского воинского начальника, военным судом при командующем войсками Могилевской губернии, Динабургским полевым военным судом, военным судом при Киевском ордонанс-гаузе.

На территории Царства Польского приговоры восставшим выносились: следственной комиссией при наместнике Царства Польского, полевым судом при крепости Новогеоргиевск, Варшавским, Седлецким, Калишским, Ломжинским, Плоцким и Люблинским полевыми аудиториатами, начальниками Радомского, Плоцкого, Ломжинского, Августовского и Седлецкого военных судов.

Для вступления приговора военного суда в силу требовалась конфирмация министра внутренних дел, наместника Царства Польского, наместника Северо-Западного края, начальников Западных губерний, либо командующих войсками Виленского и Киевского военных округов.

Согласно секретному циркуляру Министерства внутренних дел № 145 от 12 августа 1864 года к 1 июля 1864 года из Царства Польского и Западных губерний было выслано 25 тысяч человек³²³.

К началу 1865 года только в Северо-Западном крае, согласно составленной по повелению виленского, гродненского и минского генерал-губернатора М. Н. Муравьева «Ведомости об осужденных и наказанных лицах», за участие в мятеже были наказаны 9361 человек. Из них: «казнено – 128 человек, сослано в каторжные работы – 972 человека, сослано на поселение в Сибирь – 1427 человек,

³²² Славутинский С.Т. Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа // Исторический вестник. 1899, Т. XXXVII. С. 70.

³²³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 90.

отдано в солдаты – 345 человек, сослано в арестантские роты – 864, выслано во внутренние губернии – 1529 человек, переселено на казенные земли внутренних губерний империи – 4096 человек»³²⁴.

Следствие над участниками Польского восстания 1863 года сопровождалось множеством нарушений, которые были названы 14 октября 1865 года в циркуляре Временного полевого аудиториата № 3145³²⁵. Согласно этому циркуляру главным «упущением» при производстве политических дел признавалась отдача под суд лиц, «не подлежащих оному» – подозревавшихся в «кошунстве» или оскорблении православной церкви. Фиксировались случаи вымогательства денег, через угрозу обвинения в причастности к мятежническим отрядам, участия в политических беспорядках или совершении политических преступлений. При рассмотрении некоторых дел аудиториатом были выявлены следующие нарушения правил судопроизводства:

- 1) многие дела не содержали сведений о причинах ареста, а начинались с допроса арестованных;
- 2) допросы обвиняемых и свидетелей проводились небрежно;
- 3) лица, считавшиеся причастными к делу, не подвергались допросу;
- 4) свидетели передопрашивались несколько раз, в результате их показания становились неясными;
- 5) свидетельские показания иногда не имели подписи дававшего их лица;
- 6) свидетели допрашивались не отдельно, а группами, без присяги и очной ставки с обвиняемым. В результате многие из свидетелей отказывались от своих показаний, «говоря, что они относятся к другим лицам»;
- 7) при отказе свидетелей от своих первоначальных показаний правдивость их последующих заявлений не проверялась;
- 8) в нарушение статьи 254 «Военно-уголовного устава» лицам, обвиняемым в «причастности к мятежу», отказывали в очной ставке с обвинителями;

³²⁴ Записки графа М.Н. Муравьева-Виленского. Приложения. I. Осужденные и наказанные в 1863 – 1866 годах // Русская старина. 1883, Т. XXXVII. С. 617.

³²⁵ Е.Л. Следствие и суд над польскими повстанцами в Северо-Западном крае в 1863 – 1864 годах. По официальным документам // Вестник Европы. 1883, № 1. Т. ХСІХ. С. 388 – 399.

9) установление вины иногда ограничивалось обыском и сбором сведений о поведении арестованного лица;

10) сведения о звании, возрасте, образовании и имущественном положении обвиняемых лиц основывались на их показаниях;

11) следственные комиссии не разъясняли, почему допрашивался тот или иной свидетель, что позволяло арестованным жаловаться на произвол в ведении дела;

12) приговоры военных судов недостаточно подробно объясняли причины, по которым осужден или оправдан подсудимый;

13) на ревизию из военных судов дела сдавались без описей и надлежащей скрепы по листам;

14) подсудимые не имели возможности подавать жалобы в вышестоящие инстанции на нарушения, имевшие место при рассмотрении их дел.

Перечисленные нарушения правил судопроизводства свидетельствовали о низком качестве следствия в военных судах, из-за чего наказанию подвергались лица, не принимавшие участия в восстании. Лица, признанные военными судами участниками восстания, во исполнение циркуляров Министерства внутренних дел № 190³²⁶ и № 191³²⁷ от 5 ноября 1863 года высылались для распределения по внутренним губерниям империи в г. Псков.

На имущество лиц, «причастных к беспорядкам в пограничных губерниях», в соответствии со статьей 176 «Военно-уголовного устава» 15 марта 1863 года налагался секвестр. Принадлежавшие им банковские билеты, акции, облигации, недвижимость всех наименований и движимое имущество передавались палатам государственных имуществ. Семьи участников восстания должны были покинуть принадлежавшие им имения. В случае отсутствия у семей ссыльных собственного недвижимого имущества им выплачивалось содержание, равное 10 % от чистого дохода имения. Секвестр устанавливался до прекращения беспорядков³²⁸.

³²⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 70.

³²⁷ Там же. Л. 73.

³²⁸ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1866, Т. XXXVIII. Ч. 1. № 39377.

В соответствии с правилами Министерства внутренних дел «О наложении взысканий на мятежников» от 11 мая 1863 года лица, причастные к восстанию, были разделены на пять категорий. Первая категория мятежников осуждалась на каторжные работы в Сибири. Она включала в себя лиц, взятых в плен с оружием в руках, а также принимавших участие в сражениях с русскими войсками. Вторая категория подлежала высылке в Сибирь с лишением всех прав состояния. Третья категория назначалась к высылке на жительство в Сибирь под надзор полиции, с лишением всех прав состояния. Четвертая категория высылалась в отдаленные губернии под надзор полиции. Данные категории включали лиц, находившихся в мятежнических бандах, но не участвовавших в сражениях с русскими войсками и лиц, сочувствовавших восставшим. Пятая категория поселялась на казенных землях в отдаленных губерниях империи. Она включала в себя лиц, добровольно возвратившихся из мятежнических банд, но не принятых обществом на поруки, а также лиц, чье участие в восстании не было доказано.

28 мая 1863 года циркуляр Министерства внутренних дел № 80 назначил Оренбургскую губернию местом ссылки для жителей Западного края, которые были осуждены за «вредные политические стремления»³²⁹ (приложение 3).

Правила надзора и порядок высылки лиц, «имевших вредные политические стремления» были определены в циркуляре Министерства внутренних дел № 79 от 28 мая 1863 года. Высылка политических преступников должна была сопровождаться уведомлением начальников губерний, на жительство в которые они назначены, об их сословной принадлежности; одни они отправляются или с семьей, имеют ссыльные собственные средства или должны получать пособие от казны. При аресте лиц, подозревавшихся в политическом преступлении, все находившееся при них имущество должно было передаваться на хранение избранному лицу или родственнику в присутствии полиции. В случае отказа ссыльных от выбора или отсутствия избранного лица, их имущество помещалось под замок до момента прибытия ссыльных на место, определенное для их постоянного пребывания. После чего они могли свободно распоряжаться

³²⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 20.

оставленным имуществом через поверенного или другим способом по своему усмотрению³³⁰.

Надзор за поведением политических ссыльных был поручен начальникам губерний, которым предписывалось разделить населенные пункты, избранные для размещения преступников, на два разряда в зависимости от топографического положения, климатических условий, населенности и «материальных удобств». Назначение в первый или второй разряд зависело от поведения и образа жизни ссыльных. Полицейский надзор за участниками восстания не должен был быть для них «стеснительным или обременительным».

В случае получения сведений о подготовке ссыльными побега, начальники губерний имели право поместить их до окончания расследования под домашний арест³³¹.

Полицмейстеры должны были обеспечить ссыльных участников восстания помещениями, соответствующими их званию и средствам, постоянно облегчать их затруднения, наблюдать за поведением, занятиями и образом жизни ссыльных, определить круг знакомств ссыльных и следить, чтобы у них не образовывались с местными жителями особые связи и отношения, сообщать начальнику губернии о влиянии ссыльных на местных жителей, и какое они производят впечатление на местное общество³³².

Полицмейстеры должны были следить, чтобы ссыльные не распространяли на территории губернии «вредные идеи», за которые они были наказаны. Особое внимание они должны были уделять связям ссыльных с лицами, проезжавшими через губернию. Почтовым конторам предписывалось сообщать полицмейстерам, куда и кому посылаются письма ссыльных.

В соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 137 от 17 августа 1863 года начальники губерний должны были просматривать содержание писем ссыльных до их отправки адресату³³³.

³³⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 65.

³³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 461. Л. 7.

³³² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 8.

³³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 461. Л. 10об.

Тем самым местные власти получили подробные инструкции, содержащие правила надзора за участниками Польского восстания 1863 года.

Первоначально в Оренбургской губернии предполагалось разместить 148 польских ссыльных: 65 человек – в г. Уфе, 39 человек – в г. Челябине (Челябинске); 26 человек – в г. Стерлитамаке; 15 человек – в г. Мензелинске; 13 человек – в г. Бирске; 10 человек – в г. Белебее. Штат оренбургской полиции планировалось усилить 30 нижними чинами³³⁴.

Однако такое распределение ссыльных вызвало критику оренбургского и самарского генерал-губернатор А. П. Безака, обратившегося 29 июля 1863 года в Министерство внутренних дел со следующими предложениями:

1) назначить местом размещения ссыльных вместо имевшего ежедневное сообщение с Казанской губернией г. Мензелинска, г. Верхнеуральск;

2) сократить число лиц, определенных к размещению в г. Челябинске до 20 человек;

3) разрешить отправлять польских ссыльных в г. Оренбург и г. Троицк, так как г. Оренбург по условиям жизни и количеству нижних полицейских чинов, а г. Троицк по своей отдаленности были удобны для этой цели;

4) разделить города Оренбургской губернии, предназначенные для ссылки участников восстания, на два разряда. К первому разряду отнести гг. Оренбург, Уфу, Стерлитамак и Бирск. Город Бирск должен был стать местом размещения ксендзов для предотвращения вредного влияния, которое могло произойти при их расселении по разным городам Оренбургской губернии. Ко второму разряду А. П. Безак предложил отнести гг. Верхнеуральск, Челябинск, Троицк, Белебей³³⁵.

2 сентября 1863 года оренбургский гражданский губернатор Г. С. Аксаков направил в Министерство внутренних дел предложение назначить на секретные расходы по надзору за ссыльными по 150 рублей оренбургскому полицмейстеру и верхнеуральскому уездному исправнику³³⁶.

³³⁴ Там же. Л. 3 – 5об.

³³⁵ Там же. Л. 8 – 10.

³³⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 44.

Рассмотрев данные предложения, министр внутренних дел П. А. Валуев 10 октября 1863 года разрешил:

- 1) сократить количество лиц, предназначенных для высылки в г. Челябину до 20 человек, а оставшихся 19 – направить в г. Троицк;
- 2) уменьшить количество лиц, предназначенных для размещения в г. Уфе до 40 человек, а оставшихся 25 – направить в г. Оренбург;
- 3) вместо г. Мензелинска разместить 15 ссыльных в г. Верхнеуральске;
- 4) произвести увеличение штата полиции в гг. Троицке и Оренбурге из числа нижних чинов полиции гг. Уфы и Челябины, а в г. Верхнеуральск назначить число нижних чинов, определенное для г. Мензелинска.
- 5) оренбургскому полицмейстеру, верхнеуральскому и троицкому уездным исправникам назначить на секретные расходы по 150 рублей³³⁷.

27 октября 1863 года оренбургскому и самарскому генерал-губернатору было предписано следить, чтобы партии польских ссыльных при следовании по территории губернии снабжались необходимым числом подвод для перевозки детей и имущества. Лиц, нуждавшихся в одежде и обуви, приказывалось снабжать всем необходимым, в соответствии со временем года³³⁸.

Всего к 9 декабря 1863 года на неперенное жительство под полицейский надзор в Оренбургскую губернию были присланы 140 участников восстания. Из их числа в г. Уфу были доставлены 46 человек, в г. Стерлитамак – 23 человека, в гг. Челябинск и Бирск – 13 человек, в гг. Оренбург и Троицк – 12 человек, в г. Верхнеуральск – 11 человек, в г. Белебей – 10 человек. К концу 1863 года на территорию губернии должны были прибыть еще 50 польских ссыльных³³⁹.

Большое число лиц, признанных виновными в причастности к мятежникам, вынудило Министерство внутренних дел отправить оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку 8 февраля 1864 года уведомление № 833, в котором сообщалось об удвоении предельного числа уроженцев Западного края и

³³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 474. Л. 23 – 24.

³³⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 48об.

³³⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 474. Л. 31.

Царства Польского, определенных к отправке на жительство в Оренбургскую губернию³⁴⁰.

К 28 апреля 1864 года на территории Оренбургской губернии находились 187 польских политических ссыльных³⁴¹. В начале июня 1864 года их количество возросло до 278 человек³⁴², достигнув установленного предела. Поэтому 13 июня гражданский губернатор Г. С. Аксаков направил в Министерство внутренних дел предложения:

- а) временно приостановить высылку политических преступников в Оренбургскую губернию;
- б) увеличить число лиц, определенных для надзора за ссыльными;
- в) увеличить размер денежных средств, направляемых на секретные расходы по надзору за ссыльными.

5 сентября 1864 года, отвечая на данную просьбу, министр внутренних дел П. А. Валуев уведомил оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака, что высылка мятежников будет продолжена «в значительном размере»³⁴³, так как установленные пределы превышены повсеместно.

К концу 1864 года в городах Оренбургской губернии под надзором полиции состояли 430 человек, признанных участниками восстания. Из них 122 человека проживали в г. Уфе; по 63 человека – в гг. Оренбурге и Стерлитамаке; 43 человека находились в г. Челябинске; 40 человек – в г. Троицке; по 34 человека – в гг. Верхнеуральске и Бирске; 31 человек – в г. Белебее³⁴⁴.

Согласно предписанию Министерства внутренних дел № 4719, изданному 25 февраля 1864 года, для перевозки участников восстания выделялось по одной подводе на двух больных ссыльных или по одной подводе на 12 человек³⁴⁵.

4 мая 1864 года была определена сумма кормовых денег, выделявшихся на пересылку арестантов. Лицам привилегированных сословий выплачивалось по 15

³⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 504. Л. 1.

³⁴¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 74. Л. 73.

³⁴² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 474. Л. 60.

³⁴³ Там же. Л. 61об.

³⁴⁴ Там же. Л. 70.

³⁴⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 84.

копеек в сутки серебром на человека, лицам простого сословия – по 10 копеек в сутки серебром на человека³⁴⁶.

По прибытии к местам ссылки лицам из привилегированных сословий, не имевшим недвижимого имущества, в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 21 от 2 февраля 1864 года³⁴⁷ назначалось казенное содержание. Размер содержания был определен Комитетом министров 7 февраля 1864 года. Он равнялся – 1 рубль 50 копеек в месяц для найма квартиры и 15 копеек в сутки на покупку продуктов питания на каждого взрослого члена семьи ссыльного, что составляло в итоге 6 рублей в месяц или 72 рубля в год³⁴⁸. Детям ссыльных выплачивалась половина данной суммы.

3 декабря 1864 года оренбургский гражданский губернатор Г. С. Аксаков направил министру внутренних дел П. А. Валуеву предложение увеличить размер казенного содержания, выплачиваемого польским ссыльным, до 7 рублей в месяц или 84 рублей в год. Кроме того назначить одному из членов семьи ссыльного пособие на наем квартиры в размере 3 рублей в месяц или 36 рублей в год из-за увеличения в Оренбургской губернии минимального размера платы за квартиру³⁴⁹. Однако данные предложения были оставлены без внимания.

Всего в 1865 году казенное содержание в Оренбургской губернии получали 313 человек или 62 % от общего числа лиц, высланных на территорию губернии по политическим причинам на жительство под надзор полиции.

В 1864 году ужесточаются правила надзора за политическими ссыльными. С 6 января 1864 года на основании циркуляра Министерства внутренних дел № 61 все письма, приходившие на имя политических преступников, передавались для их предварительного просмотра начальникам губерний, а в уездах – уездным исправникам. При отсутствии в уездных городах чиновников, знавших польский

³⁴⁶ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1867, Т. XXXIX. Ч. 1. № 40843.

³⁴⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 65.

³⁴⁸ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1867, Т. XXXIX. Ч. 1. № 40565.

³⁴⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 466. Л. 4 – 5.

язык, письма ссыльных предписывалось отправлять на прочтение в канцелярию генерал-губернатора³⁵⁰.

5 февраля 1864 года оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку было поручено установить контроль над корреспонденцией всех лиц, сосланных за политические преступления под надзор полиции, за исключением «лиц малограмотных», что нарушало объявленное «Почтовым уставом» право на неприкосновенность личной переписки. Поэтому 22 марта 1864 года А. П. Безаку было приказано просматривать письма только тех лиц, «особенное наблюдение за перепиской которых будет признано начальством необходимым»³⁵¹.

29 мая 1864 года на основании циркуляра Министерства внутренних дел № 105 дети ссыльных, находившиеся при родителях, лишались права изменять место жительства, и за ними устанавливался полицейский надзор³⁵².

С 7 июня 1864 года для прекращения практики передачи ссыльным записок в запечатанных пакетах с деньгами, начальники губерний должны были посылать чиновников в почтовые конторы для выемки из этих пакетов писем в присутствии полицмейстера. Деньги выдавались ссыльным в прежних пакетах с печатью того чиновника, кем было изъято письмо³⁵³.

25 июня 1864 года на основании циркуляра Министерства внутренних дел № 205 лица, добровольно последовавшие за политическими преступниками в ссылку, были лишены права свободно изменять место проживания, и помещались под строгий надзор полиции³⁵⁴.

24 июля 1864 года в соответствии с решением Западного комитета все лица, высланные во внутренние губернии империи под надзор полиции без наделения землей, причислялись к разряду лиц, высланных административным порядком³⁵⁵.

³⁵⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 461. Л. 12.

³⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 502. Л. 6.

³⁵² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 345. Л. 148.

³⁵³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 77.

³⁵⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 80.

³⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 781.

В середине 1865 года число лиц, присланных на неперенное жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию за причастность к имевшим место политическим беспорядкам, достигло 506 человек.

Сведения об общем количестве лиц, присланных в Оренбургскую губернию за участие в Польском восстании 1863 года, их социальном происхождении, месте рождения и совершенных ими преступлениях содержатся в «Ведомостях о лицах, состоявших под надзором полиции». Согласно ведомостям за 1863 – 1865 годы дворянами являлись 298 человек или 60 % от общего числа лиц, сосланных за участие в Январском восстании 1863 года; «мещанами – 96 человек или 20 % ссыльных; помещиками – 55 человек или 11 % ссыльных; ксендзами – 25 человек или 5 % ссыльных; представителями польской шляхты – 12 человек; крестьянами – 8 и однодворцами – 6 человек соответственно»³⁵⁶.

Следовательно, в восстании 1863 года принимали участие жители всех губерний Западного края и Царства Польского.

Государственными служащими являлись 78 ссыльных; военнослужащими, уволенными за политические взгляды – 24 ссыльных; врачами – 18 ссыльных; воспитанниками различных учебных заведений, выехавшими в Царство Польское для участия в восстании – 18 ссыльных.

Женщины (25 человек) составляли 5 % от общего количества преступников, высланных по политическим причинам в Оренбургскую губернию.

Вместе с семьями в Оренбургскую губернию прибыли 69 человек или 14 % от общего числа лиц, причастных к восстанию. Под секретным надзором полиции состояли 210 человек (55 % ссыльных), «под гласным надзором – 93 человека (24 % ссыльных), под строгим секретным надзором – 65 человек (17 % ссыльных), и под строгим гласным надзором – 16 человек (4 % ссыльных)»³⁵⁷.

Сведения о месте проживания до ссылки имеются у 417 человек, сосланных на неперенное жительство под полицейский надзор в Оренбургскую губернию за причастность к Январскому восстанию 1863 года (таблица 2).

³⁵⁶ Четвериков С.А. Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 4. 2016. С. 24.

³⁵⁷ Там же. С. 24.

Таблица 2 – Место проживания участников Польского восстания 1863 года, сосланных в Оренбургскую губернию под надзор полиции

Губерния	Число ссыльных
Варшавская	91 человек
Виленская	82 человека
Ковенская	60 человек
Гродненская	49 человек
Минская	23 человека
Могилевская	22 человека
Витебская	18 человек
Люблинская	16 человек
Плоцкая	15 человек
Волынская	10 человек
Радомская	9 человек
Подольская	9 человек
Киевская	5 человек
Августовская	4 человека
Херсонская, Черниговская, Полтавская, Калишская	по 1 человеку

Польские уроженцы, присланные под надзор полиции в 1863–1865 годах, обвинялись в следующих видах преступлений:

- в политической неблагонадежности – 135 человек (26,7 % ссыльных);
- в участии в мятеже – 58 человек;
- в нахождении в «шайке» мятежников – 57 человек;
- в доставлении мятежникам оружия, корреспонденции, провианта и теплых вещей – 33 человека;
- в принадлежности к революционным организациям – 19 человек;
- в хранении припасов, оружия и запрещенных сочинений – 17 человек;

- в различных политических преступлениях – 13 человек;
- за подстрекательство крестьян участвовать в восстании и недонесение на мятежников начальству – 12 человек;
- за вредное влияние, которое они оказывают на общественное спокойствие, в Оренбургскую губернию были отправлены 11 человек;
- за прием в доме участников восстания – 10 человек;
- за укрывательство мятежников и за участие в политических беспорядках на территорию Оренбургской губернии были присланы по 8 человек;
- за сочувствие мятежникам, намерение присоединиться к «мятежническим бандам» – по 7 человек;
- за распространение возмутительных антиправительственных воззваний и революционных сочинений – 6 человек (приложение 4);
- за участие в политических демонстрациях – 6 человек;
- за сбор денег в пользу мятежников, за вредные политические стремления, и за участие в подготовке восстания в Оренбургскую губернию были присланы по 4 человека;
- за распространение ложных слухов среди крестьян – 3 человека;
- за вербовку в «шайки» мятежников – 3 человека;
- за преступную связь с галицкими поляками, за подговор вступить в «шайку мятежников», за подстрекательство к беспорядкам и опасный образ действий в Оренбургскую губернию были высланы по 2 человека;
- за хранение бумаг революционного содержания, за хранение в доме письма о действиях мятежнических шаек в Виленской губернии, за праздную жизнь, за хранение мятежнических знамен, сокрытие машины для литья пуль, отправление крестьян в мятежники, дерзкий ответ начальству, произнесение возмутительной проповеди и произнесение дерзких слов против правительства были присланы по одному человеку.

За отказ общества принимать на поруки лиц, возвратившихся «из шайки мятежников» или «неискренность раскаяния в совершенных ими преступлениях

после возвращения из шайки мятежников» в Оренбургскую губернию были доставлены 4 человека.

Без объяснения причины ссылки на территорию Оренбургской губернии под полицейский надзор были доставлены 42 человека, что составляло 8 % от общего числа польских ссыльных.

Сведения, приведенные в перечнях, позволяют сделать следующие выводы:

1) Большинство участников Январского восстания 1863 года (83 %) были отправлены на жительство в Оренбургскую губернию по решению наместника Северо-Западного края.

2) Большинство лиц (78 %), высланных на жительство в Оренбургскую губернию под полицейский надзор за причастность к Польскому восстанию 1863 года, являлись представителями привилегированных сословий.

3) Большинство ссыльных (66 %) являлись уроженцами Западного края.

4) Большинство (57 %) ссыльных обвинялись в пособничестве мятежникам.

5) Большинство лиц (62 %), высланных на непереносимое жительство под надзором полиции за участие в восстании 1863 года, получали содержание от казны.

6) Большинство участников восстания 1863 года (72 %) были помещены под секретный полицейский надзор.

Расследование в отношении лиц, высланных из Западных губерний империи по политическим причинам, продолжалось и после их прибытия к местам ссылки. Например, 21 мая 1864 года оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку было приказано провести суд над шляхтичем Варшавской губернии Люцианом Гадамским, присланным в г. Верхнеуральск в 1863 году. На основании новых свидетельских показаний (уведомление Министерства внутренних дел № 3864) Гадамский был признан виновным в «вербовке людей в ряды мятежников и в соучастии с мятежниками в убийстве жены управляющего

имением Млохова Екатерины Лукашевич и девицы Констанции Россовской» и помещен в Уфимский тюремный замок³⁵⁸.

Участники Январского восстания 1863 года, лишенные всех прав состояния, а также политические ссыльные из простых сословий, подлежали поселению на казенных землях во внутренних Европейских губерниях империи. С территории Западных губерний и Царства Польского они пересылались в г. Псков, где им выдавалась арестантская одежда³⁵⁹ – «шапка фуражная, наушники, шинель с пуговицами, полукафтан с пуговицами, летние и зимние шаровары, подштанники, рукавицы, галстук, рубаха, одна пара сапог и полушубок». После этого лица, назначенные к поселению на территории Оренбургской губернии, отправлялись пешим этапом в г. Уфу, где размещались в здании упраздненной земской конюшни, в ожидании распределения по селениям Оренбургского и Челябинского уездов. При этом на основании распоряжения Министерства государственных имуществ № 4292 от 10 июля 1864 года оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку запрещалось поселять ссыльных в поселениях, которые населены «татарами», где они оставались без присмотра начальства на время, когда жители селений отправлялись для перегона скота³⁶⁰.

Согласно приказу министра государственных имуществ А. А. Зеленого от 13 февраля 1864 года поселяемые в Оренбургской губернии уроженцы Западных губерний из числа политических преступников облагались платежами податей и повинностей, как и местные государственные крестьяне, без предоставления им каких-либо льгот³⁶¹.

20 марта 1864 года оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку была вручена жалоба от ожидавших распределения поляков на условия содержания в здании упраздненной земской конюшни. Они жаловались, что их давно не водят в баню и им «уже две недели не привозят воды»³⁶², поэтому

³⁵⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 75. Л. 17.

³⁵⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 88. Л. 27.

³⁶⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 74. Л. 87.

³⁶¹ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 9. Л. 192.

³⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 504. Л. 1.

они вынуждены таять снег. Данная жалоба была передана гражданскому губернатору Г. С. Аксакову, который установил, что поляки умышленно начали мутить воду в колодце, а баню они посещали раз в неделю. При этом из 100 польских ссыльных баню еженедельно посещали 20 человек.

Лицам, поселяемым на казенных землях в Европейских губерниях империи, на основании предписания Департамента окладных сборов № 1372 от 30 мая 1864 года, единовременно выплачивалось 55 рублей серебром на «домообзаведение» из средств государственного земского сбора, с возвращением этой суммы в казну из средств Царства Польского и 10 % сбора в Западных губерниях³⁶³.

Однако, по мнению чиновника по особым поручениям по наблюдению за общественным порядком Самонова, не было «никакой возможности устроить их быт на 55 рублей», так как переселенцы из малоземельных губерний, получавшие данную сумму, прибывали в Оренбургскую губернию со своим скотом и запасом теплой одежды, необходимой в крестьянском быту. Ссылные поляки ничего из этого не имели. Исходя из этого, 1 сентября 1864 года он уведомил Оренбургскую палату государственных имуществ, что от ссыльных поляков «трудно ожидать хороших поселенцев и пользы для общества», так как большая их часть «ведет праздную жизнь, не занимается никакими работами»³⁶⁴.

18 сентября 1864 года оренбургский губернатор К. Н. Боборыкин сообщил в Оренбургскую палату государственных имуществ, что поляки, отправленные на поселение в деревню Чудиново, «со дня своего водворения совершенно ничем не занимаются и прокармливаются жителями поочередно. Для этого они переходят с одной квартиры на другую через одну или две недели»³⁶⁵.

Подобный порядок существовал во многих селениях Челябинского уезда, так как польские поселенцы отказывались заниматься крестьянскими работами, к которым они не были привычны.

³⁶³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 82. Л. 82.

³⁶⁴ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 30.

³⁶⁵ Там же. Л. 71.

17 октября 1864 года глава села Воскресенское Челябинского уезда Дуниев уведомил Оренбургскую палату государственных имуществ, что уклоняющиеся от работы поляки заявили, что «к каким бы строгим взысканиям они не были приговорены», они не будут работать, так как «не работали прежде и настоящее время учиться не будут»³⁶⁶.

Видя нежелание политических ссыльных заниматься сельским хозяйством, крестьяне села Воскресенского в декабре 1864 года предложили Оренбургской палате государственных имуществ безвозмездно выдать польским поселенцам по две четверти хлеба на каждого взрослого и по одной четверти хлеба на каждого малолетнего ссыльного³⁶⁷.

Данное предложение было поддержано 8 января 1865 года чиновником особых поручений Оренбургской палаты государственных имуществ по надзору за порядком в волостях Исаевым, порекомендовавшим выдать хлеб в ссуду по одному четверику на поселенца крестьянам, содержащим у себя в доме поляков «безвозмездно и постоянно». Кроме того, выдать каждому польскому поселенцу по 5 рублей серебром на покупку полушубков, белья, шапок и валенок³⁶⁸.

Участники Польского восстания 1863 года, не достигшие совершеннолетия, поселялись в Оренбургском уезде в семьях старожилов и польских переселенцев, дававших подписку «заботиться об их участи». До достижения совершеннолетия данные лица получали пособие в размере 10 рублей в год на призрение, а после достижения совершеннолетия им выдавали 55 рублей на «домообзаведение»³⁶⁹.

Всего в 1864 году на домообзаведение и призрение польских поселенцев в Оренбургской губернии было затрачено 13 860 рублей серебром³⁷⁰.

Отношение крестьян к несовершеннолетним полякам, поселяемым в семьях старожилов, показал чиновник по особым поручениям Самонов, доложивший 12 сентября 1864 года Оренбургской палате государственных имуществ о

³⁶⁶ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 239.

³⁶⁷ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Ч. 2. Л. 320 – 321.

³⁶⁸ Там же.. Л. 337.

³⁶⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 167. Л. 6об.

³⁷⁰ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Ч. 2. Л. 433.

событиях, произошедших на сходе в Белоярской волости. 10 сентября крестьяне и волостное начальство постановили, что «почти все поляки без исключения ведут праздную жизнь», имеют беспокойный характер, не слушают наставлений, а также не хотят заниматься никакими работами под предлогом, «будто они к ним не привычны». Поэтому крестьяне отказывались принимать ссыльных в свои семейства, «не имея никакой надежды, что они могли бы быть им полезны». После этого поляки были предупреждены, что «если они не будут покойны в обществе, вести праздную и трудную жизнь», то они могут быть подвергнуты телесному наказанию. На это польский ссыльный Франц Яблонский, будучи в нетрезвом виде, «стал с азартом кричать, что он чиновник, и его никто не имеет права подвергать никакому наказанию».

Яблонский был посажен в арестантскую, откуда «выбежал с азартом и стал искать палку, чтобы ударить ею десятника, но не найдя ничего, хотел избить его руками, но был схвачен крестьянами и вновь посажен в арестантскую, в которой он выломал двери и произносил бранные слова»³⁷¹.

Следует отметить, что не все несовершеннолетние польские поселенцы вели «праздную жизнь». Многие пытались помогать по хозяйству семьям, в которых они были размещены. Например, высланный в Кочердыкскую слободу участник Польского восстания 1863 года Николай Кухарчик «вел самую хорошую жизнь и весьма усердно занимался хлебопашеством и разными крестьянскими работами»³⁷².

В целом отношение крестьян Оренбургской губернии к лицам, поселенным на казенных землях по политическим причинам, зависело от их желания помогать крестьянской общине, заниматься сельским хозяйством, а не от совершенных ими преступлений. Данное обстоятельство способствовало появлению большого числа межнациональных браков.

Особые правила были приняты в отношении лиц, добровольно перешедших в православие. Согласно предложению оренбургского гражданского губернатора

³⁷¹ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 47 – 48.

³⁷² Там же. Л. 53.

Г. С. Аксакова от 12 июня 1864 года им было дозволено переселиться в уездные города под секретный надзор полиции, во избежание преследования со стороны католиков³⁷³.

24 июля 1864 года правило размещения перешедших в православие польских ссыльных в уездных городах было распространено на все внутренние губернии.

14 ноября 1864 года лицам, поселенным на казенных землях в Европейских губерниях империи, в целях «прочного устройства крестьянского хозяйства»³⁷⁴ было разрешено обращаться в Министерство внутренних дел с просьбами прислать к ним родственников и членов их семей.

Всего к поселению на казенных землях в Оренбургском и Челябинском уездах был назначен 831 человек, из них в Уфу на распределение прибыли 754 человека. Первая партия ссыльных-поселенцев была доставлена из г. Пскова 10 декабря 1863 года и насчитывала 82 человека. В январе 1864 году в г. Уфу прибыли 56 человек, в феврале – 79 человек, в марте – 89 человек, в апреле – 270 человек, в мае – 178 человек.

5 февраля 1864 года³⁷⁵ Первый департамент Министерства государственных имуществ разрешил оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку поселять уроженцев Западных губерний во всех местностях Оренбургской губернии. Однако этого не потребовалось. 1 мая 1864 года министр внутренних дел П.А. Валуев приказал отправлять всех лиц, приговоренных к поселению на казенных землях за «причастность к политическим беспорядкам в Польше», не достигших еще места поселения, в Томскую губернию³⁷⁶.

Во исполнение этого приказа к началу 1865 года в Оренбургской губернии были оставлены всего 239 польских ссыльных-поселенцев: 140 – на территории Челябинского уезда и 99 – в селениях Оренбургского уезда³⁷⁷.

³⁷³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 514. Л. 1об.

³⁷⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 174. Л. 1.

³⁷⁵ Там же. Л. 57.

³⁷⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 82. Л. 22.

³⁷⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 604.

К концу 1864 года в Оренбургской губернии были поселены 194 участника Польского восстания 1863 года (приложение 5).

Лица, высланные в г. Уфу для поселения на казенных землях Оренбургской губернии, принадлежали к следующим сословиям. «Крестьянами являлись 342 человека или 47 % от общего числа ссыльных; мещанами – 214 человек или 29 % ссыльных; однодворцами – 79 человек или 11 % ссыльных; лицами, лишенными дворянского достоинства по приговору суда – 51 человек или 7 % ссыльных; представителями польской шляхты – 47 человек или 6 % ссыльных»³⁷⁸.

Данные о месте проживания до высылки имеются у 529 лиц, поселенных на казенных землях Оренбургской губернии за причастность к восстанию 1863 года (таблица 3).

Таблица 3 – Место проживания участников Польского восстания 1863 года, поселенных в Оренбургской губернии

Губерния	Число ссыльных
Виленская	175 человек
Варшавская	101 человек
Ковенская	70 человек
Люблинская	64 человека
Августовская	60 человек
Гродненская	30 человек
Радомская	14 человек
Плоцкая	9 человек
Киевская	3 человека
Волынская	2 человека
Калишская	1 человек

Поселение на казенных землях во внутренних губерниях империи являлось наказанием, назначаемым для лиц, принимавших активное участие в Польском

³⁷⁸ Четвериков С.А. Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 4. 2016. С. 25.

восстании 1863 года. Поэтому 271 человек был поселен в Оренбургской губернии за отказ местного общества «поручиться в их благонадежности по возвращении из мятежнических шаяк»;

«134 человека – за участие в политических беспорядках;

125 человек – за участие в мятеже;

102 человека – за политические преступления;

26 человек – за нахождение в шайке мятежников;

7 человек – за неблагонадежность в политическом отношении;

85 человек были определены к поселению без объяснения причин»³⁷⁹.

Приведенные в перечнях сведения показывают, что:

1) Большинство (87 %) лиц, приговоренных к поселению в Оренбургской губернии в 1863 – 1864 годах, принадлежали к непривилегированному сословию.

2) Большинство (53 %) лиц, приговоренных к поселению в Оренбургской губернии, являлись уроженцами Северо-Западного края.

3) Большинство (65 %) лиц, приговоренных к поселению в Оренбургской губернии, непосредственно состояли в отрядах мятежников.

Следовательно, принудительное поселение на казенных землях являлось основным видом наказания для политических преступников из простого сословия, исключавшим возможность их возвращения на прежние места жительства.

Высылка в Оренбургскую губернию большого числа участников Польского восстания 1863 года способствовала их разделению на группы по национальному, социальному и политическому признаку. По наблюдениям Троицкого городского исправника Ломичева в 1863 году и до середины 1864 года каждый из поляков, присылаемых в город, встречался прежде высланными «с особым радушием и поляки были очень дружны между собой». Со временем этот энтузиазм прошел, и они, «взглянув друг на друга, увидели, что многие не только не стоят сочувствия, но и не могут быть знакомыми». После «такого отрезвленного взгляда поляки

³⁷⁹ Четвериков С.А. Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 4. 2016. С. 25 – 26.

разъединились», а отношения между ними стали отношениями людей, живущих в одном городе, но не имеющих ничего общего³⁸⁰.

В 1864 году в г. Оренбурге разобщенность политических ссыльных привела к возникновению неприязни между поляками и уроженцами Западного края. Для ее прекращения в г. Уфу на жительство под надзором полиции был доставлен дворянин Гродненской губернии Телесфор Горский, который «вел нетрезвую жизнь» и был «нетерпим проживавшими в Оренбурге поляками за грубость по отношению к ним»³⁸¹.

В то же время в домах польских ссыльных (например, проживавшего в г. Уфе дворянина Антона Бржезинского³⁸²) подавались праздничные обеды, на которых присутствовали до двадцати ссыльных. Это привело к возникновению слухов о подготовке ссыльными поляками восстания.

9 марта 1864 года уфимский полицмейстер Н. П. Сысоев составил рапорт, сообщавший оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку, что проживающая в г. Уфе под надзором полиции дворянка Бржезинская «принадлежит к лицам, самым подозрительным в политическом отношении». Из средств тайного комитета она выдает каждому приходящему к ней польскому ссыльному от трех до пяти рублей. Обратившийся к Бржезинской за деньгами ссыльный дворянин де Валерн донес, что старшина комитета в Уфе – дворянин Солтан – получил от проживающего в Самаре ссыльного Бялобжеского письмо, в котором сообщалось о прибытии транспорта с оружием для поляков. Между поляками, служащими в Уфимском батальоне, учреждены десятники, которые получают приказы от члена комитета сотника Эрдмана. «Распоряжение вырезать здешний батальон, было уже сделано, но не состоялось, потому что помещенные в здании коннозаводства поляки не решились броситься без оружия на караульных солдат. Это намерение не оставлено и избираются другие средства»³⁸³.

³⁸⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 184. Л. 48об – 49.

³⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 521. Л. 1.

³⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 484. Л. 13.

³⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 493. Л. 3об.

Расследование, проведенное Н. П. Сысоевым, установило связь прапорщика Мясковского с поляками, присылаемыми в г. Уфу за участие в восстании. Также им были найдены письма к руководителям польского комитета. Однако сведения о наличии у ссыльных оружия не подтвердились. Поэтому прапорщик Мясковский был помещен под строгий надзор полиции, а руководитель уфимского отделения тайного комитета помощи польским ссыльным Антон Бржезинский 17 апреля 1864 года был выслан на жительство в г. Верхнеуральск под строгий гласный надзор полиции.

Появление слухов о подготовке ссыльными поляками восстания усиливало враждебность местных жителей. 20 марта 1864 года гражданский губернатор Г. С. Аксаков довел до сведения оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака, что мещанин Варшавской губернии Вильгельм Глоссе, состоявший под надзором полиции в г. Челябинске, был избит крестьянами села Чумляцкого. На вопрос о причине избиения крестьяне ответили, что «он мятежник, перебил много наших, так и его нужно бить»³⁸⁴.

25 апреля 1865 года заболевшему польскому поселенцу Борткевичу было отказано в лечении сначала конторой Оренбургского военного госпиталя, а потом и Оренбургской городской больницей по причине отсутствия мест для лечения лиц, состоявших под надзором полиции³⁸⁵.

Подозрительному отношению жителей Оренбургской губернии к польским политическим ссыльным способствовало поведение некоторых из них. 17 декабря 1863 года оренбургский и самарский генерал-губернатор А. П. Безак получил уведомление от гражданского губернатора Г. С. Аксакова о начале расследования в отношении ссыльной дворянки Бржезинской.

Согласно доносу находившегося у нее в услужении уфимского мещанина Тимофея Изикеева 9 декабря 1863 года на обеде у Бржезинских присутствовали до двадцати ссыльных поляков. «Проходя из столовой в кухню с посудой (Изикеев) встретил в дверях сына Бржезинского Григория, и на просьбу

³⁸⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 478. Л. 23.

³⁸⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 90. Л. 54.

посторониться, видя шалость мальчика, не хотевшего его пропустить, отодвинул его в сторону локтем». Ребенок закричал, что его бьют. На крик выбежала дворянка Бржезинская и ударила Изикеева четыре раза по лицу, а потом «схватила нож и угрожала им»³⁸⁶.

16 ноября 1865 года из г. Верхнеуральска в отдаленные уезды губернии были переведены на жительство под надзор полиции ссыльные Богинский, Мункевич, де-Валерн и Грабовский. Они обвинялись в том, что «несмотря на неоднократные замечания и принимаемые полицейские меры, ведут нетрезвую жизнь. В трезвые минуты занимаются мошенничеством и часто обманывают горожан, например, выдавая себя за маляров, берут вещи к себе, портят их, или вовсе не возвращают хозяевам, забирая постоянно деньги вперед, под предлогом закупки материалов»³⁸⁷.

При этом местная администрация, в нарушение циркуляров Министерства внутренних дел, охотно зачисляла политических ссыльных на государственную службу, что вызвало подозрение в ее «предрасположенности» к ссыльным.

16 сентября 1863 года министр внутренних дел П. А. Валуев потребовал от гражданского губернатора Г. С. Аксакова объяснить необходимость принятия им на службу большого числа политических преступников. Основанием для данного требования стал поступивший донос, сообщавший, что «Начальник Оренбургской губернии, по влиянию жены и родственников, предоставляет должности большей частью лицам, не обладающим необходимыми качествами и не представляющим ручательство в их благонадежности»³⁸⁸.

В числе неблагонадежных в политическом отношении лиц, принятых Г. С. Аксаковым на государственную службу, назывались:

1) назначенный судебным следователем в Златоустовский округ бывший воспитанник Горыгорецкого Земледельческого Института Никитин (Г. С. Аксаков объяснял его назначение тем, что он был сослан за пение студенческих песен и ни

³⁸⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 484. Л. 13об.

³⁸⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 508. Л. 4.

³⁸⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 482. Л. 1.

в чем антиправительственном, кроме «наклонности к гулянкам»³⁸⁹, замечен не был);

2) назначенный помощником Уфимского уездного исправника Табаровский (он родился в России, «польский язык знает весьма плохо» и женат на русской);

3) назначенный следователем в Белебеевском уезде Панфилов (на хорошем счету за знание дела; однако не одобряет репрессивных мер правительства против поляков и оправдывает их любовью к своей отчизне);

4) становой пристав Златоустовского округа Гонусовский (был отстранен от службы за то, что у его жены собирались поляки);

5) арестованные за распространение возмутительных сочинений судебные следователи Владимир и Василий Жуковские.

25 октября 1863 года оренбургский гражданский губернатор Г. С. Аксаков сообщил министру внутренних дел П. А. Валуеву, что причиной зачисления этих лиц на государственную службу является «совершенный недостаток в губернии способных и подготовленных людей»³⁹⁰.

В дальнейшем на государственную службу им были приняты: политический ссыльный Завадский – на должность судебного следователя Челябинского уезда; Михаил Абаканович – приставом 1-го стана Оренбургского уезда; Александр Пржыстанский – Троицким городовым врачом. Троицким уездным врачом был назначен политический преступник Иосиф Малишевский; ветеринарным врачом Троицкого уезда – Франц Окуневич; врачом 3-го участка Башкирского народа – Антон Сикорский; акушером врачебного отделения Оренбургского губернского правления – Эдуард Логинович. Лекарями Оренбургского казачьего войска стали политические преступники Адольф-Август Янковский и Иосиф Лебель³⁹¹.

Лечением польских ссыльных, не знавших русского языка, в Уфимской тюремной больнице занимался ссыльный Петр Орловский³⁹².

³⁸⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 482. Л. 4.

³⁹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 482. Л. 7.

³⁹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8023. Л. 59.

³⁹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 514. Л. 9.

Большое количество политических преступников, состоявших на службе в государственных учреждениях Оренбургской губернии, породило у наместника Северо-Западного края Н. М. Муравьева мнение, что здесь польские уроженцы «пользуются большой свободой»³⁹³.

В действительности польские ссыльные сталкивались с пренебрежением со стороны местных властей. Лишь малой части из них было дозволено поступить на службу. Запросы, поступающие от бывших воспитанников учебных заведений о возможности продолжить обучение, отклонялись. Казенное пособие выдавалась лицам, высланным под надзор полиции, только после подтверждения сведений об их бедственном материальном положении.

Теплой одеждой во время пересылки снабжались только лица, назначенные к поселению на казенных землях Оренбургской губернии, причем их личная одежда отбиралась и заменялась арестантской. Поэтому после прибытия на места поселения они вынуждены были искать помощи в приобретении гражданской одежды у «благотворительных лиц», которыми часто оказывались проживавшие в губернии поляки³⁹⁴.

Уроженцы Западного края и Царства Польского, которые были осуждены к высылке на неперемное жительство под полицейским надзором, отправлялись из г. Варшавы в собственной гражданской одежде. Это было главной причиной распространения среди ссыльных простудных заболеваний и обморожений. Например, в ночь с 17 на 18 января 1864 года в г. Белебее, вследствие позднего обращения за лечением, скончался простудившийся при пересылке Казимир Валентович³⁹⁵. В городскую больницу были отправлены присланные в город за политические стремления Владислав Галинский, Игнатий Доминский, Блажей Угминский и Станислав Желейский.

Критическая ситуация для польских ссыльных сложилась 7 февраля 1864 года³⁹⁶, когда Оренбургская палата государственных имуществ довела до

³⁹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 492. Л. 2.

³⁹⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 535. Л. 16об.

³⁹⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

³⁹⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 74. Л. 20.

сведения оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака об отсутствии средств на отопление и освещение помещений, предназначенных для содержания политических преступников. В результате этого 18 февраля 1864 года польский уроженец Ян Яценшак умер в Уфимском тюремном замке от холода. Узнав о случившемся, гражданский губернатор Г. С. Аксаков приказал выдать ссыльным 100 полушубков, оставшихся от поставки в рекруты, что позволило избежать дальнейших смертей. Следовательно, местная администрация обращала внимание на бедственное положение ссыльных только в случае крайней необходимости.

Вместе с тем в первой половине 1860-х годов в Оренбургскую губернию из внутренних губерний империи на непереносимое жительство под надзор полиции и начальства за политические преступления были высланы 12 человек, из которых пятеро являлись отставными военными, признанными неблагонадежными в политическом отношении; трое обвинялись в подстрекательстве крестьян к неисполнению распоряжений начальства; двое – в неблагонамеренных поступках. Князь Митрофан Мещерский был выслан под надзор полиции за предосудительные поступки. Крестьянин Пермской губернии Василий Васильевич Кардополов был поселен на казенных землях в Троицком уезде вместе с семейством за причастность к секте «Братство цесных»³⁹⁷.

Всего в рассматриваемый период на жительство в Оренбургскую губернию за политические преступления были сосланы 1 380 человек, из которых 1 337 являлись уроженцами Западного края и Царства Польского (для сравнения, в Сибирские губернии после подавления восстания в Царстве Польском были высланы 23 056 человек³⁹⁸). Таким образом, уроженцами внутренних губерний в данный период являлись всего чуть более 3 % ссыльных.

Из общего числа политических ссыльных первой половины 1860-х годов, проживавших в Оренбургской губернии, дворянами являлись 404 человека (33 % от их общего числа); мещанами – 350 человек (28 %); крестьянами – 310 человек

³⁹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 495. Л. 47об.

³⁹⁸ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007, С. 295.

(25 %); однодворцами – 85 человек (7 %). К польской шляхте относились 59 человек (5 % от общего числа ссыльных). Ксендзами являлись 25 человек (2 % от общего числа ссыльных).

Следовательно, лица привилегированных сословий к 1865 году перестали составлять абсолютное большинство политических ссыльных.

В середине 1865 года число лиц, присланных в Оренбургскую губернию по политическим причинам, достигает максимального значения. Главной категорией политических преступников становятся лица, признанные участниками восстания, произошедшего в 1863 году в Западном крае. Основным видом наказания для участников восстания, принадлежавшим к привилегированным сословиям была высылка на жительство под надзор полиции и начальства. Для представителей простого сословия принудительное поселение в сельской местности на казенных землях в Европейских губерниях империи. При этом все лица, присланные на жительство в Оренбургскую губернию без наделения землей, относились к числу административных ссыльных, а принудительное поселение считалось наказанием, исключавшим возможность возвращения преступников на прежние места жительства.

Лица, высланные в Оренбургскую губернию под надзор полиции, лишались права на неприкосновенность личной переписки; им было запрещено покидать назначенные правительством места пребывания, обучать детей, вступать в гражданскую и государственную службу. Их наказание распространялось на членов семей, добровольно отправившихся за ними в ссылку.

Лица, поселяемые на казенных землях, лишались всех прав состояния и по прибытии причислялись к крестьянскому сословию.

Единовременная присылка в Оренбургскую губернию большого количества поляков способствовала возникновению слухов о подготовке ими вооруженного восстания, которые подогревали враждебность местных жителей.

§ 3.2. Утрата Оренбургской губернией статуса места размещения большого числа политических ссыльных

Вторая половина 1860-х годов ознаменовалась утратой Оренбургом статуса окраины империи. В результате этого резко сократилось число лиц, присылаемых на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию по политическим причинам. Основной категорией ссыльных стали участники восстания 1863 года, получившие разрешение переселиться из Сибири во внутренние губернии страны. Перманентное сокращение количества политических ссыльных, одновременно проживавших в Оренбургской губернии, обуславливалось последовательными амнистиями различных групп участников восстания 1863 года.

5 мая 1865 года в целях устранения неудобств в управлении краем и ввиду необходимости лучшего устройства администрации Оренбургская губерния была разделена на две части. Уфимскую губернию образовали из Уфимского, Бирского, Белебеевского, Стерлитамакского, Златоустовского и Мензелинского уездов. В составе Оренбургской губернии были оставлены Оренбургский, Челябинский, Орский, Верхнеуральский и Троицкий уезды³⁹⁹, в которых под надзором полиции проживали 194 политических ссыльных (57 человек – в г. Челябинске, 56 человек – в г. Оренбурге, 45 человек в – г. Троицке, 36 человек – в г. Верхнеуральске). В Оренбургском и Челябинском уездах проживали 239 человек, высланных за причастность к Польскому восстанию 1863 года⁴⁰⁰.

К концу 1865 года на территорию Оренбургской губернии по политическим причинам были высланы 235 человек, из которых 180 человек были уроженцами Западного края⁴⁰¹.

Наибольшее число политических ссыльных (537 человек⁴⁰²) одновременно проживало в новых границах Оренбургской губернии в первой половине 1866 года. Из них 238 человек состояли под надзором полиции в городах губернии, а

³⁹⁹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1867, Т. XL. Ч. 1. № 42058.

⁴⁰⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 184.

⁴⁰¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 190. Л. 1.

⁴⁰² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 21.

299 человек были поселены на казенных землях Оренбургского и Челябинского уездов за причастность к восстанию 1863 года.

В дальнейшем число политических ссыльных, единовременно проживавших на территории Оренбургской губернии, перманентно сокращалось. Исключение составляли лишь годы крупных амнистий, когда число данных лиц возрастало за счет преступников, получивших разрешение переселиться из Сибири.

«Ведомости о лицах, состоявших под надзором полиции» показывают, что во второй половине 1867 года в городах Оренбургской губернии проживали 262 политических ссыльных⁴⁰³.

В 1868 году – 204 политических ссыльных⁴⁰⁴.

В 1869 году под надзором полиции состояли 124 политических ссыльных, 240 человек проживали в уездах губернии⁴⁰⁵.

В 1870 году в Оренбургской губернии под полицейским надзором проживал 131 политический ссыльный⁴⁰⁶.

В 1871 году – 101 политический ссыльный.

В 1872 году в городах Оренбургской губернии проживали 83 политических ссыльных, а 220 человек, виновных в политических преступлениях, состояли под полицейским надзором в селениях Оренбургского и Челябинского уездов⁴⁰⁷.

Вместе с тем, сведения о лицах, поселенных на казенных землях по политическим причинам, поступали в канцелярию оренбургского генерал-губернатора без предварительной проверки и носили приблизительный характер. Например, умерший от горячки 2 апреля 1869 года уроженец Царства Польского Доменик Дворак числился в списках лиц, проживавших в Челябинском уезде до 23 октября 1872 года⁴⁰⁸.

В 1873 году в городах Оренбургской губернии под полицейским надзором находились 93 человека, высланных по политическим причинам, 241 участник

⁴⁰³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 271.

⁴⁰⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 291.

⁴⁰⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 313.

⁴⁰⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 345.

⁴⁰⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 366.

⁴⁰⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 28. Л. 245.

Январского восстания 1863 года проживал под надзором начальства в селениях Оренбургского и Челябинского уездов⁴⁰⁹.

В 1874 году, вследствие дарования большинству участников Польского восстания 1863 года права переселиться из Сибири во внутренние губернии империи, число политических ссыльных, состоявших под надзором полиции в Оренбургской губернии, возросло до 143 человек⁴¹⁰.

В 1875 году число политических ссыльных, проживавших в Оренбургской губернии под надзором полиции, сократилось до 30 человек⁴¹¹. Большинство лиц (175 человек), поселенных в уездах Оренбургской губернии за причастность к политическим беспорядкам в Западном крае в 1863 году, получили разрешение выехать на родину или приписаться к городскому сословию Оренбургской губернии (приложение 6).

В 1876 году в Оренбургской губернии под надзором полиции состояли 23 политических ссыльных⁴¹².

В 1877 и 1878 годах – 22 политических ссыльных.

В 1879 году – 19 политических ссыльных.

В первой половине 1880 года – всего 17 политических ссыльных⁴¹³.

Таким образом, число политических ссыльных, единовременно состоявших под надзором полиции в Оренбургской губернии, сократилось с 1865 по 1880 год в 14 раз – с 238 до 17 человек. Причина этого заключалась в последовательной амнистии различных категорий участников восстания 1863 года (приложение 7).

Первая массовая амнистия участников Польского восстания 1863 года была объявлена именованным указом 17 мая 1867 года⁴¹⁴, в соответствии с которым:

1. От судебного преследования освобождались все лица, находившиеся под следствием по политическим делам, не обвинявшиеся в уголовных преступлениях (убийствах, поджогах, грабежах).

⁴⁰⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 48.

⁴¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 765. Л. 11.

⁴¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 786.

⁴¹² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 505.

⁴¹³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 604.

⁴¹⁴ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1871, Т. XLII. Ч. 1. № 44601.

2. Запрещалось возбуждать новые политические дела против участников политических беспорядков в Царстве Польском, не обвинявшихся в уголовных преступлениях (убийствах, поджогах, грабежах).

3. Уроженцы Царства Польского, высланные в административном порядке во внутренние губернии империи или Сибирь под надзор начальства и полиции, в случае одобрения их поведения начальством, могли возвратиться на родину. Возможность возвращения на родину лиц для духовного звания отдавалась на усмотрение наместника Царства Польского.

4. Уроженцы Западных губерний, высланные в административном порядке, в случае одобрения их поведения начальством, могли выехать из мест ссылки на жительство в Царство Польское.

Начальники губерний, в которых проживали польские ссыльные, согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 1571 от 29 мая 1867 года должны были сообщать наместнику Царства Польского о каждом случае выдачи бывшим ссыльным разрешения на переселение. В отношении уроженцев Западного края им предписывалось указывать причины, приведшие к высылке, для учреждения за бывшими ссыльными соответствующего наблюдения⁴¹⁵.

Лица, получившие прощение, но отказавшиеся от возвращения в Царство Польское, в соответствии с предписанием Министерства внутренних дел № 5327 от 8 августа 1867 года, были оставлены под надзором полиции⁴¹⁶.

Уездным исправникам предписывалось подготовить два списка:

А) список ссыльных, имевших право выехать в Царство Польское;

Б) список лиц, заслуживавших возвращения на родину, о причинах высылки которых, имеются неполные сведения.

Данные списки были получены оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановским 26 августа 1867 года. Ознакомившись с ними, он потребовал от оренбургского губернатора К. Н. Боборыкина пересмотреть эти списки, во избежание «применения милости к лицам ее недостойным: Трудно поверить,

⁴¹⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 15.

⁴¹⁶ Там же. Л. 18.

чтобы 44 лица первого списка и 52 второго ... после двухлетнего пребывания в Оренбургском крае сделались все из мятежников людьми благонадежными»⁴¹⁷.

Новые списки, содержавшие 42 фамилии ссыльных, 24 сентября 1867 года были просмотрены и утверждены Н. А. Крыжановским. Разрешение отправиться в Царство Польское к концу 1867 года получили 60 ссыльных, из них 22 состояли под надзором в г. Челябинске; 18 – в г. Верхнеуральске; 12 – в г. Троицке и 8 человек в г. Оренбурге.

4 сентября 1867 года согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 187⁴¹⁸ право возвратиться на родину, с запретом въезжать в пределы России, было даровано иностранцам, наказанным за участие в Польском восстании 1863 года. Лицам, покидавшим места ссылки за собственный счет, выдавались особые свидетельства с указанием пограничного пункта, к которому они должны были проследовать прямым путем, не останавливаясь в пределах империи. Ссыльные, не имевшие собственных средств на путевые издержки, следовали к пограничным пунктам в этапном порядке.

Во исполнение этого циркуляра правом выехать на родину воспользовались трое иностранных подданных, высланных за участие в Польском восстании в Оренбургскую губернию, а два человека обратились к министру внутренних дел с просьбой разрешить им принять российское подданство.

2 ноября 1867 года в циркуляре Министерства внутренних дел № 242 были определены особые правила, регулировавшие порядок переселения ссыльных в Царство Польское. Лицам привилегированных сословий, имевшим собственные средства для отправления на родину, выдавались свидетельства, разрешавшие свободный проезд в г. Варшаву, но запрещавшие останавливаться в пределах Европейской России. Прибыв в г. Варшаву бывшие ссыльные должны были отметиться в «Управлении варшавского обер-полицмейстера»⁴¹⁹ (приложение 8).

Лица, принадлежавшие к привилегированным сословиям, не имевшие средств на путевые издержки, отправлялись в г. Варшаву:

⁴¹⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 153 об.

⁴¹⁸ Там же. Л. 20.

⁴¹⁹ Там же. Л. 27 – 28.

- 1) в арестантских поездах и вагонах;
- 2) по главному ссыльному тракту от г. Ачинска до г. Нижнего Новгорода;
- 3) на подводах пеше-этапным порядком.

Ссылные, которые отправлялись в Царство Польское этапным порядком, находились при арестантских партиях под особым надзором стражи «не в роде арестантов». Они подчинялись всем правилам, которые действовали на время пересылки арестантов, за исключением наложения оков. «В ожидании отправки по железным дорогам или пароходами, а также при остановках на ночлег они помещались в тех же зданиях, в которых располагались партии пересыльных арестантов, и подчинялись всем правилам, которые изданы для арестантов, за исключением наложения оков. Размер их багажа не должен был превышать 30 фунтов на одного человека»⁴²⁰.

В целях сокращения числа просьб, поступавших от ссыльных о назначении им денежного пособия, министр внутренних дел П. А. Валуев 19 декабря 1867 года запретил направлять в Царство Польское проживавших под надзором полиции во внутренних губерниях страны уроженцев Западного края из числа однодворцев, крестьян и простолюдинов, высланных туда в административном порядке⁴²¹.

Таким образом, иностранные подданные и лица, чье поведение одобрялось начальством, являлись первыми участниками восстания 1863 года, получившими прощение.

25 мая 1868 года облегчение участи было дано политическим преступникам, которые были осуждены до 1 января 1866 года. Лицам, сосланным под надзор полиции в Сибирь, разрешалось обращаться в Министерство внутренних дел с просьбами о своем переводе на жительство в отдаленные Европейские губернии страны под полицейский надзор⁴²².

Лицам, которые были подвергнуты административному или уголовному наказанию за участие в Польском восстании 1863 года, не достигшим на момент

⁴²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 627. Л. 24.

⁴²¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 4.

⁴²² ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1873, Т. XLIII. Ч. 1. № 45898.

своего осуждения 20-летнего возраста, не состоявшим на службе, было даровано прощение. Уроженцы Царства Польского могли возвратиться на родину, а жители Западного края – в губернии, определенные для ссылки участников Январского восстания 1863 года, с воспрещением им поступать на государственную службу. Лица, которые приговоренные к каторжным работам, не имели права выехать на родину или переселиться в Европейские губернии⁴²³.

Во исполнение этого повеления был составлен список лиц, присланных за причастность к Январскому восстанию 1863 года в Оренбургскую губернию, не достигших на момент наказания 20-летнего возраста. В г. Челябинске проживали Иосиф Станкевич (выслан в 16 лет); Александр Маевский, Павел Александрович Миллер (высланы в 17 лет); Адам Левинский, Валерия Творковская (Бояровская) (высланы в 18 лет); Петр Яцкевич (выслан в 19 лет)⁴²⁴.

В г. Оренбурге проживали Иван Дусай (выслан в 17 лет); Густав Контковский, Франц Парфинович и Бартоломей Сверчинский (были высланы в 19 лет)⁴²⁵.

В г. Верхнеуральске находились Адам Йодковский (выслан в 15 лет), Иосиф Собоцинский (выслан в 19 лет). В г. Троицке – Эдуард Подегимский и Игнатий Гавронский (были высланы в 19 лет)⁴²⁶.

Однако 20 августа 1868 года был издан уточняющий это повеление циркуляр Министерства внутренних дел № 165, согласно которому помилование распространялось только на лиц, не достигших 20-летнего возраста к моменту прибытия на места ссылки. Уроженцам Царства Польского позволялось выехать в губернии, определенные для ссылки участников восстания, где они должны были состоять под секретным полицейским надзором. Они лишались права на выезд из места проживания, без подчинения их корреспонденции просмотру начальства.

Несовершеннолетним участникам восстания 1863 года, осужденным к поселению на казенных землях, запрещалось покидать места поселения, так как

⁴²³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 278. Л. 1.

⁴²⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 278. Л. 10.

⁴²⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 278. Л. 7.

⁴²⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 278. Л. 20.

их наказание «было сопряжено с постоянным нахождением в означенных местах»⁴²⁷.

В соответствии с данными уточнениями разрешение отправиться на родину получили двое из четырнадцати ссыльных, не достигших на момент осуждения 20-летнего возраста.

27 декабря 1868 года нижние чины, уволенные со службы и поселенные на казенных землях по политическим причинам, получили право возвратиться на прежние места жительства⁴²⁸.

К концу 1868 года разрешение выехать в Царство Польское с территории Оренбургской губернии получил 121 политический ссыльный, из них 30 человек выехали за собственный счет; 83 человека ожидали отправки в этапном порядке, а 8 человек решили поселиться в Оренбургской губернии⁴²⁹.

Следующая массовая амнистия политических преступников была объявлена Комитетом министров 17 мая 1871 года. Прежние права состояния, кроме прав на изъятое государством недвижимое имущество, были возвращены:

«а) лицам, отданным в военную службу или высланным на жительство под надзор полиции с лишением всех прав состояния, переселившимся из Сибирских губерний в Европейские губернии России или Царство Польское;

б) политическим преступникам, воспользовавшимся правом приписаться к сельским или городским обществам в Сибири;

в) законным детям участников Польского восстания 1863 года, рожденным после их осуждения»⁴³⁰.

Ссыльные, прожившие в Европейских губерниях России не менее двух лет, были освобождены от полицейского надзора и получили разрешение проживать на всей территории империи, кроме столиц и столичных губерний. Уроженцам Западного края и католическим священникам было запрещено возвращаться на прежние места проживания. Всем бывшим ссыльным, освобожденным от

⁴²⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 278. Л. 31.

⁴²⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 629. Л. 15.

⁴²⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 259. Л. 291.

⁴³⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1874, Т. XLVI. Ч. 1. № 49597.

полицейского надзора, запрещалось поступать на службу в государственные и общественные учреждения.

Дополнительные разъяснения касательно лиц, на которых распространяется действие повеления от 13/17 мая 1871 года, были даны циркуляром Министерства внутренних дел № 154 от 7 июля 1871 года⁴³¹, согласно которому:

1) прежние права состояния возвращались не только лицам, выехавшим на основании высочайших повелений в 1866 и 1868 годах из Сибирских губерний, а всем ссыльным, лишенным прав состояния по политическим причинам;

2) от полицейского надзора освобождались все политические преступники, прожившие в Европейских губерниях России не менее двух лет;

3) лица, не достигшие 20-летнего возраста к моменту прибытия на места ссылки, освобождались от полицейского надзора. Им разрешалось свободно проживать в пределах империи, за исключением территории Западного края.

Право применения высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 года, согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 159 от 9 июля 1871 года, вверялось начальникам губерний, в которых проживали ссыльные. При этом помилованию не подлежали ссыльные, которые «по поведению своему и образу мыслей, или по каким-либо другим соображениям, признавались незаслуживающими облегчения участи»⁴³².

В соответствие с циркуляром Министерства внутренних дел № 215 от 23 сентября 1871 года прежние права состояния возвращались лицам, высланным по политическим причинам в Европейские губернии России вне зависимости от возложенных на них наказаний. Им разрешались временные отлучки на родину, позволялось выехать в Царство Польское⁴³³. Возможность выехать на родину получили политические преступники, приговоренные к каторжным работам.

К концу 1871 года разрешение выехать из Оренбургской губернии на жительство в Царство Польское получили 45 человек⁴³⁴. Разрешение поселиться в

⁴³¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 17.

⁴³² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 16.

⁴³³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 43.

⁴³⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 108об. – 109.

Оренбургской губернии – Войцех Лучинский⁴³⁵, Владислав Симонович⁴³⁶, Иван Дусай⁴³⁷ и Феликс Бржостовский⁴³⁸, не пожелавшие возвратиться в Царство Польское, так как завели хозяйство и женились на месте ссылки.

Порядок освобождения из ссылки католических священнослужителей был определен 28 апреля 1872 года циркуляром Министерства внутренних дел № 80. Ксендзам, которые были лишены права совершать духовные требы, разрешалось покидать определенные правительством для них места пребывания только после получения одобрения от Департамента духовных дел иностранных исповеданий «по билетам, выдаваемым начальниками губерний». Изъятие ксендзов от надзора полиции могло быть осуществлено только после получения особого разрешения из Министерства внутренних дел⁴³⁹.

31 мая 1873 года на основании циркуляра Министерства внутренних дел № 84 от полицейского надзора были освобождены все лица, «сосланные по случаю мятежа в Сибирь» и получившие право переехать во внутренние губернии империи⁴⁴⁰.

Следующая массовая амнистия политических преступников была объявлена 9 января 1874 года⁴⁴¹. Лицам, лишенным всех прав состояния, высланным под надзор со стороны полиции до 1 января 1871 года, а также их законным детям, рожденным после осуждения, даровались прежние права состояния.

Лицам, высланным по политическим причинам под надзор полиции без лишения прав состояния, разрешалось отправиться на родину (за исключением ссыльных ксендзов).

Политическим ссыльным, проживавшим под надзором полиции в Сибири, разрешалось переселиться во внутренние губернии (за исключением ссыльных ксендзов).

⁴³⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 732.

⁴³⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 761.

⁴³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 763.

⁴³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 656.

⁴³⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 130.

⁴⁴⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 439. Л. 1.

⁴⁴¹ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1876, Т. XLIX. Ч. 1. № 53017.

Политическим ссыльным, проживавшим в Европейских губерниях России под надзором полиции, разрешалось поступать на государственную службу⁴⁴².

Списки лиц, освобожденных от полицейского надзора, а также списки лиц, пожелавших поступить на государственную службу или возвратиться на родину, должны были передаваться в Третье отделение, а также варшавскому генерал-губернатору и наместнику Западного края, с обозначением в них фамилии, имени, отчества и происхождения ссыльных.

Дополнительные разъяснения касательно лиц, на которых распространяется действие повеления от 9 января 1871 года, были даны циркуляром Министерства внутренних дел № 59⁴⁴³ от 29 мая 1874 года, согласно которому:

1) действие повеления распространялось не только на участников восстания 1863 года, а на всех лиц, высланных за государственные преступления до 1 января 1871 года;

2) от полицейского надзора освобождались все политические преступники, переселившиеся в Европейские губернии России из Сибири;

3) под возвращением ссыльных на родину понималась не только отправка их в губернии, являвшиеся местом рождения, но и переселение в любые губернии Западного края.

На основании данного разъяснения с территории Оренбургской губернии в Царство Польское выехали 46 человек, высланных по политическим причинам.

Единственной категорией участников восстания 1863 года, лишенной права возвратиться на родину к началу 1875 года были лица, поселенные на казенных землях в Европейских губерниях империи. Поэтому 11 января 1875 года министр внутренних дел А. Е. Тимашев разрешил оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому отправлять на родину польских поселенцев, чье поведение характеризовалось как одобрительное, после получения согласия на переселение от начальников тех губерний, откуда были политические преступники ранее высланы.

⁴⁴² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 433. Л. 17.

⁴⁴³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 433. Л. 31.

В целях предотвращения дополнительных казенных расходов и появления в Западном крае людей неимущих, переселение дозволялось лишь тем ссыльным, которые отправлялись к назначенным правительством местам пребывания за свой собственный счет и вернули в казну выданные им ссуды и пособия. Кроме того с поселенцев бралась подписка, что после прибытия на территорию Западного края они не станут обращаться с просьбой о назначении им казенного содержания и в течение девяти месяцев припишутся «к одному из податных сословий»⁴⁴⁴.

28 марта 1875 года право приписаться к городскому сословию получили все уроженцы Царства Польского и Западного края, поселенные на казенных землях за причастность к восстанию 1863 года. Они были освобождены от полицейского надзора и могли свободно переселяться в другие уезды губернии⁴⁴⁵. Временные отлучки в другие губернии разрешались данным лицам только по уважительным причинам: для излечения от болезни, для покупки товаров или для свидания с родными⁴⁴⁶.

Во исполнение этого повеления от надзора в Оренбургской губернии были освобождены 175 польских поселенцев, из которых 82 человека проживали в Оренбургском уезде, а 93 человека – в Челябинском уезде. При этом 7 польских поселенцев были оставлены под надзором полиции, по причине их нахождения под следствием за кражи. Всего в число крестьян Оренбургской губернии к концу 1875 года были зачислены 266 политических ссыльных из уроженцев Западного края и Царства Польского, присланных за причастность к восстанию 1863 года⁴⁴⁷.

К середине 1875 года большинство участников антиправительственных выступлений в Царстве Польском и Западном крае 1863 года покинули места ссылки. Исключение составляли лица, определенные судами в первую категорию мятежников, а также поселенцы, которые не имели средств выплатить выданные им казенные ссуды и пособия. Поэтому 21 мая 1876 года политические ссыльные, поселенные на казенных землях во внутренних Европейских губерниях России,

⁴⁴⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 470. Л. 1.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁴⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 161. Л. 72об.

⁴⁴⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 455.

были освобождены от уплаты выданного пособия и получили разрешение выехать на родину⁴⁴⁸.

Последовательные амнистии различных категорий участников Польского восстания 1863 года сопровождались переселением большого числа политических ссыльных из Сибири в Европейские губернии России. Начало данному процессу положил циркуляр Министерства внутренних дел № 73 от 16 апреля 1866 года⁴⁴⁹, разрешивший лицам, высланным по политическим причинам под надзор полиции в Сибирь, обращаться к министру внутренних дел с просьбами о переселении во внутренние губернии, определенные для размещения участников восстания 1863 года. Ссыльные, получившие разрешение выехать из Сибири во внутренние губернии империи, должны были сами оплачивать все расходы по переселению.

28 октября 1866 года лицам, высланным под надзор полиции на жительство в Сибирь без лишения всех прав состояния, по истечении четырех лет пребывания в ссылке было разрешено обращаться к министру внутренних дел с просьбами о перемещении в отдаленные губернии вне Сибири⁴⁵⁰.

6 марта 1867 года циркуляром Министерства внутренних дел № 37 лицам дворянского сословия, высланным с территории Западных губерний и Царства Польского по политическим причинам в Сибирь без лишения прав состояния, разрешалось обращаться к министру внутренних дел с просьбами о перемещении в губернии, определенные для высылки участников восстания 1863 года⁴⁵¹.

Всего с 1867 по 1879 год из Сибирских губерний в Оренбургскую губернию под полицейский надзор были переведены 117 политических ссыльных. В 1867 году – 2 человека, в 1868 году – 3 человека, в 1869 году – 4 человека, в 1870 году – 8 человек, в 1871 году – 19 человек, в 1872 году – 51 человек, в 1873 году – 11 человек, в 1874 году – 3 человека, в 1875 году – 2 человека, в 1876 и 1877 годах – по 5 человек, в 1878 и 1879 годах – по 2 человека. Таким образом, участники Польского восстания 1863 года, получившие разрешение переселиться из Сибири

⁴⁴⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 485. Л. 24.

⁴⁴⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 6.

⁴⁵⁰ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1868, Т. ХLI. Ч. 2. № 43784.

⁴⁵¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 6об.

во внутренние губернии, составили основную категорию политических преступников, присланных в Оренбургскую губернию во второй половине 1860-х – 1870-х годах.

Вторая половина 1860-х годов ознаменовалась введением дополнительных ограничений для лиц, высланных по политическим причинам. В соответствии с распоряжением оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского от 28 июня 1865 года⁴⁵², корреспонденция лиц, состоявших под надзором полиции, должна была доставляться для предварительного просмотра в его канцелярию. В случае обнаружения подозрительных фраз письма изымались и передавались в Третье отделение. Все письма ссыльных, написанные на литовском языке, вследствие отсутствия в его канцелярии чиновников, знавших данный язык, возвращались отправителям для их исправления. От ссыльных требовали, «чтобы они написали их на русском или на польском языке»⁴⁵³.

Важнейшим документом, определившим положение помещиков, высланных за участие в восстании 1863 года, стал опубликованный 23 декабря 1865 года указ Правительствующего Сената «О воспрещении лицам Польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти Западных губерниях»⁴⁵⁴. Согласно данному указу лица, высланные из Западного края в административном порядке за содействие мятежникам, до 10 декабря 1867 года должны были обменять свои имения на имения, находящиеся в других местностях империи, либо продать их лицам православного или протестантского вероисповедания. С января 1868 года принадлежавшие им имения подлежали продаже с публичных торгов. Данное правило было распространено на всех лиц, высланных из Западных губерний до 10 декабря 1865 года.

Во исполнение этого указа 87 ссыльных, проживавших в Оренбургской губернии под надзором полиции, должны были продать имения в двухгодичный срок. При этом вследствие необходимости личного присутствия при заключении

⁴⁵² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 542. Л. 3.

⁴⁵³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 246. Л. 55.

⁴⁵⁴ Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае. Вильно, 1870, С. 49.

сделки по продаже имения, данные лица получили разрешения на временное пребывание в Западном крае⁴⁵⁵. Тем самым правительство надеялось не допустить возвращения на родину помещиков, неблагонадежных в политическом отношении.

В 1867 году политическим ссыльным было запрещено преподавание любых предметов и посещение любых общественных собраний. Начальникам губерний запрещалось определять ссыльных к любым должностям, занятиям и работам на заводах. Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский запретил брать на государственную службу бывших ссыльных из уроженцев Царства Польского по причине их опасности для общественного порядка⁴⁵⁶.

19 августа 1869 года оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский посчитал «неудобным» допускать детей ссыльных в мужские и женские учебные заведения края. Данное решение он обосновал тем, что дети «под влиянием своих родителей и родственников неминуемо будут проводить вредные идеи. Ребенок, принадлежащий к семье ссыльных поляков, может служить только средством, для приманки русских детей в польские дома... Через ребенка своего сосланные отец и мать проникают в общество учебных заведений и там распространяют свою пропаганду»⁴⁵⁷. Как пример, он привел девятилетнего сына польского ссыльного Козловского, который при других учениках произносил «оскорбительные слова, касающиеся особы императора».

Данный негласный запрет действовал до 15 июля 1870 года и был отменен после требования министра внутренних дел А. Е. Тимашева «не препятствовать» поступлению детей политических ссыльных в учебные заведения Оренбургского края. По его мнению, «взаимодействие польского и русского юношества будет иметь благотворное влияние», в противном случае, «оставаясь в польском кругу», они вырастут враждебно настроенными к правительству, «что вреднее, нежели их допуск в учебные заведения, где дети находятся под постоянным контролем»⁴⁵⁸.

⁴⁵⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 243. Л. 3 – 5.

⁴⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 644. Л. 2.

⁴⁵⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 651. Л. 3 – 3об.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 12.

Подозрительное отношение Н. А. Крыжановского к польским политическим ссыльным объяснялось тем, что в 1861 году он являлся варшавским военным генерал-губернатором и видел неприязнь поляков к «русской администрации». В 1864 году в должности помощника командующего Виленским военным округом, Н. А. Крыжановский участвовал в осуждении лиц, причастных к политическим беспорядкам в Царстве Польском.

В 1871 году политическим ссыльным было запрещено заниматься питейной торговлей и изменять место жительства без разрешения выславшего их лица.

Установленные правительством ограничения должны были сократить число контактов ссыльных с местными жителями и не допустить распространения среди населения губернии идей, «вредных для общественного порядка».

Возвращение политическим ссыльным прежних прав состояния повлекло за собой постепенную отмену большинства установленных для них ограничений. 19 октября 1872 года освобожденным от полицейского надзора ссыльным врачам, ветеринарам, фармацевтам и нижним медицинским чинам было разрешено иметь частную медицинскую практику, но запрещалось поступать на государственную и общественную службу⁴⁵⁹.

10 декабря 1872 года согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 211 от всех установленных правительством ограничений были освобождены дети политических преступников, добровольно последовавшие за своими родителями в ссылку⁴⁶⁰.

Жены политических преступников, добровольно приехавшие к мужьям в ссылку, не замеченные в политической неблагонадежности, были освобождены от всех ограничений 11 декабря 1874 года⁴⁶¹.

В мае 1873 года в соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 70⁴⁶² был прекращен просмотр почтовой и телеграфной корреспонденции ссыльных уроженцев Царства Польского и Западного края. Однако с 30 октября

⁴⁵⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 147.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 148.

⁴⁶¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 456. Л. 38.

⁴⁶² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 359. Л. 172.

1878 года Окружной суд мог предоставить судебным следователям разрешение на осмотр и выемку корреспонденции лиц, состоявших под надзором полиции⁴⁶³.

28 октября 1876 года было отменено установленное «Уставом о ссыльных» (статьи 289 и 290)⁴⁶⁴ отчисление в казну 2 % от суммы, пересылаемой ссыльным по почте. При этом в целях борьбы с участвовавшими случаями бегства ссыльных, с 28 июля 1879 года все отправляемые им по почте деньги доставлялись для выдачи губернаторам, в ведении которых они проживали⁴⁶⁵.

Таким образом, большинство из ограничений, наложенных правительством на политических ссыльных и членов их семей в 1860-х годах, были отменены уже к середине 1870-х годов. Бывшим политическим ссыльным были предоставлены прежние права состояния. Им разрешалось свободно изменять место жительства, посещать столичные и Западные губернии, поступать на государственную или общественную службу, заниматься частной медицинской практикой. Тем самым правительство отказалось от попыток исключить их из общественной жизни.

Вторая половина 1860-х годов ознаменовалась также рядом мероприятий, направленных на улучшение положения политических ссыльных. На основании доклада пермского губернатора Б. В. Струве «о невозможности лиц, состоявших под надзором полиции, оплачивать свое лечение в больницах», 7 марта 1866 года была изменена статья 612 «Устава общественного призрения». Плата за лечение и содержание в гражданских больницах лиц, состоявших под надзором полиции, была возложена на счет казны. На покупку медикаментов для каждого ссыльного дополнительно выделялось по три копейки в сутки. При этом выплаты пособия данным лицам приостанавливались на все время их нахождения в больнице⁴⁶⁶.

9 апреля 1866 года польским поселенцам, перешедшим в православие, было разрешено отлучаться из мест поселения в другие селения внутри губернии для заработка. Начальникам губерний, в отдельных случаях, разрешалось зачислять ссыльных на государственную службу, с сохранением над ними полицейского

⁴⁶³ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1880, Т. LIII. Ч. 2. № 58967.

⁴⁶⁴ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1878, Т. LI. Ч. 2. № 56508.

⁴⁶⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 220.

⁴⁶⁶ ПСЗРИ. Собрание Второе. 1825 – 1881 гг. СПб., 1868, Т. XLI. Ч. 1. № 43078.

надзора⁴⁶⁷. К 23 августа 1869 года в православие перешли 18 человек, поселенных в Оренбургской губернии на казенных землях⁴⁶⁸.

С 14 октября 1870 года согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 242⁴⁶⁹ в документах, выдаваемых бывшим ссыльным, указывались только имя, фамилия, звание, место рождения предъявителя и губерния, на проживание в пределах которой он имеет право. При этом в них запрещалось обозначать, что предъявитель данного документа состоял под полицейским надзором. Данные лица поступали под секретный полицейский надзор и обязаны были уведомлять полицию о перемене места жительства. Тем самым правительство пыталось оградить бывших ссыльных от предвзятого отношения к ним при смене места проживания.

Казенное содержание стало выплачиваться новым категориям политических ссыльных. В соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 193 от 5 октября 1866 года предельный размер пособия ссыльным из привилегированных сословий и лицам, добровольно последовавшим за ними в ссылку, был определен в 72 рубля в год, а детям – 36 рублей в год. Лицам простого сословия назначалась «арестантская дача», размер которой зависел от суммы, расходуемой в каждой губернии на солдатский паек на одного человека в сутки. Участникам восстания 1863 года также полагалось выплачивать из 10 % сбора с помещичьих имений в Западном крае и средств Царства Польского по 45 рублей в год на покупку обуви и одежды⁴⁷⁰.

21 февраля 1867 года право на получение казенного пособия было даровано польской шляхте и неутвержденным герольдией дворянам, высланным за участие в политических беспорядках 1863 года. Размер пособия для данных лиц и их жен был определен в «1 рубль 50 копеек в месяц на наем квартиры и 15 копеек в сутки на пропитание»⁴⁷¹. Дети получали половину указанной суммы.

⁴⁶⁷ ГАОО. Оп. 18. Д. 627. Л. 1.

⁴⁶⁸ ГАОО. Оп. 7. Д. 210.

⁴⁶⁹ ГАОО. Оп. 7. Д. 359. Л. 3.

⁴⁷⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 361. Л. 147.

⁴⁷¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 7.

Назначение пособия ссыльным из простого сословия способствовало росту расходов казны. В 1869 году общая сумма расходов на содержание политических ссыльных в Оренбургской губернии составляла 5545 рублей 72 копейки⁴⁷². На 1870 год предполагаемая сумма расходов была оценена в 5748 рублей 63 копейки. Данная сумма была признана Министерством финансов необоснованно большой. Поэтому 5 июля 1870 года дворянам, лишенным всех прав состояния, было запрещено выдавать казенное пособие на наем квартиры, а членам их семей выплачивать содержание. В результате предполагаемая сумма расходов снизилась на 896 рублей 51 копейку⁴⁷³.

В ноябре 1870 года, в ожидании массовой амнистии, все выплаты ссыльным были прекращены. Это решение Министерства финансов негативно сказалось на благосостоянии лиц, высланных под надзор полиции.

В мае 1871 года проживавшие в г. Троицке политические ссыльные Сильвестр Герман и Виктор Левицкий были арестованы за намерение бежать и произнесение дерзких выражений против правительства. Помещенные под стражу, 2 июня 1871 года они обратились к Оренбургскому губернатору К.Н. Боборыкину с просьбой разрешить им уйти из г. Троицка на заработки, чтобы «не умереть от голода», либо отправить их в другой город, где будет выплачиваться содержание⁴⁷⁴.

16 августа 1871 года дворянин Варшавской губернии Григорий Велинский бежал из г. Троицка и был задержан 18 числа в окрестностях города. На допросе он признался, что причиной побега являлось отсутствие денег на оплату занимаемой им квартиры. Велинский не смог найти работу, а «на прошение милостыни не решился». Оставаясь голодным несколько дней, он бежал, намереваясь совершить самоубийство⁴⁷⁵.

7 сентября 1871 года оренбургскому губернатору К. Н. Боборыкину было доставлено письмо от проживавшего в Челябинске коллежского секретаря Ильи

⁴⁷² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 314. Л. 74.

⁴⁷³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 314. Л. 95.

⁴⁷⁴ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 329. Л. 64.

⁴⁷⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 335. Л. 30.

Бояровского. В письме Бояровский сообщал, что ему с семьей не выдают пособие уже шесть месяцев, и поэтому он вынужден был «наделать долгов и заложить решительно все имеемое...»⁴⁷⁶.

Выплаты ссыльным были возобновлены лишь в марте 1872 года. При этом министр финансов М. Х. Рейтерн довел до сведения начальников губерний, что выдача пособия за прежнее время производиться не будет⁴⁷⁷. Сумма пособия, выплаченного политическим ссыльным в Оренбургской губернии в 1872 году, составила 1891 рубль 68 копеек⁴⁷⁸.

В конце 1860-х годов меняется отношение жителей Оренбургской губернии к лицам, высланным за причастность к восстанию 1863 года. Поляки, посещавшие высшие учебные заведения, стали тайно приглашаться на дом обывателями для подготовки детей к поступлению в гимназии. Например, дворянин Варшавской губернии Ян Ястржембский, «уступая усиленным просьбам родителей», обучал детей русской грамматике, географии, арифметике, французскому, немецкому и латинскому языкам, а также Закону Божьему (Краткому Катехизису и Священной Истории Ветхого Завета), который заучивался по книжкам, без толкований с его стороны⁴⁷⁹.

В октябре 1869 года жандармы, прибывшие для сопровождения на родину в г. Рязань из г. Орска политического ссыльного Ивана Шарова, оказались свидетелями «разных оваций и проводов, устроенных ему обществом и самим исправником»⁴⁸⁰, что противоречило всем правилам содержания политических ссыльных. Орский уездный исправник Д. И. Иванов, объясняя случившееся, сообщил оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому, что «студент Шаров в продолжение двухлетнего пребывания в здешнем городе, успел снискать общее расположение и сочувствие всего здешнего общества. Сочувствие это относилось к его личным качествам, а отнюдь не к особенности его положения. ...

⁴⁷⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 329. Л. 75.

⁴⁷⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 393. Л. 35об.

⁴⁷⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 410. Л. 21.

⁴⁷⁹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 133. Л. 42.

⁴⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 595. Л. 10об.

Поставив себя вровень с нравами, привычками и образом жизни жителей маленького уездного города он был любим всеми»⁴⁸¹.

Широкое распространение получили межнациональные браки. К середине 1869 года из 299 польских уроженцев, поселенных в селениях Оренбургского и Челябинского уездов, 56 человек или 19% женились на православных⁴⁸². Причем брак между ссыльными и местными жителями заключался на общих основаниях. Однако согласно статье 45 «Свода Законов Гражданских» лицам, высланным без лишения всех прав состояния под надзор полиции и имевшим жен на прежнем месте жительства, запрещалось вступать в новые браки.

Католические священнослужители, присланные в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции, пытались проводить полное литургическое богослужение в соответствии со всеми церковными обрядами и в присутствии большого числа лиц. Например, в г. Верхнеуральске тайные ежедневные моления посещали до десяти ссыльных поляков, а также казаки Верхнеуральской станицы Степанов и Иванов, отставные солдаты Валинский, Мачальский, Андрианович и семейство поручика Кудрявцева⁴⁸³.

В конце 1860-х годов г. Оренбург становится местом временного размещения уроженцев Средней Азии, подозревавшихся в политической неблагонадежности, которые из-за «падения их значения, влияния и материальных выгод» старались «возбудить народные смуты»⁴⁸⁴.

23 марта 1869 года в г. Оренбург из г. Уральска был выслан бывший помощник султана-правителя Западной части Области оренбургских киргизов Мухамед-гали Юсупов, подозревавшийся в подстрекательстве к беспорядкам. 30 марта 1869 года местом его постоянного жительства была определена Уфа.

В начале мая 1869 года в г. Оренбург был выслан бывший султан-правитель Области оренбургских киргизов полковник Мухаммед-гали Тяукин, виновный в использовании официального положения для извлечения имущественных выгод,

⁴⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп.18. Д. 595. Л. 18.

⁴⁸² ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 210. Л. 31.

⁴⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 636.

⁴⁸⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 639. Л. 1.

явном противодействии «приведению в исполнение правительственных мер» и в «нерадении, беспечности, и невежестве, свойственном азиатцам»⁴⁸⁵.

12 мая 1869 года полковник Тяукин был отправлен в г. Уфу, а в октябре 1869 года местом его ссылки была назначена Архангельская губерния. Бывший султан-правитель Мухаммед-гали Тяукин получил разрешение возвратиться в г. Оренбург на жительство под строгим надзором полиции 19 декабря 1873 года. В город он прибыл 5 мая 1874 года.

25 сентября 1871 года в г. Оренбург под строгий надзор полиции был прислан сын ахуна киргизской орды мулла Абсатар Джабиров, высланный из г. Уральска за отлучку в 1864 году с семейством в Турцию, откуда он возвратился с паспортом турецкого подданного⁴⁸⁶.

3 марта 1876 года в г. Оренбург были присланы предводители Кокандского восстания: Абдурахман Автобачи, кокандский Шейк-Уль-Ислам; кокандский Кази-Килян; Кучар-Пансат; Анарбай; Халикуль Парнамачи; Абдуль-Джапар; Мулла-Юлдаш-Дахда; Гуль-Мухамед Есаул-баши; Бердибек-Пансат; Альтабай Батыр-баши; Амим Ишик-Агаши⁴⁸⁷.

Бывший предводитель кокандских войск Абдурахман Автобачи высылался из предосторожности, так как его влияние на население могло быть вредным для правительства. Шейк-Уль-Ислам и Кази-Килян города Коканда – как чиновники, виновные в явном сопротивлении правительству, а остальные – как влиятельные лица, враждебно настроенные против правительства. 30 апреля 1878 года данные лица были отправлены на жительство в Екатеринославскую губернию.

С 4 по 19 мая 1876 года в г. Оренбурге, ожидая отправки в Архангельскую губернию, находился предводитель кокандских войск Батыр-Тюря⁴⁸⁸.

31 августа 1878 года в г. Оренбург был выслан уроженец Медины Али-Аман Эфенди, который после окончания срока действия заграничного паспорта вместо выезда из пределов империи на родину, направился в кочевья Сыр-

⁴⁸⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 643. Л. 146.

⁴⁸⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 717. Л. 120об.

⁴⁸⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8471. Л. 33.

⁴⁸⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8471. Л. 52.

Дарьенской и Семиреченской областей для сбора пожертвований на храмы в Медине⁴⁸⁹.

Следовательно, в конце 1860-х годов Оренбургская губерния превратилась в перевалочный пункт на пути следования политических преступников из Средней Азии в Европейские губернии империи.

В 1870-х годах в Оренбургскую губернию начинают высылаться участники народнического движения. С января по июнь 1872 года, в ожидании отправки в Сибирь, в Оренбургском тюремном замке содержался член «Народной Расправы», дворянин Нижегородской губернии Петр Гаврилович Успенский⁴⁹⁰.

В марте 1872 года в г. Верхнеуральск из Иркутской губернии был переведен на жительство под надзор полиции Владимир Александрович Обручев, виновный в распространении журнала «Великорус»⁴⁹¹.

В начале 1879 года за распространение преступной пропаганды в империи в г. Оренбурге под строгим надзором полиции состояли: дворянин Михаил Кипиани⁴⁹², бывший студент Института Лесоводства и Земледелия Игнатий Йосселиани, бывший студент Медико-Хирургической Академии Соломон Аранзон, бывший студент Санкт-Петербургского университета Василий Хрисанфович Степанов и отставной подполковник Ильяс Аитов⁴⁹³.

Дружеские отношения, установившиеся между данными лицами, позволили оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому 30 апреля 1879 года сообщить министру внутренних дел Л. С. Макову, что ссыльные образовали кружок и «стремятся ввести в него новых членов»⁴⁹⁴.

В целях прекращения распространения на территории губернии «вредных политических идей» Кипиани был отправлен в станицу Звериноголовскую; Йосселиани – в г. Верхнеуральск; Аранзон – в г. Белебей; Степанов переведен в

⁴⁸⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8532. Л. 2.

⁴⁹⁰ Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. М., 1928, Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы. С. 417 – 418.

⁴⁹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 724. Л. 1.

⁴⁹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 823.

⁴⁹³ ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.

⁴⁹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 816. Л. 8.

г. Златоуст; Аитов – в г. Мензелинск. Начальнику Оренбургской губернии М. И. Астафьеву было предписано следить, чтобы лица, высланные под надзор полиции по причине их политической неблагонадежности, впредь не поселялись в г. Оренбурге⁴⁹⁵.

Среди политических преступников, присланных в Оренбургскую губернию под надзор полиции во второй половине 1860-х – 1870-х годах, стоит отметить: мещанина Ковенской губернии Бонавентурия Полкача, наказанного за продажу в г. Ковно «неразрешенных цензурой газет и книг на польском диалекте». Крестьянина Астраханской губернии Ефима Журова, присланного за подстрекательство общинников к неповиновению властям. Мещанина Курской губернии Ивана Яковлевича Чумакова, сосланного за доносы на имя императора с указанием в них на неправильные распоряжения должностных лиц, касавшиеся деятельности сословных учреждений. Эти доносы приводили к «волнению умов», вредному для общественного спокойствия⁴⁹⁶.

В 1866 году на службу в Отдельный Оренбургский корпус был отправлен бывший слушатель Московской земледельческой академии Андрей Барановский, обвинявшийся в укрывательстве участников восстания 1863 года⁴⁹⁷.

18 октября 1875 года в г. Троицк был доставлен бывший студент Казанского университета Степан Павлов, обвинявшийся в произнесении дерзких слов против императора. 10 декабря 1875 года Павлов был арестован и заключен в Троицком тюремном замке за то, что «со дня прибытия вел жизнь чрезвычайно не трезвую. Ничем, не занимался. Ночи проводил в полицейском управлении, днем ходил по городу и выпрашивал подаяния», которые «пропивал в кабаках», а также за то, что «в пьяном безобразном виде ворвался в помещение Троицкого общественного собрания и произвел там буйство»⁴⁹⁸.

⁴⁹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 816. Л. 15об.

⁴⁹⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 332.

⁴⁹⁷ Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. М., 1928, Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы. С. 29.

⁴⁹⁸ ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

Подобное антисоциальное поведение некоторых из политических ссыльных было ответом на изменение их материального и правового положения, а также на необходимость соблюдать установленные правительством ограничения. Высылка на жительство под надзор полиции не только не способствовала «исправлению» преступников, но и породила новые проблемы.

Проведенное автором исследование показало, что во второй половине 1860-х годов изменяется роль оренбургской политической ссылки в пенитенциарной системе Российской империи. Разделение Оренбургской губернии и образование Туркестанского генерал-губернаторства становятся причиной утраты г. Оренбургом статуса окраины империи. В результате резко сокращается число политических преступников, присылаемых в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции. Оренбургская губерния утрачивает статус места проживания большого числа политических ссыльных. Это подтверждают ведомости о лицах, высланных в 1875 году в различные губернии Российской империи по политическим причинам под надзор полиции.

Из 2240 человек, высланных в 1875 году за политические преступления, в Иркутскую губернию были доставлены 332 человека, в Тобольскую губернию – 134 человека, в Томскую губернию – 112 человек. В Пермскую губернию были присланы 37 человек, в Вологодскую губернию – 28 человек, в Архангельскую губернию – 26 человек, в Олонецкую губернию – 12 человек, в Костромскую губернию – 7 человек. При этом в Оренбургскую губернию был прислан всего 1 политический преступник⁴⁹⁹.

К концу 1875 года в Сибирских губерниях под надзором полиции состояли 5839 политических преступников, тогда как в Европейских губерниях империи – 599 политических преступников (из них 72 человека в Вологодской губернии, 61 человек в Пермской губернии, 47 человек в Архангельской губернии, 43 человека в Вятской губернии, 30 человек в Оренбургской губернии)⁵⁰⁰.

⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 50. Д. 50.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 6.

Максимальное число политических ссыльных (537 человек) одновременно состояло под надзором полиции в новых границах Оренбургской губернии в 1866 году. Дальнейшее изменение численности политических ссыльных было связано с последовательной амнистией различных категорий лиц, принимавших участие в восстании 1863 года.

В конце 1860-х годов в Оренбургскую губернию стали присылать членов народнического движения и уроженцев Средней Азии, виновных в политической неблагонадежности. В результате этого Оренбургская губерния превратилась в перевалочный пункт на пути следования политических преступников из Средней Азии и Сибирских губерний в Европейские губернии империи.

Законодательные нормы, определявшие положение политических ссыльных в 1865–1880 годах, отличались крайней противоречивостью. Расширение круга лиц, имевших право на получение казенного пособия, сопровождалось введением новых ограничений. Письма ссыльных подлежали обязательному просмотру, им запрещалось преподавание любых предметов (в том числе и польского языка) и посещение общественных собраний. Начальникам губерний запрещалось брать их на государственную и общественную службу. Данные ограничения должны были воспрепятствовать распространению по территории губернии идей, «вредных для общественного спокойствия». Отмена большинства ограничений, установленных для политических ссыльных, была связана с отказом правительства от попыток исключить их из общественной жизни.

Ограничения, установленные для политических ссыльных, были причиной их полной финансовой зависимости от помощи родственников и назначенного им правительством содержания.

В начале 1860-х годов, вследствие запрета зачислять на военную службу политических преступников, основными видами наказаний для лиц, признанных неблагонадежными в политическом отношении, становятся ссылка на жительство под полицейский надзор, а также водворение на казенных землях в отдаленных губерниях империи.

Большинство лиц, высланных в Оренбургскую губернию в данный период, являлись уроженцами Царства Польского и Северо-Западного края, наказанными за участие в польском патриотическом движении.

Участники Январского восстания 1863 года, которые были лишены всех прав состояния, и политические ссыльные из простого сословия поселялись на казенных землях в Оренбургском и Челябинском уездах. Каждому поселенцу выдавалось по 55 рублей серебром на домообзаведение. Для прочного устройства хозяйства к польским ссыльным поселенцам могли быть отправлены члены их семей. Принудительное водворение рассматривалось правительством в качестве наказания, исключавшего возможность возвращения политических ссыльных на прежние места жительства.

Вторая половина 1860-х – конец 1870-х годов ознаменовались постепенной утратой Оренбургской губернией статуса места проживания большого числа политических ссыльных, вследствие выделения из ее состава Уфимской губернии, амнистии участников Польского восстания 1863 года, а также образования в 1867 году Туркестанского генерал-губернаторства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1820-х – 1870-х годах оренбургская политическая ссылка играла важную роль в пенитенциарной системе Российской империи, и рассматривалась властями в качестве:

- 1) смягчающего наказания, заменявшего собой смертную казнь;
- 2) максимально возможного наказания для лиц, проступки которых не подлежали рассмотрению в судебном порядке;
- 3) исправительного наказания, применяемого к лицам, неблагонадежным в политическом отношении;
- 4) «царской опалы», сопряженной с высылкой из столиц на жительство под надзор полиции;
- 5) наказания, призванного не допустить распространения в империи идей, «вредных для общественного порядка»;
- 6) главного инструмента борьбы с антиправительственными настроениями в обществе.

Изначально политическими признавались все преступления, относившиеся к «преступлениям по первым двум пунктам» – это государственная измена, бунт, покушение на жизнь, честь и здоровье правителя, членов его семьи или высших сановников.

В XIX веке к числу политических преступлений были отнесены: а) участие в деятельности тайных обществ, б) публичное распространение ложных слухов, в) распространение или хранение антиправительственных сочинений, г) продажа книг, запрещенных цензурой, д) публичное оскорбление высших сановников, е) издание сочинений, неодобренных цензурой.

Законодательные нормы, регулировавшие правила высылки и содержания политических преступников, устанавливались по мере надобности и содержались отрывочно в статьях различных законодательных актов. При этом отсутствие до середины 1870-х годов единого свода правил, касавшихся различных аспектов

политической ссылки и надзора за ссыльными, приводило к несогласованности в действиях центральных и местных властей.

Лица, высылаемые под надзор полиции по политическим причинам, в целях предотвращения «вредного» влияния на общественное спокойствие, должны были ежедневно являться в полицейские управления. Им запрещалось:

- изменять место жительства;
- поступать на государственную и общественную службу;
- быть попечителями и опекунами;
- заниматься преподаванием любых уроков и обучать ремеслам;
- принимать участие в публичных сценических представлениях, выступать с публичными лекциями, участвовать в публичных собраниях;
- быть учредителями частных обществ и вести делопроизводство в них;
- содержать типографии, литографии, фотографии и библиотеки для чтения, харчевни, постоялые дворы и ссудные кассы;
- публиковать статьи в периодических изданиях.

Однако вследствие недостатка в образованных чиновниках, местные власти зачастую нарушали данные запреты, назначая политических ссыльных на службу в Губернские канцелярии.

Выбор Оренбургской губернии в качестве одного из основных мест ссылки политических преступников определялся ее основными признаками:

- а) географическим положением;
- б) крайне низкой плотностью населения и обширностью пространств;
- в) климатическими условиями Оренбургской губернии;
- г) неразвитостью дорожной сети;
- д) наличием на территории Оренбургской губернии воинских соединений, вследствие ее приграничного положения.

В истории развития оренбургской политической ссылки за период с начала 1820-х до конца 1870-х годов следует выделить несколько этапов:

Первый этап (1820-е – 1831-й годы) – становление Оренбургской губернии в качестве одного из главных мест размещения политических ссыльных. Данный

этап ознаменовался высылкой лиц, признанных виновными в преступлениях по первым двум: членов декабристских организаций и тайных обществ: «Филики Этерия», «Черные братья», «Филареты» и братьев Критских. Окончание первого этапа связано с прекращением высылки на территорию Оренбургской губернии «людей порочного поведения» в мае 1831 года. Одновременно, в соответствии с «Положением о пленных и добровольно переходящих польских чинах» на службу в арестантские роты и батальоны Отдельного Оренбургского корпуса поступили нижние чины регулярных частей Польской Армии и члены народного ополчения и Национальной гвардии Царства Польского, взятые в плен с оружием в руках.

Второй этап (1830-е – 1850-е годы). На данном этапе развития оренбургской политической ссылки основным видом наказания для лиц, подозревавшихся в совершении политических преступлений, становится принудительное зачисление на военную службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса без выслуги лет. В ходе проведенного автором исследования были выявлены три основные категории политических преступников, зачисляемых в оренбургские батальоны в 1830-х – 1850-х годах: а) участники Польского восстания 1830–1831 годов (не менее 1 400 человек); б) лица, виновные в различных политических преступлениях (108 человек); в) члены различных тайных обществ (76 человек).

Зачисление политических преступников на военную службу без выслуги лет означало, что офицерский чин они могли получить только за боевые отличия. Получение офицерского чина для данных лиц приравнивалось к амнистии, так как офицер имел право выйти в отставку и выехать на родину. В результате ссыльные принимали активное участие в военных операциях в Степи, надеясь выслужиться перед начальством. Следовательно, время нахождения политических ссыльных на военной службе в оренбургских батальонах зависело от их желания сотрудничать с местной администрацией.

Прибытие в 1830-х годах на службу в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса большого числа политических преступников способствовало появлению слухов о подготовке ссыльными восстания. Причиной распространения данных

слухов стало создание ссыльными в оренбургских батальонах обществ взаимной материальной и моральной поддержки.

Главной проблемой принудительного зачисления на военную службу являлась необходимость выдачи оружия лицам, неблагонадежно настроенным по отношению к правительству.

Третий этап (1860-е – 1870-е годы). На данном этапе развития оренбургской политической ссылки основными видами наказаний для лиц, подозревавшихся в совершении политических преступлений, становятся ссылка на жительство под полицейский надзор и поселение на казенных землях. При этом большинство политических ссыльных (98 % от их общего числа) составляли уроженцы Царства Польского и Западных губерний, наказанные за участие в Польском восстании 1863 года.

Отличительными чертами польской политической ссылки являлись:

1. Массовость. К середине 1865 года на жительство под полицейский надзор в Оренбургскую губернию были определены 1 337 человек, признанных судами виновными в причастности к Январскому восстанию 1863 года.

2. Всесословность. К середине 1865 года лица привилегированных сословий перестали составлять большинство политических ссыльных.

3. Сословность наказания. Лица привилегированных сословий высылались в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции. К месту ссылки они отправлялись либо под конвоем внутренней стражи в этапном порядке, либо, при наличии собственных средств, в почтовых каретах в сопровождении жандармов. Размер казенного содержания данным лицам был установлен в 1 рубль 50 копеек в месяц на наем квартиры и 15 копеек в сутки на покупку пропитания на каждого взрослого члена семьи. Детям полагалась половина этой суммы.

Участники восстания 1863 года, лишенные всех прав состояния и ссыльные из простого сословия подлежали поселению на казенных землях в Оренбургской губернии. Из расположенного в г. Пскове сборного пункта они отправлялись пешим этапом в г. Уфу, где ожидали распределения. По прибытии на места поселения политическим ссыльным единовременно выплачивалось по 55 рублей

серебром на «домообзаведение». В целях прочного устройства хозяйства к ним присылались члены их семей. Данный вид наказания исключал возможность возвращения политических преступников на прежние места жительства.

4. Бессрочность ссылки. Лица, присылаемые в Оренбургскую губернию за участие в восстании 1863 года, находились в ссылке до получения «высочайшего прощения».

Отношение жителей Оренбургской губернии к политическим преступникам зависело от их поведения в ссылке (желания заниматься сельским хозяйством или ремеслом), а не от совершенных поляками преступлений. Данное обстоятельство способствовало появлению большого числа межнациональных браков.

Разделение Оренбургской губернии в мае 1865 года и создание в 1867 году Туркестанского генерал-губернаторства привели к резкому сокращению количества политических преступников, присылаемых на жительство под надзор полиции. Если в 1866 году в новых границах Оренбургской губернии проживали 537 политических ссыльных, то к началу 1880 года их количество сократилось до 17 человек. Причина этого заключалась в последовательной амнистии различных категорий политических преступников и отсутствии в данный период крупных социально-политических потрясений.

Таким образом, середина 1860-х годов стала своеобразной границей между двумя главными периодами развития оренбургской политической ссылки в 1820-х – 1870-х годах.

Первый период (1820-е – начало 1866 года) ознаменовался постепенным увеличением количества политических ссыльных, единовременно проживавших на территории Оренбургской губернии. Основными категориями политических ссыльных в данный период являлись члены различных тайных обществ и лица, причастные к Польским восстаниям 1830–1831 и 1863 годов (приложение 9).

Второй период (середина 1866 года – 1870-е годы) отметился перманентным сокращением количества политических ссыльных, единовременно проживавших в Оренбургской губернии, вследствие ее разделения и потери статуса окраины империи. Исключениями являлись 1870 и 1874 годы, когда число политических

ссылных резко возрастало за счет лиц, получивших разрешение переселиться в Оренбургскую губернию из Сибири.

В 1870-х годах Оренбургская губерния становится территорией временного размещения уроженцев Средней Азии, признанных властями неблагонадежными в политическом отношении, а также местом ссылки участников народнического движения.

Итогом проведенного автором исследования является доказательство факта, что во второй половине 1820-х годов Оренбургская губерния становится одним из центров размещения политических ссылных. В этом статусе она находится до середины 1860-х годов, а в конце 1870-х годов превращается в перевалочный пункт на пути следования политических ссылных из Европейских губерний России в Сибирь и Среднюю Азию и обратно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники (архивные материалы)

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

1. Ф. 109 – Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии (6 дел)

Опись 1, дело 61. Ч. 25.

Опись 2, дело 257.

Опись 5, дело 448. Ч. 247.

Опись 6, дела 249; 532. Ч. 1.

Опись 50, дело 50.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

1. Ф. 6 – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора (84 дела)

Опись 1, дела 39, 111, 553.

Опись 2, дело 1571.

Опись 3, дела 886, 3508, 3581, 4383, 6955.

Опись 10, дела 94, 4048, 4110а, 4110б, 4177, 5141, 8023, 8471, 8532.

Опись 18, дела 11, 30, 35, 55а, 59, 61, 69, 89, 94, 98, 117, 127, 129, 136, 176, 183, 191, 202, 212, 218, 220, 253, 303, 306, 371, 375, 380а, 419, 437, 461, 462, 466, 474, 478, 482, 484, 492, 493, 495, 502, 504, 506, 508, 514, 521, 533, 542, 595, 598, 604, 627, 629, 636, 639, 643, 644, 651, 656, 717, 724, 732, 761, 763, 765, 781, 786, 816, 823.

2. Ф. 10 – Канцелярия оренбургского губернатора (50 дел)

Опись 2, дело 1.

Опись 7, дела 28, 61, 74, 75, 82, 88, 90, 133, 145, 161, 167, 174, 184, 190, 208, 210, 243, 246, 259, 265, 267, 271, 278, 291, 313, 314, 329, 332, 335, 345, 359, 361, 366, 393, 400, 410, 428, 433, 439, 454, 455, 456, 470, 485, 505, 535, 564, 575, 604.

3. Ф. 18 – Оренбургская палата государственных имуществ (3 дела)

Опись 1, дела 9, 10. Ч. 1; 10. Ч. 2.

4. Ф. 21 – Оренбургское губернское жандармское управление (2 дела)

Опись 1, дела 5, 6.

5. Ф. 172 – Оренбургское духовное правление (1 дело)

Опись 3, дело 1489.

1.2. Нормативные акты

1. Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело: именной указ от 25 сентября 1702 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг.– СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. IV. № 1918.

2. О жаловании разным лицам; об учреждении при губернаторах и вице-губернаторах Ландратского Совета и о наказании вредителей государственного интереса: именной указ от 24 апреля 1713 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. V. № 2673.

3. Об уничтожении Верховного Тайного Совета и Высокого Сената, и о восстановлении по прежнему Правительствующего Сената: Манифест от 4 марта 1730 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VIII. № 5510.

4. Об учреждении Канцелярии, для дел, переданных по Именному указу 24 марта в ведомство генерала Ушакова; о именовании оной Канцелярией Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями: сенатский указ, утвержденный императором 24 марта 1731 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VIII. № 5738.

5. О ссылке на житье в Оренбург преступников из купцов, мастеровых и ремесленных людей: сенатский указ, утвержденный императором 19 марта 1744

года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XII. № 8906.

6. Об оказании разных Высочайших милостей народу, по случаю благополучно оконченной войны со Швецией: Манифест от 15 июня 1744 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XII. № 8992.

7. О не отсечении рук тяжким преступникам, осужденным к ссылке на вечную работу, и о предоставлении женам и детям таковых преступников пользоваться свободой на основании указа 1720 августа 16: высочайшая резолюция на доклад Сената от 29 марта 1753 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XIII. № 10086.

8. Об обозначении в списках преступников, отправляемых в ссылку, роста и знаков природных: сенатский указ, утвержденный императором 12 октября 1754 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XIV. № 10316.

9. Об отправлении впредь колодников в Сибирь при письменных отношениях, обозначая в оных, за какие вины и к какому наказанию кто из преступников присужден: сенатский указ, утвержденный императором 9 августа 1755 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XIV. № 10444.

10. О пресечении превратных толкований и рассуждений о разных делах политических: Манифест от 5 июня 1757 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.:

Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XIV. № 10733.

11. Об уничтожении Тайной розыскной Канцелярии: Манифест от 21 февраля 1762 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XV. № 11445.

12. О прощении вышедших из повиновения помещичьих крестьян, если принесут раскаяния в винах своих; о наказании рассевателей ложных слухов, выведших крестьян из повиновения: именной указ от 3 июля 1762 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI. № 11593.

13. О воспреещении непристойных рассуждений и толков по делам до Правительства относящимся: Манифест от 4 июня 1763 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI. № 11843.

14. Об отправлении колодников, вместо Нерчинска в Оренбург: сенатский указ, утвержденный императором 26 апреля 1773 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XIX. № 13975.

15. О запрещении на бирже, в клубах и трактирах говорить о делах политических: именной указ, данный Санкт-Петербургскому губернатору 27 мая 1788 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXII. № 16673.

16. О предписании Губернским Правлениям, дабы они исключенным из службы, для проезда в Столицы, никаких письменных видов не давали: указ

Военной коллегии от 5 августа 1800 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVI. № 19505.

17. Об уничтожении Тайной Экспедиции и о ведении дел производящихся в оной в Сенате: Манифест от 2 апреля 1801 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVI. № 19813.

18. Об учреждении особого Комитета для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия: именной указ, данный Сенату 13 января 1807 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXIX. № 22425.

19. О оставлении неразлучными браков ссыльных, кои по Монаршему милосердию возвращены будут на прежние жилища, если во время их ссылки от оставшихся на месте супругов не поступило просьб о вступлении в другой брак: именной указ, данный Синоду 16 августа 1807 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXIX. № № 22591.

20. Учреждение Министерства Полиции: Манифест от 25 июня 1811 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXI. № 24687.

21. Устав о ссыльных: утвержден императором 22 июля 1822 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. В 45-ти томах. 1649 – 1825 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. № 29128.

22. О истребовании от чиновников обязательств о не состоянии в тайных обществах: именной указ, данный управляющему Министерством внутренних дел В.С. Ланскому 21 апреля 1826 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. I. № 277.

23. О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии: именной указ, данный управляющему Министерством внутренних дел 3 июля 1826 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. I. № 449.

24. О Государственных преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям: именной указ, объявленный из Сената 13 июля 1826 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. I. № 464.

25. Об отдаче в военную службу арестантов, приговоренных к наказанию или назначенных к ссылке в Сибирь на поселение: именной указ, объявленный Сенату управляющим Министерством юстиции 10 февраля 1828 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. III. № 1796.

26. О порядке производства дел по Министерству Внутренних дел: именной указ, данный министру внутренних дел 3 мая 1829 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. IV. № 2857.

27. О распределении бродяг и преступников, и о зачете обществам и помещикам за рекрут людей, им принадлежащих и наказываемых по суду за

преступления: мнение Государственного совета, утвержденное императором 16 октября 1829 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. IV. № 3236.

28. О прекращении высылки в Оренбургскую губернию людей порочного поведения: сенатский указ, утвержденный императором 27 мая 1831 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – Т. VI. – Ч. 1. № 4597.

29. Об отдаче в солдаты следующих в Сибирь на поселение, но не наказанных палачевыми руками арестантов: сенатский указ от 22 сентября 1831 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – Т. VI. – Ч. 2. № 4820.

30. О предоставлении Стройниковой именоваться женой бывшего Капитана 2-го ранга, как не причастной к преступлению мужа, за которое он лишен чинов и дворянства, и о принятии сего за правило во всех подобных случаях: именной указ, объявленный председателем Государственного совета 22 сентября 1831 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – Т. VI. – Ч. 2. № 5032.

31. О даровании прощения всем чинам бывшей Польской Армии, из уроженцев Губерний от Польши возвращенных: именной указ, данный главнокомандующему 1-й армией 15 июня 1832 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. – Т. VII. № 5437.

32. О заграничных злоумышленниках, изобличенных в преступных против Правительства предприятиях: именной указ, данный Виленскому военному губернатору 25 июля 1833 года // Полное собрание законов Российской империи.

Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1834. – Т. VIII. – Ч. 1. № 6344.

33. О дозволении сосланным жаловаться на приговоры Палат только по достижении места работы или поселения: именной указ, объявленный председателем Государственного совета 21 октября 1835 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. – Т. X. – Ч. 2. № 8498.

34. О высылке из Царства Польского офицеров, отставляемых по дурным качествам: именной указ, объявленный главнокомандующему действующей армией военным министром 20 октября 1836 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837. – Т. XI. – Ч. 2. № 9622.

35. Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных: утвержденное императором 15 августа 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. – Т. XX. – Ч. 1. № 19283.

36. Статьи Второй книги 15 Тома Свода Законов, измененные и дополненные Высочайше утвержденными мнениями Государственного Совета 21 января 1864 года для соглашения их с Уложением о Наказаниях Уголовных и Исправительных: утвержденные императором 21 января 1846 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. – Т. XXI. – Ч. 1. № 19640.

37. О порядке препровождения преступников, ссылаемых на жительство в Сибирские и другие отдаленные губернии: мнение Государственного совета, утвержденное императором 30 декабря 1846 года // Полное собрание законов

Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. – Т. XXI. – Ч. 2. № 20762.

38. О Всемиловитивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю Коронования Его Императорского Величества: Манифест от 26 августа 1856 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – Т. XXXI. – Ч. 1. № 30877.

39. О назначении места водворения для людей, выбывших из арестантских рот гражданского ведомства, по истечении срока содержания, и непринятых обратно обществами или помещиками: мнение Государственного совета, утвержденное императором 2 ноября 1859 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. – Т. XXXIV. – Ч. 2. № 35071.

40. Об изменении некоторых статей Свода Законов, коими постановляется отдача преступников из лиц гражданского ведомства в военную службу: мнение Государственного совета, утвержденное императором 22 марта 1860 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Т. XXXV. – Ч. 1. № 35588.

41. О назначении денежного пособия на домашнее обзаведение выпускаемым из арестантских рот для водворения в отдаленных губерниях: положение Комитета министров, утвержденное императором 16 августа 1860 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – Т. XXXV. – Ч. 2. № 36091.

42. Об учреждении Полицейских Судов в Западных губерниях: положение Комитета министров, утвержденное императором 5 августа 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 –

1881 г. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. XXXVI. – Ч. 2. № 37327.

43. О правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении: положение Комитета министров, утвержденное императором 5 августа 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. XXXVI. – Ч. 2. № 37328.

44. О предоставлении Главным Начальникам Западных губерний права предавать военному суду, по Полевому Уголовному Уложению, виновных в беспорядках, подавших повод к объявлению каких-либо местностей в военном положении и приводить приговоры о них в исполнение немедленно: именной указ, объявленный Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору управляющим Министерством внутренних дел 31 августа 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. XXXVI. – Ч. 2. № 37370.

45. Положение о Главном Управлении войсками, входящими ныне в состав 1-й армии: положение, утвержденное императором 6 июля 1862 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. – Т. XXXVII. – Ч. 1. № 38452.

46. О правилах относительно следования семейств за лицами, подлежащими ссылке по суду, переселению или удалению по приговорам обществ и административным порядком: мнение Государственного совета, утвержденное императором 17 сентября 1862 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. – Т. XXXVII. – Ч. 2. № 38688.

47. Правила для наложения секвестра на имущества лиц, причастных к беспорядкам, возникшим в пограничных с Царством Польским губерниях, и для заведования и распоряжения сими именьями: правила, утвержденные императором 15 марта 1863 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. – Т. XXXVIII. – Ч. 1. № 39377.

48. О назначении содержания семействам лиц привилегированных сословий, высланных из мест жительства под надзор полиции: положение Комитета министров, утвержденное императором 7 февраля 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. – Ч. 1. № 40565.

49. О порядке назначения кормовых денег ссыльным и пересыльным арестантам: мнение Государственного совета, утвержденное императором 4 мая 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. – Ч. 1. № 40843.

50. Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской: положение, утвержденное 5 мая 1865 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – Т. XL. – Ч. 1. № 42058.

51. О плате за лечение лиц, находящихся под надзором полиции: мнение Государственного совета, утвержденное императором 7 марта 1866 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. – Т. XLI. – Ч. 1. № 43078.

52. О Всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Высочества Государя Наследника

Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича: Манифест от 28 октября 1866 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. – Т. XLI. – Ч. 2. № 43784.

53. О противозаконных сообществах: мнение Государственного совета, утвержденное императором 27 марта 1867 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. – Т. XLII. – Ч. 1. № 44402.

54. О лицах, прикосновенных к делам политического свойства, касающимся последнего Польского мятежа: именной указ, объявленный Сенату министром внутренних дел 17 мая 1867 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. – Т. XLII. – Ч. 1. № 44601.

55. О прекращении отдачи в военную службу несовершеннолетних, виновных в государственных преступлениях: мнение Государственного совета, утвержденное императором 12 июня 1867 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. – Т. XLII. – Ч. 1. № 44687.

56. О даровании облегчения осужденным до 1-го Января 1866 года политическим преступникам: именной указ, объявленный Сенату министром юстиции 25 мая 1868 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. – Т. XLIII. – Ч. 1. № 45898.

57. Об облегчении участи некоторых преступников, в ознаменование дня рождения Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия

Александровича: положение Комитета министров, утвержденное императором 13 мая 1871 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. – Т. XLVI. – Ч. 1. № 49597.

58. Новая редакция раздела второго книги третьей Устава Уголовного Судопроизводства, статей 1030 – 1061, о судопроизводстве по государственным преступлениям: закон, утвержденный императором 7 июня 1872 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1875. – Т. XLVII. – Ч. 1. № 50956.

59. Об изменении 1120 и 1124 статей кн. XXIV Свода Военных Постановлений 1869 года, о судебных заседаниях по делам о произнесении оскорбительных слов против Государя Императора или Членов Императорского Дома и по другим государственным преступлениям: именной указ, объявленный в приказе военному ведомству 2 ноября 1872 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1875. – Т. XLVII. – Ч. 2. № 51474.

60. О даровании некоторых облегчений лицам, подвергшимся до 1 января 1871 года обвинениям в государственных преступлениях, если они не совершили после того каких либо новых преступлений и не были замечены ни в чем предосудительном: положение Комитета министров, утвержденное императором 9 января 1874 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. – Т. XLIX. – Ч. 1. № 53017.

61. О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных: мнение Государственного совета, утвержденное императором 4 июня 1874 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти

томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. – Т. XLIX. – Ч. 1. № 53606.

62. Об отмене отчисления в почтовый доход двух процентов из пересылаемых по почте денег, принадлежащих ссыльным: мнение Государственного совета, утвержденное императором 28 октября 1876 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1878. – Т. LI. – Ч. 2. № 56508.

63. О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях: мнение Государственного совета, утвержденное императором 9 мая 1878 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. – Т. LIII. – Ч. 1. № 58489.

64. О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени: именной указ, данный Сенату 9 августа 1878 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. – Т. LIII. – Ч. 2. № 58778.

65. Об осмотре и выемке корреспонденции лиц, против коих возбуждено уголовное преследование: мнение Государственного совета, утвержденное императором 30 октября 1878 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. – Т. LIII. – Ч. 2. № 58967.

66. О дополнении статей 251 и 252 Уложения о наказаниях: мнение Государственного совета, утвержденное императором 15 января 1880 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. – Т. LIV. – Ч. 2. № 60384.

67. Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия: именной указ, данный Сенату 12 февраля 1880 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. – Т. LIV. – Ч. 2. № 60492.

68. О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и об учреждении Министерства Почт и Телеграфов: именной указ, данный Сенату 6 августа 1880 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. В 55-ти томах. 1825 – 1881 гг. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1884. – Т. LV. – Ч. 1. № 61279.

69. Свод законов Российской империи. Т. XV: Свод законов уголовных. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833.

70. Продолжение Свода законов Российской империи. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. – Ч. 5.

71. Свод законов Российской империи. Т. XIV: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842.

72. Свод законов Российской империи. Т. X: Свод законов гражданских. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.

73. Свод законов Российской империи. Т. XII: Устав Почтовый. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.

74. Свод законов Российской империи. Т. XIV: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.

75. Свод законов Российской империи. Т. XIV: Устав о содержащихся под стражей. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.

76. Свод законов Российской империи. Т. XV: Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.

1.3. Опубликованные источники

1. Восстание декабристов. Документы / Под ред. С. В. Мироненко; [сост. О. В. Эдельман]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – Т. XXI. – 560 с.

2. Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). – СПб.: «Русская скоропечатня», 1906. – Том первый (1825 – 1876). – 348 с.

3. Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). – Ростов-на-Дону: Типография «Донская речь», 1904. – Том второй (1877 год). – 351 с.

4. Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). – СПб.: Типо-литография «Энергия», 1904. – Том третий (Процесс 193-х). – 304 с.

5. Е.Л. Следствие и суд над польскими повстанцами в Северо-Западном крае в 1863 – 1864 годах. По официальным документам // Вестник Европы. – 1883. – № 1. – Т. ХСІХ. – С. 388 – 399.

6. Именные указы императора Павла I оренбургским военным губернаторам 1797 – 1800 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типография Б. А. Бреслина, 1889. – Выпуск I. – С. 74 – 95.

7. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. Второе приложение к сборникам «Государственные преступления в России» издающимся под редакцией Б. Базилевского. – Paris: Societe Nouvelle de Librairie et D, 1905. – 260 с.

8. Муханов, П. А., Хмыров, М. Д. Указы и повеления Павла I санкт-петербургским военным губернаторам. 1796 – 1797 годы / П. А. Муханов, М. Д. Хмыров // Русская старина. – 1872. – Т. V. – С. 235 – 256.

9. Об Украйно-Славянском обществе. Доклад графа А. Ф. Орлова 28 мая 1847 года // Русский архив. – 1892. – № 7. – С.334 – 359.

10. Русский инвалид. – 22 декабря 1849. – № 276.

11. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии / Сост. под ред. Н. Дубровина. – СПб.: Государственная Типография, 1893. – Выпуск 6. – 555 с.

12. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии / Сост. под ред. Н. Дубровина. – СПб.: Государственная Типография, 1895. – Выпуск 7. – 481 с.

13. Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае. – Вильно: Типография Штаба Виленского военного Округа, 1870. – 344 с.

14. Тихомиров, М. Н, Епифанов, П. П. Соборное Уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М.: Издательство Московского университета, 1961.

15. Указ Императрицы Екатерины II от 19 марта 1763 года // Русский архив. – 1871. – № 7 – 8. – С. 1252.

1.4. Мемуары

1. Берг, Н. В. Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831 – 1862 / Н. В. Берг. – М.: Типография Грачева и К, 1873. – 382 с.

2. Винский, Г. С. Моё время. Записки Винского / Г. С. Винский. – СПб.: Огни, 1914. – 159 с.

3. Записки графа М. Н. Муравьева-Виленского. Приложения. I. Осужденные и наказанные в 1863 – 1866 годах // Русская старина. – 1883. – Т. XXXVII. – С. 615 – 630.

4. Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях после 1831 года // Русский архив. – 1870. – № 2. – С. 431 – 502.

5. Колесников, В. П. Записки несчастного содержащие путешествие в Сибирь по канату / В. П. Колесников. – СПб.: «Огни», 1914. – 100 с.

6. Кукольник, П. Анти-Ципринус. Воспоминания о Н. Н. Новосильцеве / П. Кукольник // Русский архив. – 1873. – № 2. – С. 203 – 218.

7. Лоссиевский, М. В. Записки Песляка / М. В. Лоссиевский // Исторический Вестник. – 1883, Т. XIII. – С. 576 – 594.

8. Обручев, В. После ссылки. Личные воспоминания и заметки 1872 – 1906 годы / В. Обручев // Вестник Европы. – 1908. – Т. ССLIII. – № 10. – С. 504 – 542.

9. Отрывки из дневника П. А. Хруцова // Исторический вестник. – 1881. – Т. V. – С. 70 – 78.

10. Zaleski, B. Wygnancy polscy w Orenburgu / B. Zaleski // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. – Rok 1866. – Paris: Księgarnia LUXEMBURGSKA. – S. 75 – 107.

1.5. Библиографические указатели, справочная литература

1. Большаков, Л.Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: Энциклопедия одиннадцати лет. 1847 – 1858 / Л.Н. Большаков. – Оренбург: Димур, 1997. – 516 с.

2. Вержбицкий, В. Г. Революционное движение в Русской армии (с 1826 по 1859 гг.) / В. Г. Вержбицкий. – М.: Советская Россия, 1964. – 324 с.

3. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: «Мосполиграф», 1927. – Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». – Ч. 1: До 50-х гг. XIX в. – 222 с.

4. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: «Мосполиграф», 1928. – Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». – Ч. 2: Шестидесятые годы. – 496 с.
5. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: «Мосполиграф», 1929. – Т. 2: Семидесятые годы. – Выпуск 1: А – Е. – 406 с.
6. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: «Мосполиграф», 1930. – Т. 2: Семидесятые годы. – Выпуск 2: Ж – Л. – 407 – 836 с.
7. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: «Мосполиграф», 1931. – Т. 2: Семидесятые годы. – Выпуск 3: М – Р. – 837 – 1384 с.
8. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: «Мосполиграф», 1932. – Т. 2: Семидесятые годы. – Выпуск 3: С – Я. – 1393 – 2156 с.
9. Дьяков, В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 – 1865 годов (Биобиблиографический словарь) / В. А. Дьяков. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
10. Кантор, Р. М. «Каторга и ссылка» за 10 лет (1921–1930): Систематически-предметный указатель / Р. М. Кантор. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. – 107 с.
11. Штукенберг, И. Ф. Статистические труды / И. Ф. Штукенберг. – СПб.: Типография И. И. Глазунова и комп., 1858. – Т. 1. Описание 24 губерний.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, учебные пособия

1. Анисимов, Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов. – М.: Новое литературное обозрение, 1999 – 720 с.

2. Анучин, Е. Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 годов. Материалы для уголовной статистике России / Е. Н. Анучин. – СПб, Типография Майкова, 1873. – 246 с.
3. Арсеньев, А. В. Непристойные речи. Монах недовольный женским правлением / А. В. Арсеньев // Исторический вестник. – 1897. – Т. LXIX. – С. 68 – 70.
4. Бархатцев, С. Из истории Виленского учебного округа / С. Бархатцев // Русский архив. – 1874. – № 5. – С. 1149 – 1262.
5. Богданович, М. Беспорядки в Семеновском полку / М. Богданович // Вестник Европы. – 1870. – № 11. – Т. XXVI. – С. 55 – 84.
6. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819 – 1823 годах / Сост. Ф. Вержбовский – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1898. – 98 с.
7. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / Владимирский-Буданов М. Ф. – Пг.; Киев: Издательство Н.Я. Оглоблина, 1915. – 7-е изд. – 699 с.
8. Воробьев, Г. А. Польские патриотические песни, именуемые «революционными» (Историческая справка) / Г. А. Воробьев // Исторический вестник. – 1906. – Т. CIV. – С. 572 – 578.
9. Воронина, Е. З. Письма из Оренбурга 1833 года / Е. З. Воронина // Русский архив. – 1902. – № 8. – С. 643 – 660.
10. Галиев, В. З. Декабристы и Казахстан / Галиев В. З. – Алма-Ата: «Гылым», 1990. – 151 с.
11. Гаршин, Е. М. Шевченко в ссылке / Е. М. Гаршин // Исторический Вестник. – 1886. – Т. XXIII. – С. 154 – 179.
12. Гвоздикова, И. М. Против крепостничества и самодержавия (Ссылные декабристы в Оренбургской губернии) / И. М. Гвоздикова // Сохраним выцветшие строки... / Ред. В.А. Скачилов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. – С.150 – 164.

13. Гвоздикова, И. М. Особенности складывания оренбургской политической ссылки в первой половине XIX века и задачи по ее изучению / И. М. Гвоздикова // II Рычковские чтения. Социальное, экономическое и экологическое развитие Южного Урала в XIX–XX веках. Тезисы и материалы / Ред. Л. И. Футорянский, 1991. – С. 11 – 12.

14. Гвоздикова, И. М. Оренбургская политическая ссылка на дворянском этапе освободительного движения в России / И. М. Гвоздикова // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX вв. – Уфа: БНЦ УО АН СССР, 1992. – С. 28 – 41.

15. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – М.: Государственное Издательство юридической литературы, 1951. – Т. 1. 1762 – 1825 гг. – 357 с.

16. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1908. – 418 с.

17. Дриль, Д. А. Ссылка во Франции и России / Д. А. Дриль. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1899. – 175 с.

18. Дьяков, В. А. Сигизмунд Сераковский / В. А. Дьяков. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 71 с.

19. Дьяков, В. А. Тарас Шевченко и его польские друзья / В. А. Дьяков. – М.: Наука, 1964. – 151 с.

20. Дьяков, В. А. Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847 – 1850 годах / В. А. Дьяков // Славянская историография и археография. – М.: Наука, 1969. – С. 231 – 253.

21. Игнатович, А. В. О сосланном в Оренбург под надзор полиции французе Огюсте Турнале / А. В. Игнатович // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типография Тургайского Областного Правления, 1914. – Выпуск XXX. – С. 103 – 106.

22. Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 640 с.

23. Каратыгин, П. П. Язык мой – враг мой. Русский преторианец / П. П. Каратыгин // Исторический вестник. – 1897. – Т. LXIX. – С. 777 – 787.
24. Карелина, С. Г. С. Карелин / С. Карелина // Русский архив. – 1873. – № 7. – С. 1318 – 1343.
25. Кодан, С. В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826 – 1856) / С. В. Кодан. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 1980. – 39 с.
26. Кодан, С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX века. Учебное пособие \ С. В. Кодан. – Иркутск: Иркутский гос. Университет им. А. А. Жданова, 1980. – 95 с.
27. Кодан, С. В. Освободительное движение в России и сибирская ссылка (1825 – 1861 гг.) / С. В. Кодан // Политические ссылки в Сибири (XVIII – начало XX вв.). – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 152 – 167.
28. Корсаков, А. Федор Ермолаевич Секретарев / А. Корсаков // Русский архив. – 1882. – Книга 1. – № 1. – С. 160 – 166.
29. Картунов, А. И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX века) / А. И. Картунов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5. – С. 239 – 242.
30. Латыпова, В. В. Ссылки поляки на Южном Урале в XVII – XIX веках / В. В. Латыпова // Оренбургской губернии 250 лет (проблемы истории и культуры). Тезисы докладов и сообщений исследователей Башкортостана на научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии. – Уфа: Ротапринт Башкирского университета, 1994. – С. 43 – 46.
31. Латыпова, В. В. Польская ссылка на Южном Урале в XIX начале XX вв. / В. В. Латыпова // Польская ссылка в России XIX – XX веков: Региональные центры. – Казань: Мастер-Лайн, 1998. – С. 137 – 144.
32. Латышев, В. В. Очерк греческих древностей / В. В. Латышев. – СПб.: Алетейя, 1997. – Ч. 1. Государственные и военные древности. – 348 с.
33. Лемке, М. К. Тайное общество братьев Критских / М. К. Лемке // Былое. – 1906. – № 6. – Июнь – С. 41 – 58.

34. Липский, В. И. Григорий Силич Карелин (1801 – 1872). Его жизнь и путешествия / В. И. Липский. – СПб.: Типо-литография «Герольд», 1905. – 213 с.
35. Максимов, С. В. Сибирь и каторга: В 3-х частях / С. В. Максимов. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1871. Ч. 3: Политические и государственные преступники. – 1871. – 388 с.
36. Марголис, А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки / А. Д. Марголис. – М.: Лантерна Вита, 1995. 207 с.
37. Матвиевский, П. Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII – XIX веков / Сост. Г. П. Матвиевская. – Оренбург: Издательство Оренбургская книга, 2005. – 378 с.
38. Модестов, Н. Н. Кандид Зеленко в Оренбурге / Н. Н. Модестов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Выпуск XXVIII. – 1913. – 83 с.
39. Модестов, Н. Н. На жительство в Оренбург безвыездно / Н. Н. Модестов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типо-литография А. А. Хусаинова и комп., 1915. – Выпуск XXXII. – С. 48 – 59.
40. Модестов, Н. Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге / Н. Н. Модестов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типография Тургайской Областной Управы, 1917. – Выпуск XXXV. – С.7 – 56.
41. Никитин, В. Н. Быт военных арестантов в крепостях / В. Н. Никитин. – СПб.: Издание Колесова и Михина, 1873. – 524 с.
42. Никонов, С. П. Секвестрация в гражданском праве / С. П. Никонов. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1900. – 221 с.
43. Новокрещенова Е. Н. К вопросу о взаимоотношениях оренбургской администрации и польских политических ссыльных 1863 – 1864 гг. // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863 – 1864 г. Материалы международной научной конференции (Иркутск, 26 – 30 сентября 2007 г.) / Ред. Шостакович Б. С. – Иркутск: ООО «Мегапринт», 2008. – С. 193 – 197.

44. Оболенский, М. Исторические замечания / М. Оболенский // Русский архив. – 1865. – № 3. – С. 334 – 350.
45. Оржеховский, И. В. Самодержавие против революционной России: (1826 – 1880 годы) / И. В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982. – 207 с.
46. Попова, Е. Н. Власть и ссыльные участники национально-освободительного восстания в Польше 1863 года: к вопросу о взаимоотношениях / Е. Н. Попова // История Оренбургская: наследие и современность: первые региональные, историко-краеведческие чтения памяти проф. П. Е. Матвиевского (3 марта 2006 г.). – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – Т. 2. – С. 97 – 102.
47. Потто, В. А. Ссыльные поляки в Оренбурге / В. А. Потто // Исторический Вестник. – 1889. – Т. XXXVIII. – С. 584 – 606.
48. Роцевская, Л. П. Политическая ссылка второй половины XIX в. в системе карательных мер царизма (к историографии вопроса) / Л. П. Роцевская // Вопросы методологии истории и историографии. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1974. – С. 35 – 39.
49. Рычков, Н. Д. О полицейском надзоре по законодательствам русскому и некоторых иностранных государств / Н. Д. Рычков // История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России / Сост. под ред. М. А. Филиппова. СПб.: Типография и Литография А.Траншеля, 1873.
50. Рябынин, Д. По поводу писем И. М. Муравьева-Апостола к графу С. Р. Воронцову / Д. Рябынин // Русский архив. – 1876. – № 3. – С. 377 – 383.
51. Сапаргалиев, Г. С., Дьяков, В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане / Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 252 с.
52. Сафонов, Д. А. Очерки историографии Оренбургской истории / Д. А. Сафонов. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2005. – 363 с.
53. Сафонов, Д. А. Актуальные вопросы истории общественно-политического развития Оренбуржья (до 1917 г.) / Д. А. Сафонов // Вестник ОГУ. – 2012. – № 5 (141). – С. 19 – 24.

54. Сафонов Д. А. Жандармское управление в провинциальной губернии: реальные направления и методы работы / Д. А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. – 2013. – № 3 (7). – С. 87 – 94.

55. Севастьянов, С. В. Несколько старинных песен / С. В. Севастьянов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типо-Литография И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1898. – Выпуск IV. – С. 77 – 92.

56. Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с., ил.

57. Симбирцев, И. Третье Отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи / И. Симбирцев. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 383 с.

58. Славутинский, С. Т. Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа / С. Т. Славутинский // Исторический вестник. – 1899. – Т. XXXVII. – С. 53 – 79.

59. Сливовская, В., Сливовский Р. Польские ссыльные в первой половине XIX века – распространители просвещения в Восточной Сибири / В. Сливовская, Р. Сливовский // Академии наук Польши и России, университеты, высшая школа, научные учреждения и общества: история польско-российских отношений в сфере науки. Тезисы. – М.: Институт славяноведения РАН, 2010. – С. 59 – 61.

60. Соколовский, М. Император Николай I в военно-судных подтверждениях (Историко-юридический этюд) / М. Соколовский // Русская старина. – 1905. – Т. CXXIV. – С. 397 – 420.

61. Столетие военного министерства 1802 – 1902. Военно-тюремные учреждения / Под ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1911. – Т. XII. – Ч. III. – 583 с.

62. Студницкий, В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней / В. Студницкий. – СПб.: «Пушкинская скоропечатня», 1908. – 198 с.

63. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741 – 1761 // Русская старина. – 1875. – Т. XII. – С. 523 – 539.

64. Федоров, В. А. Солдатское движение в годы декабристов (1816 – 1825 гг.) / В. А. Федорова. – М.: Издательство Московского университета, 1963. – 206 с.
65. Фойницкий, И. Я. Управление ссылки / И. Я. Фойницкий // Сборник государственных знаний под редакцией В.П. Безобразова. – СПб.: Типография В. Безобразова, 1880. – Т. VII. – С. 149 – 251.
66. Фойницкий, И. Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1881. – 348 с.
67. Цебрикова, М. К. Каторга и ссылка / М. К. Цебрикова. – СПб.: Центральная типография М. Я. Минкова, 1907. – 48 с.
68. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии / В. М. Черемшанский. – Уфа: Типография Оренбургского Губернского Правления, 1859. – 472 с.
69. Четвериков, С. А. Становление системы политической ссылки в Российской империи / С. А. Четвериков // Этнопанорама. – 2015. – № 1 – 2. – С. 93 – 104.
70. Четвериков С. А. Оренбургская губерния как место политической ссылки в середине XVII – первой трети XIX века / С. А. Четвериков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 6 (110). – 2016. – С. 159 – 165.
71. Четвериков С. А. Освобождение из Оренбургской ссылки участников Польского восстания 1863 года / С. А. Четвериков // Ученые записки Орловского государственного университета. – № 3 (72). – 2016. – С. 89 – 93.
72. Четвериков С. А. Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии / С. А. Четвериков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – № 4. – Т. 22. – 2016. – С. 22 – 26.
73. Чехович, К. Результаты метеорологических наблюдений в Оренбургском крае, производимых в 1893 году / К. Чехович // Известия Оренбургского отдела

Императорского Русского Географического Общества. – Оренбург: Типо-Литография Губернского Правления, 1895. – Выпуск 7.

74. Шукшинцев, И. С. Дело о поляках в Оренбурге 1833 года / И. С. Шукшинцев // Русский архив. – 1902. – № 8. – С. 661 – 666.

75. Юдин, П. Л. Ссылные 1812 года в Оренбургском крае / П. Л. Юдин // Русский архив. – 1896. – № 9. – С. 5 – 33.

76. Юдин, П. Л. А. Н. Плещеев в ссылке / П. Л. Юдин // Исторический вестник. – 1897. – Т. LXVIII. – С. 402 – 422.

77. Юдин, М. Л. К биографии А. Н. Плещеева / М. Л. Юдин // Исторический вестник. – 1905. – Т. СII. – С. 151 – 169.

78. Ядринцев, Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке / Н. М. Ядринцев. – СПб., Типография А. Моригеровского, 1872. – 719 с.

2.2. Диссертации и авторефераты

1. Береговая, Е. П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук / Е. П. Береговая. – Красноярск, 2007. – 234 с.

2. Казарян, П. Л. Якутская политическая ссылка в системе карательной политики царизма. Дис. ... д-ра. ист. наук / П. Л. Казарян. – Владивосток, 1998. – 431 с.

3. Калинина, Д. А. Повседневная жизнь политических ссылных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Калинина. – Санкт-Петербург, 2009. – 24 с.

4. Кононова, Л. П. Ссылка участников польского восстания 1863 – 1864 годов (по материалам Архангельской губернии). Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Кононова. – Архангельск, 2004. – 24 с.

5. Латыпова, В. В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук / В. В. Латыпова. – Санкт-Петербург, 1996. – 21 с.

6. Мулина, С. А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке. Дис. ... канд. ист. наук / С. А. Мулина. – Омск, 2005. – 498 с.
7. Новински, Ф. Польская политическая ссылка в Восточной Сибири 1831 – 1862 гг. Автореферат дис. ... д-ра. ист. наук / Ф. Новински. – Москва, 1991. – 49 с.
8. Овечкина, С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии (вторая половина XIX - начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук / С. Ю. Овечкина. – Архангельск, 2005. – 235 с.
9. Павлов, В. А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук / В. А. Павлов. – Чебоксары, 2004. – 23 с.
10. Подлевских, Л. Г. Польская политическая ссылка в Российской провинции в 1860 – начале 1880-х гг. (На материалах Вятской губернии). Дис. ... канд. ист. наук / Л. Г. Подлевских. – Киров, 2004. – 261 с.
11. Пяткова, С. Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период. Дис. ... канд. ист. наук / С. Г. Пяткова. – Сургут, 2004. – 233 с.
12. Терехин, А. А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке. Дис. ... канд. ист. наук / А. А. Терехин. – Пермь, 2003. – 284 с.
13. Шульбаев, О. Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825 – 1895 гг.). Дис. ... канд. ист. наук / О. Н. Шульбаев. – Абакан, 2000. – 182 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ*Приложение 1***Список польских политических ссыльных, допрошенных при расследовании доноса мещанина Старикова о заговоре поляков (1833 год)⁵⁰¹**

1. Прапорщик Оренбургской пограничной комиссии дворянин Виленской губернии Иван Викторович Виткевич.
2. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 11, дворянин Люблинской губернии Томаш Якупович Дорошевский.
3. Прусский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, шляхтич Познанского воеводства Людвиг Федорович Мейер.
4. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, мещанин Ян Бенедиктович Каландовский.
5. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, мещанин Люблинской губернии Григорий Бернатский.
6. Прусский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, мещанин Плоцкого воеводства Игнатий Андреевич Копка.
7. Прусский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 4, дворянин Плоцкого воеводства Бонифантий Осипович Коньвицкий.
8. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, дворянин Волынской губернии Гилярий Пилявский.
9. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, дворянин Томаш Подлесский.
10. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 2, дворянин Виленской губернии Виктор Карлович Ивашкевич.
11. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, шляхтич Волынской губернии Карл Яковлевич Ковальский.
12. Прусский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, мещанин Плоцкого воеводства Людвиг Иосифович Крановский.

⁵⁰¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 94.

13. Австрийский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 4 Анофрий Домбровский.
14. Австрийский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 5, дворянин Сандомирского воеводства Хипалит Чапежинский.
15. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, крестьянин Степан Маркевич.
16. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 5, мещанин Люблинской губернии Францишек Заватский.
17. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 5, дворянин Александр Степанович Гробовский.
18. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 5, мещанин Ерам Янолович.
19. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 4 Степан Панасюк.
20. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 4 Казимир Войцех.
21. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 4 Ян Германович.
22. Австрийский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 5, дворянин Сандомирского воеводства Ромуальд Заватский.
23. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 6 Марц Андреевский.
24. Австрийский подданный, рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2 Феофил Жихович.
25. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 5 Якуб Моннольский, Филип Драцкий, Петр Лесик, Андрей Добрович.
26. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 1 Казимир Косович.
27. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 1 Юзеф Косецкий.
28. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, шляхтич Варшавской губернии Ян Александрович Барановский.
29. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, шляхтич Ян Баражинский.
30. Бухгалтер Оренбургской пограничной комиссии, уроженец Виленской губернии Адам Демьянович Сузин.

31. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, шляхтич Любельского воеводства Иоаким Подлесский.

32. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2, мещанин Краковской губернии Ян Хландовский.

33. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 2, дворянин Виленской губернии Виктор Карлович Ивашкевич.

34. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 3, шляхтич Любельского воеводства Карл Яковлевич Ковальский.

35. Чиновник 14-го класса Оренбургской пограничной комиссии, дворянин Виленской губернии Фома Карлович Зан.

36. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 2 дворянин Кригштейн.

37. Рядовой Оренбургского Линейного батальона № 4 дворянин Бонифаций Креневицкий.

38. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 5, мещанин Калишского воеводства Антоний Гутовский.

39. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 12, шляхтич Сандомирского воеводства Юзеф Высоцкий.

40. Унтер-офицер Оренбургского Линейного батальона № 12 Владислав Шкупа.

**Польские патриотические песни, считавшиеся жандармами
политическими⁵⁰²**

«Boże! coś Polskę» – религиозный гимн, написанный Алоизием Фелинским около 1818 года (перевод с польского Г. А. Воробьева): «Боже, в течение стольких веков окружавший Польшу блеском могущества и славы, заслонявший ее щитом Своей опеки от грядущих на нее несчастий, – у алтарей Твоих приносим мольбы: отчизну и свободу благослови возвратить нам, Господи! Ты, будучи тронут ее падением, помогал борющимся за святейшее дело, а, желая целый мир поставить свидетелем ее мужества, посреди несчастий умножал ее славу. Возврати несчастной Польше прежний блеск, утучни поля и опустошенные нивы, пусть счастье и свобода вовеки в ней процветают! Перестань карать нас, разгневанный Боже! Ты и не так давно лишил свободы Польскую землю, а уже крови нашей потекли реки. А как же должно быть невыносимо тем, которые утратили отчизну навсегда! Боже, сокрушающий праведной десницей железные скипетры властелинов земных, сокруши погибельные замыслы наших врагов, пробуди надежду в нашей несчастной душе! Боже Пресвятой, Владыка целого света, вырви польский народ из неволи тиранов. Поддержи благородные порывы нашей молодежи! Ради ран Христовых, упокой души усопших братьев. Воззри на Твой народ, истомленный неволей! Прими жертвы сынов Польской земли. Отстрани от нас несчастья и смертоубийства. Сочетай Твои народы союзом свободы под одним скипетром Ангела мира. В то время, когда польский народ утопает в слезах, молим за наших павших братьев, дабы их мученичеством увенчанные длани отверзли нам врата к свободе. Твое одно слово, Владыка владык земных, может нас снова поднять из праха. А если мы когда либо снова станем достойны Твоего наказания, обрати нас в прах, но в прах свободный!».

⁵⁰² Воробьев Г.А. Польские патриотические песни, именуемые «революционными» (Историческая справка) // Исторический вестник. 1906, Т. CIV. С. 572 – 578.

«Z dymem pożarów» – религиозный гимн, написанный Корнелем Уэйским под впечатлением от жестокости, с которой было подавлено Польское восстание в Галиции в 1848 году (перевод с польского Г. А. Воробьева): «Сопровождаемый дымом пожаров и пролитием братской крови, к Тебе, Господи, вопиет этот голос. Это – страшная жалоба, это – последний вопль; от таких молений седеют волосы. Мы уже без жалоб не знаем песен: терновый венец врос в наше чело. Как воспоминание о Твоем гневе, простерты к Тебе длани с мольбою. Сколько раз Ты нас не наказывал, мы же, имея свежие, не обмытые раны, снова взываем: Он умилосердился, ибо Он – Отец наш и Господь! И опять восстаем преисполненные верой. Между тем, по воле Твоей, нас угнетает враг и, как камень, бросает насмешку: Где же этот Отец? Где же этот Бог? Смотрим на небо: не обрушится ли оттуда сотня солнц на врагов? Но там тихо, посреди лазури по-прежнему парит в воздухе свободная птица. И вот, среди сомнений и несогласий, пока приобретем снова веру, уста Тебя оскорбляют, хотя сердце плачет; суди нас по сердцу, а не по словам! О, Господи, ужасные совершаются в настоящее время деяния – сын убил отца, брат умертвил брата, множество Каинов существует среди нас. Но, Господи, они не виноваты, хотя нашу будущность и отодвинули назад, – иные дьяволы были там деятелями. Накажи руку (руководителей), а не слепой меч (исполнителей). Потом, с Твоим архангелом во главе, пойдем в великий бой и на трепещущем демона теле водрузим Твою победную хоругвь. Для заблудших братьев откроем сердца; вину их смоем крещение свободы. Тогда услышит гнусный богохульник наш ответ: Бог был и есть!».

«Jeszcze Polska nie zginęła» или «Мазурка Домбровского» была написана во время неаполитанской экспедиции Наполеона I в 1799 году Иосифом Выбицким (перевод с польского Г. А. Воробьева): «Еще Польша не погибла, когда мы живы! То, что насиле чужих отняло, – отберем саблех. Марш, марш, Домбровский! из Итальянской земли в Польшу! Последуем за тобой, побратаемся с народом. Переплывем Вислу, переправимся через Варту, будем поляками. Бонапарт дал нам пример, как надо побеждать. Как Чарнецкий в Познань после шведского погрома, – для спасения отчизны вернемся через море. Отец молвил своей Басе

весь в слезах: Послушай, это, кажется, наши бьют в барабаны. ... Марш, марш, Домбровский! из Итальянской земли в Польшу!».

«Песня легионеров (1798)» (перевод с польского Г. А. Воробьева): «Немец (москаль) не завладеет Польшей посредством оружия. Лозунгом всех будет свобода и наша родина. Марш, марш, Домбровский! из Итальянской земли в Польшу! Последуем за тобой, побратаемся с народом. Земляк внимательно прислушивается: не рычит ли пушка; исполненный мужества, считает минуты. Марш, марш, Домбровский! охотно к тебе примкнет стенающий люд. Поляков ли, сарматов ли будем носить имя – наша задача одна: среди милых братьев провозглашать давнюю свободу. Марш, марш, Домбровский, народ тебя ожидает. Приди с правами человека. Соседи довели нас до падения и отобрали от нас оружие, но ведь оплотом Спарты были груди, – тот же оплот остается и для нас. Марш, марш, Домбровский, каждый из нас чует охоту встать на защиту своих прав; есть и предводитель. Старец рассказывает о подвигах оружия, а юноша садится на коня, чтобы разыскать этого мужа. Марш, марш, Домбровский, свобода – старый лозунг – еще в наших сердцах».

«Песня молодежи» 1863 года (перевод с польского Г. А. Воробьева): «Еще Польша не погибла, пока молодежь жива. Свобода наша не минула, раз в ней (молодежи) бьется сердце. Марш, марш, вперед за молодежью, под ее водительством будем снова народом. Молодежь – польская, вера – ляцкая, сердце у нее пламенное, душа ее сарматская, румянец играет у нее на щеках. Никто так не чувствует, как родина, что только молодежь раскует наши рабские оковы. Старинная вера отцов и старые традиции в ее глазах – не пустая мечта, но догмат веры. Итак, молодые соколята, будьте мужественны, стойки и разумны в своих действиях. Пусть память о вас сохранится вовеки».

«Польская марсельеза» 1863 года (перевод с польского Г. А. Воробьева): «Еще Польша не погибла, пока мы живы. То, что чужая сила отняла у нас, – отберем силой. Что начало отчаяние, – то довершит мужество. Марш, марш, поляки! Бог дарует нам победу. Отчизна, восстающая из гроба, взывает к своим детям: кто мой сын, кто истинный поляк, пускай стремится в бой! О мать наша,

святая родина, мы твои дети, мы сокрушим твои оковы! За свободу, за родимый край поспешим к оружию. Братья, ведь, не численность, но мужество одерживает победу. Честь и слава на нашей стороне. Приятно умирать, защищая родину. О, земля наших прадедов, земля, облитая их кровью, ты уже наша, уже не будешь иметь чужого владельца. К оружию, братья, к оружию, под святым знаменем Орла и Погони!».

**Выдержка из циркуляра Министерства внутренних дел № 80
от 28 мая 1863 года⁵⁰³**

В виду важных недостатков в правилах полицейского надзора за лицами, обнаружившими вредные стремления, государь император 26 апреля 1863 года повелеть соизволил:

1. Признанных вредными по политическим стремлениям лиц высылать отныне под надзор полиции только в те местности, которые перечислены в приложении и в указанном в них размере.

2. Уроженцев Западных губерний высылать в определенные для того в списке под литерой «А» местности (Архангельскую, Воронежскую, Костромскую, Казанскую, Лифляндскую, Новгородскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Олонецкую, Пензенскую, Пермскую, Саратовскую, Тамбовскую и Эстляндскую губернии); а прочих, в те, которые помечены в списке литерой «Б» (Вологодскую, Вятскую, Самарскую и Симбирскую губернии).

⁵⁰³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 212. Л. 65.

Пример польского антиправительственного стихотворения⁵⁰⁴

№ 1.

Что это за шум?
Веселится Царь,
Ибо ему Гёргей прислал подарки,
Как плод (=дар) измены.
Гуляй, гуляй, гуляй Ц(арь)
Вокруг тебя сановники,
Пусть вам ...
А впереди Царь.
Как жестокий Царь
Пей людскую кровь,
Пожри тела мучеников
И снова убийства ...
Ну же, Царь, ну же, пускайся в танцы
На нас уже звенят оковы, над нами свищут батоги, кнуты,
Течет свежая кровь.
Еще жив Бем,
С ним, братья, опять
Понесем остаток польского оружия
В Край чуждых земель.
А когда исчезнут заботы и труды,
Тогда под такт галопа
Вбежим в отеческую землю
А впереди Бем.
Стой, Царь, стой,

⁵⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 498. Л. 2.

Еще не кончен бой,
Еще Клапка в Коморке,
Слышен польский бой,
Пока поляк жив,
Пока хоть одно сердце бьется,
До тех пор берегись, берегись, Царь,
И на часах стой.
Ибо придет время,
Что будешь наш,
Заменишь скижур оковами
И конопляным кушаком.
В ... будешь висеть, Царь,
А под тобой сановники,
Ибо для тебя смерть и ад,
А жизнь – для нас.

**Сведения о числе польских переселенцев, размещенных в селениях
Оренбургской губернии (вторая половина 1864 года)⁵⁰⁵**

№	Название поселения	Число поселенных семей
Челябинский уезд. Таловская волость		
1	Таловское	3
2	Кипельское	3
Куртамышевская волость		
3	Куртамыш	3
4	Растотурская	1
Карачельская волость		
5	Карачельское	3
6	Дюрягина	2
7	Котлик	2
8	Жужгова	1
Кислянская волость		
9	Кислянское	3
10	Большая Белая	3
Маслейская волость		
11	Маслейское	1
12	Логоуша (Логоушинское)	3
13	Рождественское	3
Окуневская волость		
14	Окуневское	3
Чумлякская волость		
15	Чумлякское	3

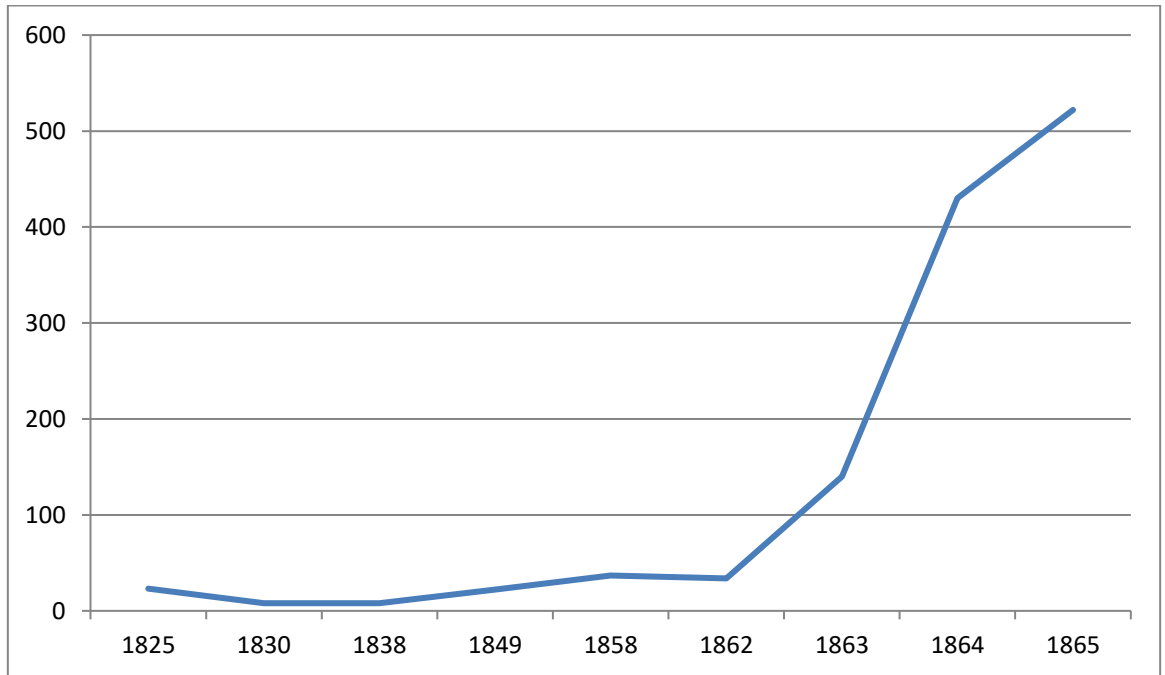
⁵⁰⁵ ГАОО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 9. Л. 419 – 421.

16	Кишкина	2
17	Зайкова	3
Становская волость		
18	Становское	1
19	Сеитово	3
Воскресенская волость		
20	Воскресенское	3
21	Черноярская	3
Белоярская волость		
22	Белоярское	3
23	Боровское	3
24	Тавранкульское	3
25	Потаповская	3
Карасинская волость		
26	Карасинское	3
27	Клопова	1
28	Введенское	1
Ивановская волость		
29	Иванковское	3
30	Лешакова	2
31	Мало-Окунево	1
Птиченская волость		
32	Птиченское	1
Куликовская волость		
33	Куликовский	1
34	Линево	3
35	Мокрушино	2
Заманиловская волость		
36	Заманиловка	2

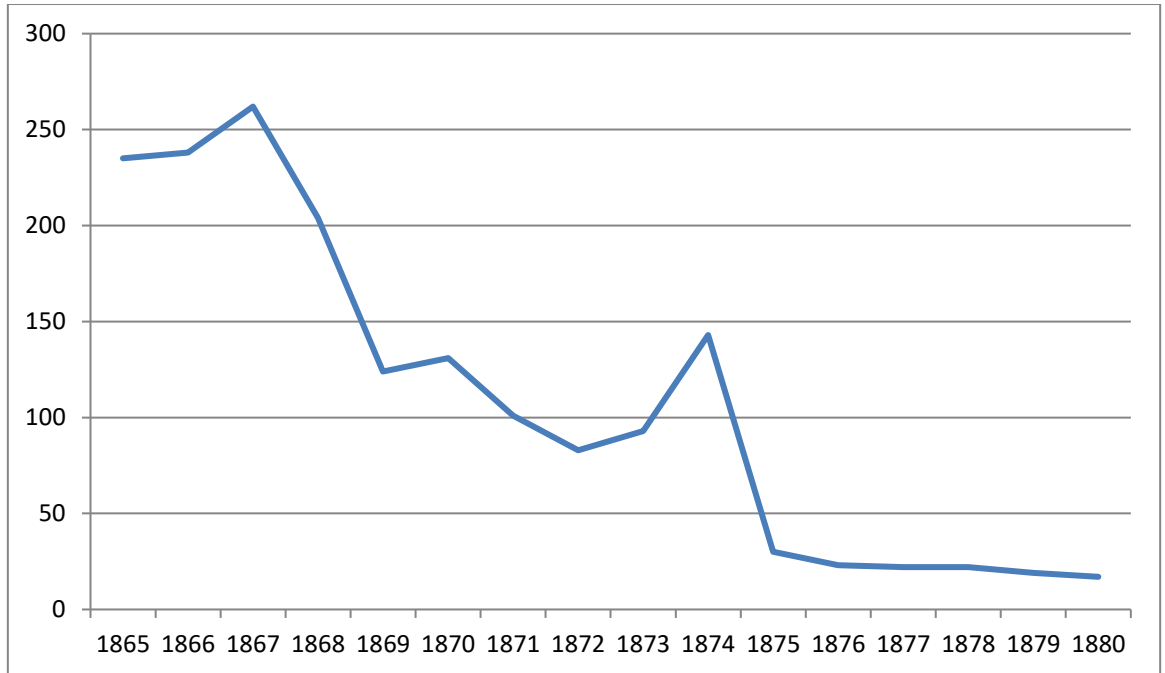
37	Малый Кочердык	2
38	Дулина	1
Андреевская волость		
39	Туманово	1
40	Петровское	3
41	Пискловское	1
42	Малое Туманово	3
43	Александровка	3
Долговская волость		
44	Долговское	3
Кочердыкская волость		
45	Булановка	3
46	Чудиново	3
47	Журавлина	3
48	Мяконская	3
49	Бурyleва	1
Оренбургский уезд. Покровская волость		
50	Девятаевка	3
51	Землянка	3
52	Александровка	2
53	Козловка	2
54	Леоновка	2
55	Верхняя Платовка	1
Слоновская волость		
56	Богородская	4
57	Кузьминовка	3
58	Богословка	3
Каликинская волость		
59	Новоникитино	3

60	Успенка	4
61	Александровка	2
Абрамовская волость		
62	Абрамовка	3
63	Радовка	2
Белозерская волость		
64	Людвиновское	3
65	Казанка	3
Павловская волость		
66	Архангельское	3
67	Ново-Воскресенская	3
Дмитриевская волость		
68	Новониколаевка	3
69	Новоспасска	3
Новотроицкая волость		
70	Каменка	3
71	Верхний Гумбет	3
72	Новотроицкое	3
Рождественская волость		
73	Колычево	3
Никольская волость		
74	Архангельское	4
75	Ново-Егорьевское	4
76	Преображенское	2
77	Константиновка	3
	Всего	194

**Динамика изменения численности политических ссыльных,
проживавших под надзором полиции в Оренбургской губернии
в 1825 – 1865 годах**

**Динамика изменения численности политических ссыльных,
проживавших под надзором полиции в Оренбургской губернии
в 1865 – 1880 годах**

**Выдержка из циркуляра Министерства внутренних дел № 242
от 2 ноября 1867 года⁵⁰⁶**

1. Лицам, принадлежащим к привилегированным сословиям, имеющим собственные средства для переезда в Царство Польское, выдавать свидетельства на свободное следование в Царство, со включением в самом свидетельстве неременного условия не останавливаться в пределах Империи, но следовать прямым путем в Варшаву и, по прибытии туда, немедленно явиться в Управление обер-полицмейстера.

2. Лиц из привилегированных сословий, не имеющих собственных средств на путевые издержки, отправлять: А) по тем губерниям, через которые проходят железные дороги в общих арестантских поездах и вагонах. Б) по главному ссыльному тракту от Ачинска до Нижнего Новгорода. В) там, где существует прежнее пеше-этапное следование арестантов: на подводах, назначая, в видах устранения излишних издержек, для двух по одноконной подводе. При наличии одного ссыльного выдавать ему одноконную подводу, с тем, чтобы при первой возможности присоединить на ту же подводу другое такое же лицо.

4. Лица, переселяющиеся в Царство Польское этапным порядком, следуют не в роде арестантов, но при арестантских партиях, под общим надзором стражи, подчиняясь всем тем правилам, которые изданы для препровождения арестантов, за исключением наложения всякого рода арестантских укреплений, от которых эти лица освобождаются.

5. Лица, переселяющиеся в Царство Польское этапным порядком, при остановках на ночлеги, дневки, а равно в ожидании отправления по железным дорогам и пароходами помещаются в тех же зданиях, в которых помещаются партии пересыльных арестантов, подчиняясь всем тем правилам, которые изданы для препровождения арестантов, за исключением наложения всякого рода арестантских укреплений.

⁵⁰⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Д. 267. Л. 27 – 28.

**Динамика изменения численности политических ссыльных,
поселенных на казенных землях Оренбургской губернии в 1865 – 1875 годах**

